

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

1 (13)

ЕРЕВАН

2010

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

1 (13), 2010

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гагик Арутюнян (координатор)
Тигран Саркисян
Мушег Лалаян
Севак Саруханян
Сергей Гриняев
Спартак Сейранян

РЕДАКЦИЯ

Гагик Арутюнян (главный редактор)
Севак Саруханян (зам. гл. редактора)
Лилит Меликсетян
(ответственный редактор)
Лусине Баграмян
(ответственный секретарь)
Рубен Мелконян
Тигран Арутюнян
Эдуард Даниелян

EDITORIAL BOARD

Gagik Harutyunyan (Coordinator)
Tigran Sargsyan
Mushegh Lalayan
Sergey Grinyaev
Sevak Sarukhanyan
Spartak Seyranyan

EDITORSHIP

Gagik Harutyunyan (Editor-in-Chief)
Sevak Sarukhanyan (Deputy Editor-in-Chief)
Eduard Danielyan
Lilit Meliksetyan (Managing Editor)
Lusine Baghranyan (Executive Secretary)
Ruben Melkonyan
Tigran Harutyunyan

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Минасян

Подходы региональных и глобальных акторов
в карабахском конфликте 3

Ованес Никогосян, Сурен Мовсисян

О миротворцах в НКР, не забывая
о международном опыте 23

Сероб Суджян

Демографическая ситуация в
Нагорно-Карабахской Республике 42

Дмитрий Саноян, Алек Д. Эпштейн

Армяне и евреи в XX – начале XXI вв.:
параллели политических судеб 59

Рачья Арзуманян

Концепция операций, базирующихся
на достижении эффектов 71

Памятка автору 117

ПОДХОДЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Сергей Минасян

Работа освещает основные подходы региональных и глобальных акторов в карабахском конфликте, особенно вовлеченных в урегулирование государственных посредников. Подробно исследуются также долгосрочные стратегии и реализуемые политики самих конфликтующих сторон – с одной стороны, Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики, а с другой – Республики Азербайджан. Отмечается, что карабахский конфликт не является исключением среди аналогичных этнополитических конфликтов и целиком укладывается в логику мировых процессов создания новых государств и государственных образований.

1. Введение

Уже два десятилетия карабахский конфликт продолжает оставаться важнейшим фактором, влияющим на политическую карту Закавказья (Южный Кавказ). Вовлеченные в той или иной степени в сам конфликт или в процесс мирного урегулирования третьи страны и международные организации не имеют единой позиции и зачастую преследуют собственные цели и интересы в политических процессах вокруг Нагорного Карабаха. Несмотря на отсутствие серьезных подвижек по достижению в обозримом будущем мирного соглашения вокруг Карабаха (армянская область Арцах – в древности и средневековье одна из 15 провинций царства Великой Армении), для самих конфликтующих сторон эта ситуация сохраняющегося статус-кво является минимально приемлемым развитием. Даже проигравшая в войне Республика Азербайджан, заявляющая время от времени о своей готовности взять реванш, тем не менее, исходя из политических и военных ограничений, также вынуждена учитывать сложившиеся реалии.

2. Глобальное и региональное измерение карабахского конфликта и позиции государств-посредников

2.1. Карабахский конфликт в системе аналогичных мировых этнополитических конфликтов

Динамика карабахского конфликта¹, приведшего к созданию по его итогам нового, легитимно декларированного 2 сентября 1991г. независимого государства – Нагорно-Карабахской Республики, естественным образом укладывается в мировую логику процессов национального строительства и появления новых государств. Такие этнополитические конфликты, как карабахский, и появление новых де-факто государственных образований, при всем различии по характеру возникновения, не являются уникальными случаями ни для постсоветского пространства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье), ни для региона Передней Азии и Средиземноморья (Республика Северного Кипра), ни для Балкан (Косово), ни для других примеров в глобальном масштабе (Эритрея, Восточный Тимор и т.д.).

Долговременное состояние «ни мира, ни войны» вокруг Нагорного Карабаха в основном объясняется сложным геополитическим фоном и региональным соперничеством сверхдержав. Вместе с тем, своей специфичностью, исходящей из законного принципа восстановления исторической справедливости, карабахский конфликт укладывается в ряд подобных этнополитических или территориальных вооруженных конфликтов, связанных с процессами национального строительства и претворением права народов на самоопределение. Соответственно, применительно к карабахскому конфликту необходимо учитывать и мировой опыт разрешения подобного рода сложных этнополитических конфликтов, особенно прошедших активную военную фазу. Такие этнополитические и территориальные конфликты практически никогда не удавалось урегулировать путем паритетного компромиссного соглашения, одинаково удовлетворяющего все стороны².

¹ Подробнее об истории и динамике развития карабахского конфликта см.: *Nikolay Hovhannisyan, The Karabakh Problem: Factors, Criteria, Variants of Solution, Yerevan, 1999; Աղբրակներ Մանասյանի, Ղարաբաղյան հիմնախնդիրը*. Փաստեր և փաստաթղթեր, Երևան, 2005, էջ 20, 47, *Александр Манасян, Карабахский конфликт. Ключевые понятия и хроника, Ереван, 2005; Sergey Minasyan, Mikhail Aghajanyan and Eleonora Asatryan, The Karabakh Conflict: Refugees, Territories, Security, Yerevan, 2005; Сурен Золян, Нагорный Карабах: проблема и конфликт, Ереван, 2001; Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.*

² Мировая история последнего столетия практически не знает подобных примеров, кроме совсем уж экзотических случаев, когда конфликты не достигали такого ожесточения, имели малый ареал или же не являлись приоритетными для самих конфликтующих сторон. Например, такого рода спорной проблемой являлся вопрос разделенного между Италией и бывшей Югославией после Второй мировой войны Триеста, хотя и не связанный с проблематикой т.н. непризнанных государств, но являющийся классическим этно-территориальным спором.

И наоборот, широко разрекламированные и вызвавшие в свое время мировой резонанс и поддержку значительной части общественности конфликтующих сторон компромиссные соглашения впоследствии лишь приводили к еще более кровопролитным вспышкам насилия и необходимости для сторон продолжать конфликт в еще более трудных условиях¹. Слишком уж часто такого рода идеалистическое и основанное на «идея фикс» компромиссного урегулирования «желание мира без понимания реальностей мирного процесса приводило к совсем иным результатам, нежели планировалось изначально» [1]. Во всех остальных случаях этнополитические и территориальные конфликты, особенно связанные с сецессией и этническим размежеванием сторон, имели лишь очень небольшой набор сценариев, приводивших (или же, наоборот, до сих пор так и не приведших) к окончательному решению или долговременному миру.

- Первый сценарий предполагает достижение одной из сторон настолько убедительной победы (или же фактической капитуляции бывшей «метрополии»), что проигравшая сторона полностью или на очень долговременную историческую перспективу отказывается от всяких надежд и претензий на возврат данных отделившихся территорий. Особенно важно, если сложившаяся ситуация найдет понимание и будет признана со стороны международного сообщества или хотя бы значительного количества стран мира. Условно этот случай достижения успешной и окончательной независимости можно показать на примере Косово, Эритреи, Восточного Тимора. Похожими примерами «окончательного решения» в долговременной исторической перспективе уже чисто территориального этнополитического конфликта могут послужить Эльзас и Лотарингия, Судеты и т.д.
- Вторым примером «окончательного разрешения» этнополитического конфликта или же проблемы непризнанных государств может быть полное уничтожение отделившейся этнополитической единицы. Такого рода наглядными и зеркально обратными (по сравнению с первым случаем) примерами «окончательного решения» этнополитического конфликта может послужить Сербская Краина в Хорватии. Аналогичным примером могла бы стать также и Южная Осетия, если бы Грузия в августе 2008г. смогла успешно осуществить свою военную операцию при невмешательстве России в конфликт.

¹ Классическим примером могут служить Ословские соглашения 1993г. по урегулированию арабо-израильского конфликта, которые не только не привели к достижению долгожданного мира на земле Палестины, а стали лишь прологом к гибели главного «архитектора» мирного процесса Ицхака Рабина, новому витку интифады, активизации атак арабских боевиков на Израиль, Ливанской войны 2006г., операции «Литой свинец» в секторе Газы в конце 2008г., а также демократическому приходу к власти в секторе Газы «Хамас» и т.д.

- Третьим примером может быть ситуация «замороженного конфликта», когда проигравшая сторона (т.е. бывшая «метрополия») не смирилась с существующим положением и надеется каким-то образом достигнуть военного или политического реванша и вернуть отколовшуюся территорию. Такого рода примерами «замороженного конфликта» могут служить ситуации вокруг Карабаха, Приднестровья, а до августа 2008г. – также Абхазии и Южной Осетии.
- Четвертый пример – это так называемый «Кипрский вопрос», возникший вследствие прямой агрессии Турции. Однако международного признания, исходя из тех или иных политических обстоятельств, или же примирения бывшей «метрополии» со сложившейся реальностью, не происходит, и конфликт не находит окончательного урегулирования.

Можно продолжить примеры актуальных мировых этнополитических конфликтов, в решении которых заложен один из механизмов образования новых государств. В указанных рамках карабахский конфликт, имея свои специфические и весьма характерные черты, не является уникальным. В частности, это проявляется в виде наличия многолетнего формата посредников переговорного процесса (сопредседателей Минской группы ОБСЕ в лице трех ведущих мировых ядерных держав – постоянных членов Совета безопасности ООН), сохраняющегося хрупкого перемирия на линии соприкосновения при полном отсутствии миротворцев и бесспорной важности Закавказья (Южного Кавказа) для региональных и мировых акторов.

2.2. Позиции посредников и региональное измерение карабахского конфликта

Исходя из вышеуказанного, подходы и вовлеченность как региональных, так и глобальных акторов в карабахском конфликте вполне типичны по сравнению с другими аналогичными этнополитическими конфликтами. Как в других случаях, в карабахском конфликте одновременно проявляются жесткое соперничество и дипломатическое сотрудничество участвующих в переговорном формате великих держав и государств-посредников, ревнивое отношение соседей по региону как к конфликтующим сторонам, так и к активному вовлечению внешних акторов, использование сторонами всего спектра механизмов *real politik*, военно-политического и экономического шантажа и т.д..

Вместе с тем, существующий формат реального переговорного процесса вокруг Нагорного Карабаха осуществляется под эгидой и при посредничестве

Минской группы ОБСЕ, созданной в 1992г. и включающей Россию, США и Францию (в случае с последней предусматривается, что французский сопредседатель также как бы выражает позицию ЕС)¹. И это несмотря на то, что реализуемые политические интересы стран-сопредседателей зачастую не только сталкиваются, но и вступают в открытое противоречие в глобальном масштабе, включая постсоветское пространство. Так происходит, в частности, в связи с Грузией, где США и ЕС могут открыто противостоять или же выстраивать свою политику по отношению к России на грани открытой конфронтации, а по соседству, в том же закавказском регионе, иметь схожие подходы к процессу мирного урегулирования карабахского конфликта и даже консенсусное мнение по вопросу о недопущении развязывания новых боевых действий против Нагорного Карабаха. Такая уникальная и в то же время осознанная реалистичная политика трех сопредседателей позволяет сохранить и продолжить чрезвычайно трудный процесс переговоров.

Вполне естественно, что подходы основных внешних акторов к карабахскому конфликту также корректируются в соответствии с их собственными интересами на Южном Кавказе и в прилегающих регионах. Это могут быть как интересы в сфере энергетики и коммуникаций (что актуально, например, для США и Франции), так и проблем безопасности и геополитического доминирования (как в случае с Россией и США, а также в подходах других государств региона Передней Азии – Ирана и Турции). Однако не только так называемые интересы «материального порядка» или же лежащие в сфере геополитики и безопасности сказываются на подходах всех региональных или глобальных акторов к карабахскому конфликту. Это могут быть как идеалы и принципы демократии и региональной интеграции (проявляющиеся в позициях европейских стран и организаций, в том или ином формате вовлеченных в процессы урегулирования, – например, Совета Европы или ОБСЕ), так и историко-культурные и религиозные факторы.

Пример совмещения прагматизма и реализма в подходах к карабахскому конфликту представляет собой Иран. Будучи исламским государством и зачастую выступая с позиций исламской солидарности в других этнополитических конфликтах, Исламская Республика Иран совмещает это с довольно сбалансированным и прагматичным отношением в карабахском конфликте и даже поддержкой Армении в вопросах регионального экономического и коммуникационного сотрудничества [2]. После неудачной попытки Ирана в мае 1992г. выступить посредником в карабахском конфликте Тегеран больше не демонстри-

¹“Conflict Resolution in the South Caucasus: The EU’s Role”, Europe Report No173, International Crisis Group, 20 March 2006.

рует открытой заинтересованности выступать в качестве медиатора переговоров, но при этом чрезвычайно активно следит за всеми происходящими вокруг Нагорного Карабаха политическими процессами, особенно ревниво реагируя на все попытки активизации американских инициатив в регионе.

Из региональных акторов выделяется позиция Грузии в отношении карабахского конфликта и продолжающегося армяно-азербайджанского противостояния. С одной стороны, Грузия, имеющая проблемы собственных этнополитических конфликтов вокруг Абхазии и Южной Осетии и напряженные отношения с Россией, стремится по возможности и хотя бы на декларативном уровне занимать более или менее нейтральную позицию в карабахском конфликте. Вместе с тем, с учетом наличия стратегического партнерства между Арменией и Россией и схожести своего статуса бывшей «метрополией», потерявшей свои автономии советского периода (Абхазию и Южную Осетию), с аналогичным статусом Азербайджана, официальный Тбилиси в своих оценках и действиях зачастую демонстрирует проазербайджанскую позицию и в то же самое время получает значительные дивиденды от неурегулированности конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Абсолютно ясно, что реализация энергетических проектов по транспортировке каспийской нефти и газа («Баку-Тбилиси-Джейхан» и «Баку-Тбилиси-Эрзерум (Карин)») из Азербайджана в Турцию обходным путем через территорию Грузии была бы невозможной, если бы не наличие неурегулированного карабахского конфликта, в результате которого Баку настаивал на прокладке этих трубопроводов в обход Армении. Урегулирование карабахского конфликта снизит региональную значимость Грузии, лишит ее тех экономических и политических преимуществ, которые получает Тбилиси в условиях наличия конфликта между двумя ее соседями по закавказскому региону. Даже изменение общего фона вокруг карабахского конфликта, как опасаются определенные круги в Грузии, может негативно сказаться на ее региональном положении. Например, как указывают грузинские эксперты, в Грузии существует ощущение того, что в случае дипломатического урегулирования отношений между Арменией и Турцией, сопровождающейся снятием со стороны последней блокады и открытия границ и коммуникаций, Тбилиси потеряет «свою привилегированную позицию» в региональных транзитных и экономических проектах. Хотя грузинские эксперты также полагают, что в результате этих процессов снизится российское военно-политическое присутствие в Армении и, в целом, в закавказском регионе, что исходит и из интересов Грузии [3].

3. Политика и подходы конфликтующих сторон

В условиях практически взаимоисключающих подходов общественности и политических элит, с одной стороны, Республики Армения и НКР, а с другой – Республики Азербайджан к перспективам мирного урегулирования и отсутствия реальных условий и даже перспектив на достижение компромиссного соглашения, чрезвычайно актуальна правильная оценка долговременных развитий вокруг карабахского конфликта. Поэтому поиски ответа на вопрос о том, кому выгодно в долговременной перспективе ситуация сохранения нынешнего статус-кво, а более конкретно – «на кого же в карабахском конфликте реально работает время», являются одним из важнейших дискурсов, существующих в идейно-политическом и в экспертно-аналитическом поле конфликтующих сторон.

В частности, общественность и политические элиты Республики Армения и Нагорного Карабаха считают, что каждый день существования независимой Нагорно-Карабахской Республики (по результатам победы в войне и наличия нынешних границ НКР) закрепляет все достижения армянских сторон, особенно с учетом мировой тенденции к признанию новых государственных образований и так называемого «Косовского прецедента». По их мнению, каждый день существования Карабаха вне Азербайджана лишь приближает к реализации целей свободного и независимого существования второго армянского государства.

В Республике Азербайджан же, наоборот, почти все слои общественности и политические силы однозначно надеялись вернуть себе Нагорный Карабах как военной силой, так и мирным путем. Одним из важных элементов «карабахской стратегии» Азербайджана является открытая и публичная угроза возобновить боевые действия, призванная повлиять на психологическое восприятие конфликта как западными державами и международными организациями, так и армянскими сторонами. Дополнительную аргументацию указанной политики Азербайджана в глазах его руководства и политической элиты добавляют также неоправданно высокие ожидания от роли нефтяного фактора и желания навязать Республике Армения и Нагорному Карабаху экономически изматывающую «спираль» гонки вооружений. Второй же составляющей «карабахской стратегии» Азербайджана является идея продолжения кампании экономического и коммуникационного «удушения» Армении путем ее многосторонней блокады как со стороны Азербайджана, так и со стороны Турции. Эта идея фактически стала краеугольным камнем «карабахской стратегии» Баку за все годы активной фазы карабахского конфликта в его противостоянии с Ереваном и Степанакертом. За все это время указанная концепция так и не доказала свою эффективность, подтверждением чего явились бурный двузначный экономический рост

Республики Армения и государственное строительство и экономическое развитие Нагорно-Карабахской Республики в течение последних нескольких лет в условиях блокады, осуществляемой Турцией и Азербайджаном.

3.1. Армения

Карабахская проблематика является важным направлением во внешней и внутренней политике Республики Армения. Необходимость поддержания военного баланса ввиду угрозы возобновления боевых действий, экономические издержки осуществляемой Азербайджаном и Турцией транспортной блокады, естественно, оставляют свое влияние на политическое и социально-экономическое развитие независимой Республики Армения.

Продолжая свое развитие с учетом региональных и глобальных процессов, Республика Армения, несмотря на все политические и экономические трудности, способствует укреплению государственности и экономики НКР, вне зависимости от состояния карабахского конфликта. Реалистичный анализ складывающейся вокруг карабахского конфликта ситуации не позволяет говорить о скором урегулировании отношений с Азербайджаном в краткосрочной или даже среднесрочной перспективе. Соответственно, Армения предпринимает шаги налаживания отношений с другими странами региона, а также с международными организациями и ведущими мировыми государствами, одновременно стимулируя интерес европейских организаций и мировых держав к Закавказью (Южный Кавказ), учитывая карабахский конфликт [4].

Важным ресурсом является использование комплементаризма как формы реализации внешней политики Армении. Несмотря на имеющиеся и с каждым разом все более усиливающиеся субъективные (а местами даже иррациональные) антироссийские стереотипы на Западе, будучи союзником России и членом ОДКБ, Армения никогда не рассматривалась на Западе как исключительно пророссийский актер закавказской региональной политики. НКР в восприятии западной политической элиты никогда не стоял в одном ряду с Абхазией, Южной Осетией или Приднестровьем, а Азербайджан никогда не рассматривается как такое же безусловно прозападное государство, как Грузия, и поэтому заслуживающее поддержки Запада. И дело отнюдь не только в роли армянской диаспоры в США и в странах Европы или же в особой эффективности армянского внешнеполитического комплементаризма, пытающегося балансировать на взаимоотношениях России и Запада. По меткому замечанию российского эксперта по Закавказью Сергея Маркедонова, «если Абхазия и Южная Осетия для Запада – марионетки Кремля, то с НКР другая история. Далекое не для всех, но для многих – это «маленькая свободолюбивая республика, бросившая вызов КПСС и

коммунистической тирании». Карабах воспринимается как часть антикоммунистического протеста. Наряду, кстати, с Грузией и Прибалтикой, хотя это и кажется, на первый взгляд, парадоксальным. А на Западе (особенно в США) – это серьезный аргумент» [5].

Что касается военно-технической составляющей конфликта, то, с учетом попыток Баку путем силового шантажа и угроз возобновления боевых действий вынудить армянские стороны к уступкам, армянское военно-политическое руководство убеждено в том, что даже возможное увеличение нефтяных доходов Азербайджана не позволит ему в ближайшем будущем достичь такого многократного превосходства над Республикой Армения и НКР, чтобы надеяться на успех в войне. Вдоль всей границы НКР за годы перемирия создана эшелонированная линия обороны, которую будет довольно сложно преодолеть. По оценкам военных экспертов, насыщенность оборонительных позиций армянской армии НКР противотанковыми средствами и артиллерией позволяет нанести серьезные потери наступающим азербайджанским войскам, что ликвидирует их многократное превосходство в танках и иной бронетехнике в ходе первого удара и не допускает возможности «блицкрига» и быстрого прорыва вглубь территории Нагорного Карабаха [6, сс. 142-152].

Представляется, что для оценки реальной военно-политической ситуации в зоне конфликта также необходимо учитывать роль и возможность применения армянской стороной политики сдерживания противостоящей стороны. По мере раскручивания очередного витка гонки вооружений в зоне армяно-азербайджанского противостояния вероятность начала боевых действий снижается. Таким образом, гонка вооружений в зоне карабахского конфликта в реальности на данном этапе лишь повышает порог (или снижает вероятность) начала боевых действий. Это, конечно же, не является полной гарантией невозобновления военных действий, но создает серьезные ограничения. Продолжающиеся закупки Азербайджаном за счет нефтяных доходов новых вооружений, в принципе, действительно способны несколько изменить военный баланс, но еще довольно долго стабильность в зоне карабахского конфликта будет сохранять, создающийся уже новый баланс – «баланс угроз», способствующий поддержанию хрупкого и нестабильного мира [4, р. 70].

3.2. Нагорный Карабах

Для понимания подходов политической элиты и общественности Нагорного Карабаха надо учесть несколько фундаментальных обстоятельств. Во-первых, армяне Карабаха (арцахцы) считают, что их борьба за независимость и создание собственной государственности исходит из принципа восстановления

исторической справедливости, что укладывается в логику аналогичных примеров в мировой практике. Во-вторых, для арцахцев довольно непонятна позиция ряда политических деятелей на Западе и представителей международных и европейских структур, которые, критикуя коммунистическое прошлое и говоря о тяжелом советском наследии, применительно к карабахскому конфликту ссылаются на незыблемость неких установленных сталинской и коммунистической системой административных границ, являющиеся пережитком советского режима. В глазах армянского населения и общественности Нагорного Карабаха еще более непонятна апелляция только к выборочным принципам международного права – таким, как нерушимость границ, – когда применительно к карабахскому конфликту речь идет об учете еще как минимум двух принципов – принципа права наций на самоопределение и принципа неприменения силы при решении международных споров и конфликтов. Это еще более неприемлемо с учетом самого факта, что НКР вполне легитимным путем провозгласила свою независимость в 1991г. в полном соответствии с действующим на тот момент законодательством СССР. После этого, несмотря на навязанную Республикой Азербайджан кровопролитную войну 1992-1994гг., Нагорный Карабах с коренным армянским населением в 140 тыс. человек (при поддержке Республики Армения и армянской диаспоры) смог не только противостоять Азербайджану с его почти 7-миллионным населением, но и выиграть у превосходящего по численности и военно-экономическим параметрам противника. По мнению арцахцев, в истории еще не было примеров того, чтобы победивший в войне за независимость и уже в течение двух десятилетий успешно строящий свою государственность народ мог отказаться от этих своих достижений. Соответственно, с точки зрения арцахцев, подход и переговоры с Азербайджаном могут вестись только с учетом существующих политических реалий и необходимости участия самой НКР в переговорном процессе. Иначе все достигнутые без согласия официального Степанакерта договоренности по урегулированию конфликта просто не смогут быть реализованы.

При этом, как отмечают эксперты НКР, экономический рост Азербайджана за последние годы свидетельствует о том, что отсутствие в его составе бывшей автономии – т.е. Нагорного Карабаха, абсолютно не сказывается на экономическом, социальном и культурном развитии «бывшей метрополии». Тем самым, все апелляции Азербайджана о возвращении Карабаха базируются на ображениях престижа, амбиций и пантюркистских вождений. Как отмечал еще в 1989г. выдающийся физик, защитник прав человека, лауреат Нобелевской премии Андрей Сахаров: «Для Азербайджана Карабах – вопрос престижа, для Армении – это вопрос жизни» [цитируется по: 7, с. 109].

Более того, по параметрам свободы слова, уровня демократии, избирательных процедур и защиты фундаментальных прав Азербайджан не может являться примером ни для НКР, ни для остальных соседей по региону [8].

В то же время, как состоявшаяся на современном этапе и набирающая мощь страна, НКР при прямой помощи от Республики Армения и некоторых других государств (например, США) успешно развивается в сферах экономики и дипломатии, что выведет второе армянское государство из международной изоляции и позволит официально участвовать во всех региональных проектах и делах международных организаций. При этом очевидно, что попытки изоляции Нагорно-Карабахской Республики от международного сообщества в реальности лишь отдалают возможности достижения в обозримом будущем примирения и мирного урегулирования конфликта с Республикой Азербайджан.

С другой стороны, определенные трудности вследствие международной изоляции не отражаются на политической воле и решимости армянства к усилению государственности в НКР в тесном взаимодействии с Республикой Армения и армянской диаспоры.

3.3. Азербайджан

Общий анализ ситуации вокруг карабахского конфликта, оценка позиций как противостоящих сторон, так и основных внешних акторов и посредников, позволяют утверждать, что налицо полное несовпадение подходов конфликтующих сторон. Уровень гипотетических максимальных уступок, на которые в принципе может быть готова любая из противоборствующих сторон в ходе переговоров, абсолютно не соответствует минимальным ожиданиям общества и элиты другой стороны в качестве необходимого условия для урегулирования конфликта [9]. С другой стороны, как внешние ограничители – в виде принципиальной позиции ведущих держав и международного сообщества, так и сложившийся комплексный военно-политический и военно-технический баланс на современном этапе реально сдерживают возобновление боевых действий в зоне конфликта. Однако острое противостояние армянских и азербайджанской сторон этим не нивелируется, оно просто переходит в иную стадию т.н. односторонних «периферийных» действий.

Во многом эти действия (активизация гонки вооружений, использование фактора времени, силовой шантаж, попытки ослабить противостоящую сторону экономически и психологически и вынудить к односторонним уступкам и т.д.) инициируются реваншистскими настроениями в Республике Азербайджан, потерпевшей поражение в боевых действиях 1992-1994гг. Очевидно, что Азербайджан при любом из ныне обсуждаемых (и реально осуществимых) вариантов

мирного урегулирования теряет больше, чем Республика Армения и НКР. На содержание тех предложений, которые находятся на столе переговоров Минской группы ОБСЕ объективно может повлиять так называемый «косовский прецедент», а также факты признания независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России в августе 2008г., причем не столько в виде параллелей с Карабахом в правовой или политической плоскостях, а в силу изменения фона и восприятия легитимности факта создания новых государств в глазах международного сообщества.

Тем самым, политика силового шантажа и неготовность к реальным компромиссам содержит понятные и объективные предпосылки и практически безальтернативна для современного Азербайджана. Антиармянская риторика и «идея-фикс» о возвращении Карабаха любыми способами также являются краеугольными элементами государственной агрессивной идеологии постсоветского Азербайджана, ибо азербайджанскому обществу предлагается идея «отложенного военного реванша» и вера в будущую «большую нефть» (в качестве инструментария реализации реванша) как идеологическая основа его консолидации. Кроме этого, реваншизм и антиармянские настроения используются в качестве эффективного канала нейтрализации в азербайджанском обществе острого социального недовольства, которое в ином случае было бы более агрессивно адресовано правящим элитам Азербайджана.

Однако в силу сложившегося военно-технического и военно-политического баланса (важнейшей составной частью чего является также нынешняя выгодная для обороны и фортификационно укрепленная армянская линия обороны вдоль границ НКР) Азербайджан не способен применить силу в карабахском конфликте. Несмотря на заявления Азербайджана о скорых нефтяных доходах, по оценкам международных экспертов, военный баланс в ближайшие годы не изменится. С другой стороны, не ослабевает реваншизм у значительной части азербайджанского общества. В таких условиях Азербайджан пытается создать для себя благоприятные условия в карабахском вопросе путем «периферийных» действий, откровенного силового шантажа и попыток оказания косвенного информационно-психологического, политического и экономического влияния на Республику Армения и НКР. «Непрямые периферийные действия», в частности, включают: блокаду коммуникационных путей Армении и вовлечение в этот процесс Турции, торпедирования всяких реальных попыток налаживания регионального сотрудничества (в том числе иницилируемых европейскими и международными организациями), жесткую пропагандистскую войну против Республики Армения и НКР, использование противоречий основных внешних игроков в регионе, и т.д. [10].

Бесспорно, одним из основных аргументов Азербайджана в его бескомпромиссной политике и подходах в карабахском конфликте является фактор перспективных значительных доходов от добычи нефти и газа. У Баку есть уверенность, что он способен благодаря доходам от экспорта каспийских энергоресурсов навязать Республике Армения и НКР гонку вооружений в регионе, заставив тем самым пойти на значительные уступки в карабахском вопросе. Суммарные оценки азербайджанских запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря варьируются в зависимости от политических пристрастий исследователей, и очень трудно составить объективное представление о цифрах реального углеводородного потенциала Азербайджана. Тем не менее, надо признать, что они весьма значительны, способны в течение длительного времени оказать влияние на экономическое развитие Азербайджана и должны обязательно учитываться при анализе региональных политических, военно-технических и социально-экономических процессов. Однако нефть и газ абсолютно не являются панацеей для стабильного экономического роста и политического развития стран-экспортеров, особенно если эти страны имеют лишь небольшой опыт государственного строительства и делают первые шаги по пути демократического транзита и формирования институтов гражданского общества. Не случайно, существует даже термин «нефтяное проклятие», который довольно точно характеризует степень экономических, социальных и политических проблем и сложностей, возникающих, когда на страну обрушивается денежный поток от продажи природных ресурсов. Эти проблемы являются «темной стороной» фасада экономического благополучия и политического развития стран-экспортеров нефти. В мировой истории есть десятки примеров стран, на дальнейшей судьбе и даже самом существовании которых фактор наличия богатых природных ресурсов (в первую очередь нефти и газа) зачастую сыграл коварную и даже роковую роль¹.

Влияние нефтяного фактора на милитаризацию региона и на вероятность возобновления военных действий в зоне карабахского конфликта довольно хорошо изучено в аналитической литературе и докладах ряда известных исследовательских организаций. Например, в опубликованном в ноябре 2007г. Международной кризисной группой (ICG) специальном аналитическом докладе, озаглавленном «Нагорный Карабах: рискуя войной», где международные эксперты указывали, что, несмотря на довольно значительные закупки Азербайджаном вооружений, тем не менее, военный баланс в целом не изменился и вряд ли мо-

¹ Сергей Минасян, Нефтяной фактор и политика Азербайджана в Карабахском конфликте // Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009; Svetlana Tsalik, Caspian Oil Windfalls: Who Will Benefit? Caspian Revenue Watch – Open Society Institute, New York, 2003; Amity Shlaes and Gaurav Tiwari, Smart Countries, Foolish Choices, A Maurice R. Greenberg Center for Geoeconomic Studies Working Paper, Council on Foreign Relations, No1, April 8, 2008.

жет измениться в ближайшее время, что во многом обусловлено выгодной для армянской стороны географической конфигурацией линии обороны вдоль границ Нагорного Карабаха, где находится значительная часть господствующих высот, а уязвимые участки соприкосновения с азербайджанскими войсками представляют собой глубоко эшелонированную линию фортификационных укреплений. Но при этом аналитики особо отметили, что реальная опасность боевых действий может возникнуть не столько от усиленной милитаризации Азербайджана, сколько возможным к 2012г. резким снижением добычи азербайджанской нефти и соблазном решить конфликт силой, «когда доходы от экспорта нефти Азербайджана, вероятно, начнут снижаться, и военная авантюра может представиться средством отвлечения внимания граждан страны от экономических проблем» [11, pp. i-ii, 19].

Указанные подходы в политике Азербайджана в карабахском конфликте столкнулись с серьезным испытанием на реалистичность по итогам «Пятидневной войны» между Россией и Грузией в августе 2008г. В первую очередь, это связано со снижением военных рисков. Кроме неспособности Баку изменить военный баланс в зоне противостояния, это вызвано изменившимся региональным контекстом после «Пятидневной войны» и подписанной 2 ноября 2008г. московской «Декларацией трех президентов» по Нагорному Карабаху, зафиксировавшей новый статус-кво в Закавказье. Надо также учесть реанимацию в общественном восприятии Азербайджана «русской угрозы», проецировании Баку результатов неудачной и даже катастрофической для Грузии военной операции по возврату отделившейся от нее мятежной автономии – Южной Осетии (а в последующем, видимо, и Абхазии) и фактора резкого падения цен на нефть со второй половины 2008г. Быстрое поражение армии бывшей «метрополии» (т.е. Грузии) оказало вполне ясное и предсказуемое впечатление на Баку. Аналогии для политической элиты Азербайджана напрашивались более чем зеркальные [12].

Крах самой возможности «прецедента Сербской Краины» в Южной Осетии и Абхазии, очевидность полной потери Грузией в обозримой перспективе даже надежды на восстановление своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвали, юридическое признание независимости этих бывших советских автономий пусть даже только одной Россией – но влиятельным международным актором, многочисленные жертвы и фактическая деморализация грузинской армии – все эти примеры вряд ли явились желанной перспективой для правительства Ильхама Алиева в случае возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

4. Активизация «турецкого вектора»

Турция в связи с активизацией агрессии Азербайджана в Нагорном Карабахе с 1993г., закрыв границу, осуществляет блокаду Республики Армения. Вместе с тем Турция продолжает оказывать военную помощь Азербайджану. С этого времени в позиции Турции в карабахском конфликте не заметно каких-либо изменений, и можно даже утверждать, что она идет в фарватере азербайджанской политики в отношении Республики Армения и НКР. Тем самым турецкая сторона (в соответствии с пожеланиями Баку) путем закрытия границ и транспортных коммуникаций осуществляет экономическую блокаду и изоляцию, т.е. враждебные действия по отношению к Армении. По расчетам азербайджанских политиков и их турецких покровителей, все это должно было бы в комплексе способствовать экономическому ослаблению и истощению Армении и вынудить Ереван к односторонним уступкам [13, pp.13-16].

Ко времени визита президента Турции А.Гюля в Ереван (6 сентября 2008г.) по приглашению президента Республики Армения С.Саргсяна (для совместного просмотра футбольного матча между сборными Армении и Турции) почти 16-летнее закрытие границ показало, что все надежды на принуждение Армении к односторонним уступкам в карабахском вопросе, в том числе в виде пред условия для налаживания дипломатических отношений и открытия Турцией границ, оказались несостоятельными.

Есть некая «красная линия», которую армянская сторона не может перейти в своих переговорах с турецкой стороной по установлению двусторонних дипломатических отношений, истины, которые не могут быть полем для обсуждений с Анкарой в представлениях армянской политической элиты и общественности, – Нагорный Карабах и Геноцид армян¹. Тем более что концепция «коммуникационного удушья» Республики Армения и НКР так и не привела к существенным результатам или к ослаблению позиций армянских сторон, которые продолжают экономически развиваться в условиях блокады. Одним из важнейших результатов 2008 – первой половины 2009гг. в армяно-турецких переговорах стало их фактическое разделение от карабахской проблематики и взаимоотношений обеих стран с Азербайджаном, что в перспективе может способствовать стабильности в регионе и снизить вероятность возобновления боевых действий в зоне карабахского конфликта.

Надо особо отметить, что для Турции в политическом плане Армения яв-

¹ Геноцид армян в Западной Армении и других частях Османской империи Ю.Барсегов в своем фундаментальном исследовании квалифицировал как преступление против человечества (см. *Барсегов Ю.Г.*, Геноцид армян – преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации), Ереван, 1990, *Барсегов Ю.*, Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества, Документы и комментарии, т.1, т. 2, М., 2002).

ляется продолжением западного мира, и во многих случаях именно внешние силы, в особенности США, одновременно являются и субъектом и объектом «армянского фактора» в политике по отношению к Турции. Армения и армянская диаспора реализуют свои лоббистские возможности в США и в Западной Европе для давления на Турцию, а Вашингтон и Брюссель, когда это необходимо (например, в вопросе членства Турции в ЕС или же в ближневосточной политике), напоминают о Геноциде 1915г. и необходимости открытия Турцией границы, используя эти вопросы как удобный повод для критики и сдерживания Анкары.

Подписанный 22 апреля 2009г. главами МИД Республики Армения, Турции и Швейцарии документ, предусматривающий реализацию «дорожной карты» по конкретным мероприятиям, направленным на установление армяно-турецких дипломатических отношений, получил активное одобрение официальных лиц в Вашингтоне, Брюсселе и даже в Москве. Это привело, в свою очередь, к кризису в отношениях между Баку и Анкарой со времен обретения в 1991г. Азербайджаном независимости¹.

Хотя также очевидно, что, несмотря некоторое вытеснение проблематики карабахского конфликта из общего формата армяно-турецких переговоров, позиция Анкары в этом конфликте вряд ли в обозримом будущем изменится, а карабахский конфликт вряд ли может быть полностью исключен из внешнеполитической повестки и внутривосточного дискурса в самой Турции. Об этом свидетельствуют публично подтверждаемые политическим руководством Турции заверения о якобы совмещенном процессе армяно-турецких переговоров и карабахского урегулирования, а также постоянные утверждения турецкого руководства об его непреклонности в верности отношениям с Азербайджаном. Такими примерами являются довольно жесткие заявления премьер-министра Турции Эрдогана по карабахской тематике, сделанные им в ходе майского визита 2009г. в Азербайджан и в дальнейшем, а также продолжающиеся

¹ Первоначально Азербайджан не только подверг резкой критике проводимую Турцией политику в отношении Армении, но даже предпринял несколько демонстративных шагов – от запрета на трансляцию в Азербайджане телефильмов на турецком языке до угроз прекратить поставки азербайджанского газа в Турцию и готовности рассмотреть возможность продажи всего добываемого этой страной газа России. Визит азербайджанского президента И.Алиева в Москву в середине апреля 2009г. и его встреча с российским президентом Медведевым явились самой наглядной иллюстрацией этих шагов Баку. Тем не менее, политика шантажа Турции «российским фактором» так и не привела к пересмотру официальной турецкой политики по нормализации отношений с Арменией, а Москва не согласилась «обменять» азербайджанский газ на изменение своего подхода в карабахском конфликте. Исходя из этого, Баку к началу мая 2009г. несколько смягчил свое отношение, а в азербайджанской прессе и в высказываниях официальных лиц стали проявляться более реалистичные оценки происходящего. Видимо, в Баку осознали, что возможное дальнейшее ухудшение отношений Азербайджана с Турцией и тем самым ослабление поддержки со стороны Анкары лишь ухудшат позиции Баку в глазах международного сообщества, а также в переговорном процессе по карабахской проблематике.

заверения турецкого руководства о неизменности своей позиции в защиту интересов Азербайджана¹.

Однако не только внутривнутриполитические факторы сказываются на проазербайджанских подходах Анкары в карабахском конфликте. Можно также говорить о некоей «инструментализации» азербайджанского фактора в турецкой политике по отношению к Армении. Анкара пытается использовать карабахский фактор в качестве элемента давления (или же – политического торга) на армянскую сторону для отвлечения ее внимания и ресурсов от намного более важной для турецкого общества и государства проблемы международного признания Геноцида армян 1915г.

Всякий раз, когда турецкая сторона пытается выдвинуть в качестве пред условия для снятия блокады и установления дипломатических отношений с Арменией карабахскую тематику, она всегда встречает отпор от твердой позиции армянской стороны относительно международного признания Геноцида 1915г. в Османской империи.

Другой важной особенностью влияния факта Геноцида на армяно-турецкие отношения является внутритурецкое отношение к армянам. Убийство в январе 2007г. в Стамбуле армянского журналиста Г.Динка, христианских миссионеров в Трапезунде и в Малатии показало наличие глубинных националистическо-пантюркистских, антиармянских, антихристианских и антизападных настроений внутри турецкого общества [14, р. 130].

Очевидно, что факт Геноцида армян, блокада и неурегулированность отношений с Ереваном под предлогом уязвки с карабахским конфликтом делают Турцию уязвимой для внешнего давления со стороны ведущих мировых игроков – США и ЕС. Некоторые политические силы в Брюсселе и Вашингтоне используют это в своих интересах как рычаг влияния на Анкару во многих вопросах – от перспектив членства Турции в ЕС до будущего статуса северных курдонаселенных районов Ирака. Данный факт вызывает все большую озабоченность и беспокойство у политической элиты и общественности Турции. Как отмечают авторы совместного аналитического доклада, подготовленного с участием армянских, турецких и европейских экспертов: «Возрастающее количество турок осознает, что на международной арене позиция их страны в Армянском вопросе неубедительна и только увеличивает напряженность в отношениях со своими

¹ Как отмечает турецкий эксперт Бюлент Арас, ограничения в возможностях турецкого правительства работать с общественностью своей страны и необходимость более активного освещения внешнеполитических целей являются одними из серьезнейших вызовов для внешнеполитического руководства Турции: «Попытки нормализации отношений с Арменией вызвали националистическую реакцию азербайджанцев, и эта реакция нашла поддержку в Турции в виде утверждений, что турецкое правительство предало Азербайджан. Предотвращение такого рода негативного влияния должно быть в повестке увеличивающейся активизации региональной политики Турции» (*Bulent Aras, Davutoglu Era in Turkish Foreign Policy, SETA Policy Brief, No32, May, 2009, p. 15*).

важнейшими союзниками... До тех пор, пока общественно-политические лидеры будут поддерживать страх перед потерей территорий и выплаты репараций, Турция будет реагировать оборонительной политикой. Продолжая опасаться любого упоминания термина **геноцид** (*'g-word'*) как угрозы национальной гордости, внешняя политика Турции будет оставаться заложницей событий, находящихся вне ее контроля, особенно касающихся Кавказа» [15, р. 22].

В случае увязывания своей политики в отношении Армении с интересами третьей страны – Азербайджана, Турция рискует принести в жертву неким фантомам тактического уровня свои собственные национальные интересы и выгоды глобального и стратегического масштаба. Снятие же блокады и открытие границы с Арменией на востоке позволит Турции получить важнейшие политические и пропагандистские дивиденды на западе – в первую очередь, в диалоге с ЕС. Армения же, в случае снятия Турцией блокады и установления двусторонних дипломатических отношений, сможет в экономической сфере эффективно использовать коммуникационные возможности Турции [16, pp. 13-16], а в политической, при полном обеспечении национальной безопасности, – расширить возможности армянской дипломатии в региональных и в мировых процессах. При этом необходимо иметь в виду, что «сегодня четко прослеживается тенденция ухудшения в отношениях Турция-Азербайджан, и на прежнем едином турецко-азербайджанском фронте в вопросе Республики Армения и НКР образовались определенные трещины... Если даже предположить, что подобные действия (недовольство официального Баку по поводу процессов установления дипломатических отношений между Республикой Армения и Турцией, в связи с этим показная строгая проверка турецких компаний в Республике Азербайджан, а также усиление паспортного режима по отношению к гражданам Турции и т.д.) являются искусственной имитацией, а в действительности действует завуалированное пантюркистское единодушие, то, тем не менее, в сознании азербайджанской и турецкой обществ вышеупомянутые процессы оставляют определенный отрицательный след. Все это весьма важно с точки зрения политического урегулирования вопроса НКР. Известно, что попытка реализации агрессивных планов по отношению к НКР возможна исключительно в случае тесного взаимодействия Азербайджан-Турция» [17].

5. Заключение

Карабахский конфликт продолжает оставаться стержневым конфликтом в Закавказье (Южный Кавказ), в значительной степени формируя рамки региональных процессов и динамику взаимоотношений между глобальными и региональными акторами. Вместе с тем, интересы конфликтующих сторон и вовлеченных

в процесс мирного урегулирования посредников вступают в жесткое противоречие, что отдаляет скорое урегулирование карабахского конфликта. Но даже нынешняя ситуация статус-кво, отсутствие реальных подвижек окончательного урегулирования, опасность возобновления боевых действий и, тем не менее, продолжающийся на этом фоне медленный переговорный процесс между конфликтующими сторонами, могут привести к основанному на существующих реалиях результату в долгосрочной перспективе.

Июль, 2009г.

Источники и литература

1. *Сергей Маркедонов*, Стратегия миротворческого ускорения <http://www.politcom.ru/8492.html>, 13.07.2009.
2. *Brenda Shaffer*, "Is There a Muslim Foreign Policy? The Case of the Caspian", *Current History*, November 2002, pp. 383-386.
3. *Gia Nodia*, "How Much Has the World Changed? Implications for Georgia's Policies", CIPDD Policy Review, April 2009, p. 9.
4. *Sergey Minasyan*, "Armenia in Karabakh, Karabakh in Armenia: The Karabakh Factor in Armenia's Foreign and Domestic Policy" // Alexander Iskandaryan (ed.), *Caucasus Neighborhood: Turkey and the South Caucasus*, Caucasus Institute, Yerevan, pp. 70-72.
5. *Сергей Маркедонов*. Азербайджан – Россия: новое отталкивание. www.politcom.ru/article.php?id=7515, 26.01.2009.
6. *Сергей Минасян*, Военно-политические аспекты карабахского конфликта на современном этапе. Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта, Аналитические записки Института политических исследований, вып. 3, Ереван, 2009.
7. *Кэролайн Кокс, Джон Айбнер*. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе, Ереван, 1998.
8. *Masis Mailyan*, "The Place of Nagorno-Karabakh within the Region: Prospects and Dead Ends" // Alexander Iskandaryan (ed.), *Caucasus Neighborhood: Turkey and the South Caucasus*. Caucasus Institute, Yerevan, pp.88-90.
9. *Laurence Broers* (ed.), "The Limits of Leadership. Elites and Societies in the Nagorny Karabakh Peace Process", *Accord*, issue 17, 2005.
10. *Сергей Минасян*, Особенности «карабахской стратегии» Азербайджана: политика «периферийных действий», нефтяные ресурсы и гонка вооружений. 21-й Век, №2 (8), 2008.
11. "Nagorno-Karabakh: Risking War", *Europe Report*, No 187, International Crisis Group, 14 November 2007.
12. *Сергей Минасян*, «Военно-политические итоги «Пятидневной войны»», 21-й Век, №1 (9), 2009.

13. *Aybars Gorgulu*, “Turkey – Armenia Relations: A Vicious Circle”, TESEV Foreign Policy Analysis Series-8, Istanbul, November 2008.
14. *Kudret Bulbul, Bekir Berat Ozipek, Ibrahim Kalin*, “Turkey Perceptions of the West”, *Insight Turkey*, vol. 10, No 1, 2008.
15. Noah’s Dove Returns. Armenia, Turkey and the Debate on Genocide. European Stability Initiative, Berlin – Istanbul – Yerevan, 21 April 2009, www.esiweb.org.
16. *Aybars Gorgulu, Sabiha Senyucel Gundogar, Alexander Iskandaryan, Sergey Minasyan*, “Turkey-Armenia Dialogue Series: Breaking the Vicious Circle”, TESEV – Caucasus Institute Joint Report, Istanbul, April 2009.
17. *Գազիկ Հարությունյան*, ՀՀ-Թուրքիա հարաբերությունների համատեքստը, «Հանրապետական», թիվ 9, 2009, էջ 5:

APPROACHES OF THE REGIONAL AND GLOBAL ACTORS TO NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

Sergey Minasyan

Resume

The work covers the main approaches of the regional and global actors to Nagorno-Karabakh conflict, particularly those mediator countries which are involved in the settlement of the conflict. The long-term strategies and the policy carried out by both parties to the conflict (on the one hand the Republic of Armenia and Nagorno-Karabakh Republic and on the other hand the Azerbaijan Republic) are scrutinized. It is mentioned that Karabakh conflict is not an exception among other analogous ethno-political conflicts and it coincides with the logic of the global processes on the creation of the new states and state formations.

О МИРОТВОРЦАХ В НКР, НЕ ЗАБЫВАЯ О МЕЖДУНАРОДНОМ ОПЫТЕ

Ованес Никогосян, Сурен Мовсисян

В начале августа 2009г., когда мир вспоминал про так называемую *Пятидневную войну* на Кавказе и ее правовые и стратегические последствия, появились новые подходы и по карабахскому конфликту. Эти новые тенденции представляют огромный интерес для корректного понимания (анализа) текущих процессов вокруг Нагорно-Карабахской Республики и – шире – в науках о политике и праве, которые в конечном счете решают вполне конкретную задачу: постконфликтное «миростроительство» в измученной войной зоне. Исследуемый феномен миротворчества находится на стыке политологической, военной и правовой наук и имеет различные подходы в российских, европейских и американских исследованиях. К сожалению, данное направление науки не очень развито в Армении, хотя его прикладная значимость в процессе мирного урегулирования конфликта в Нагорно-Карабахской *де факто* Республике более чем очевидна. Именно поэтому научные обобщения и мнения, приводимые в работе, принадлежат иностранным авторам и признанным профессионалам в теории миротворчества.

В начале 2009г. посол Азербайджана в России Полад Бюль-Бюль оглы, по сообщениям российских информагентств, сделал любопытное заявление, которое отнюдь не характерно для обычной милитаристской риторики официального Баку. «Если после вмешательства России этот вопрос не найдет разрешения, то в последние годы как политический термин в повестке *появится вопрос принуждения к миру*», – сказал тогда посол [1]. Несмотря на оценки наблюдателей и экспертного сообщества о том, что «такого рода заявления делались и ранее», мы не согласны с такой реакцией, так как никогда раньше не говорилось о «*принуждении к миру*», которое представляет собой вполне определенное действие, как будет показано ниже.

Юридической стороной вопроса об обязательном развертывании миротворческих сил в зоне конфликта является решение от 1994г., принятое сразу после окончания «горячей» или «активной» войны, на Будапештском саммите

СБСЕ/ОБСЕ. Через год, 10 августа 1995г., действующий председатель ОБСЕ создал пост постоянно действующего Личного представителя, у которого в официальных документах, в числе прочих, значились следующие задачи:

- создание условий для развертывания сил ОБСЕ по поддержанию мира в целях содействия достижению прочного и всеобъемлющего политического урегулирования конфликта во всех его аспектах;
- содействие Группы планирования высокого уровня (*High Level Planning Group*) в области планирования операции ОБСЕ по поддержанию мира в соответствии с решением Будапештского Саммита [2].

Возможность дислокации вооруженных миротворческих контингентов на территориях вокруг Нагорного Карабаха активно обсуждалась еще в начале 2006г. Тогда на эту тему высказывались сопредседатели МГ ОБСЕ, президенты Армении и Азербайджана, председатель ОБСЕ, другие заинтересованные страны – такие, как США, Россия, Украина, Польша и т.д. Но до сих пор не ясно, например, какие именно страны будут участвовать в многонациональных силах по «миростроительству». Ясно одно: каким бы ни был состав миротворцев, в него не войдут Иран и Турция, с меньшей вероятностью исключения – Россия. С другой стороны, в условиях все усиливающегося противостояния между Ираном и США, грозящего вылиться в настоящий вооруженный конфликт, любое присутствие войск стран Запада будет расценено Тегераном как подготовка к агрессии. Правы те, кто утверждает, что районы НКР Зангелан, Джебраил и Физули сегодня решают также вопросы национальной безопасности Исламской Республлки [3]. Ведь появление на этих территориях НАТОвского или же американского (в данном случае разница во флагах незначительная для реальной политики) контингента будет означать замыкание «кольца анаконды» (о котором в военно-морской терминологии говорил выдающийся американский геополитик А.Мэхен в книге «Влияние морской силы на историю»). И логично, что Иран сделает все, чтобы не допустить развития событий в таком русле. С точки зрения международного права, в случае развития процессов по такому сценарию, размещение международных войск на сопредельной Ирану территории будет абсолютно легальным, мандат по предотвращению межнациональных стычек в самом Карабахе – признанным всеми сторонами, а самое главное – изменение мандата в любом удобном и нужно случае – вполне вероятным.

Кстати говоря, тогда, в начале 2006г., ситуация упрощалась тем, что с юридической точки зрения регионы вокруг Нагорного Карабаха находились в некоем «неопределенном» состоянии, т.е. с точки зрения международного права представляли собой «ничейные территории» под контролем ВС Армении и

АО Нагорного Карабаха. Последний пример использования фактора «ничейной территории» в международных отношениях имело место, когда в конце 1980-х Египет заявил, что не имеет территориальных претензий относительно Сектора Газа к Израилю, а в июле 1988г. король Иордании Хусейн бен Талал объявил о прекращении «административных и иных связей» с Западным берегом реки Иордан, т.е. официально отказался от каких-либо прав на него. Таким образом, не только Газа, но и весь Западный берег, согласно международному праву, превратились в «ничейную территорию». Практическим итогом этих заявлений было начало первой Интифады на Палестинских территориях, когда палестинцы поняли, что остались одни перед своим врагом, а самое обычное ДТП в Секторе Газа стало той искрой, которая побудила народ, стремящийся к признанию своего суверенного государства, к террористическим действиям в отношении более могущественного противника.

Конечно, такое развитие ситуации было более чем маловероятно на карабахской земле, но приведенный пассаж коротко проиллюстрировал практические последствия юридических и правовых недочетов в аналогичных конфликтах. Ошибка была исправлена в декабре 2006г., когда граждане непризнанного, но де-факто независимого от АзР государства НКР приняли Конституцию, где отдельным параграфом регионы, ранее не входившие в НКАО, стали неотъемлемой частью армянского государства.

Проблема использования терминов

При изучении темы, вынесенной в заглавие данной работы, особое место занимает максимально возможно точное определение феноменов и терминов. Проблема определения терминов «(гуманитарный) кризис», «миротворчество», «гуманитарная интервенция» остается нерешенной до сих пор. Точнее, существует достаточное количество определений, которые, однако, не являются общепринятыми, а также не раскрывают суть феномена в полной мере. Фактически, на сегодня отсутствует система терминов, с помощью которых можно было бы определить виды миротворческой деятельности в разных ситуациях. Разночтения и противоречия в определениях обусловлены также тем, что исследуемый феномен находится на стыке политологической, военной и правовой наук, и по-разному рассматривается в российских, европейских и американских исследованиях. Таким образом, проблема выбора используемой терминологии является одной из наиболее сложных и противоречивых. Принятый в российской историографии термин «миротворчество», определяющий практически все виды действий по урегулированию конфликтов и предотвращению его реактивации, в своем англоязычном аналоге подразумевает вполне специфицированный

вид операций по установлению мира (*peace-making*). Помимо того, спектр терминов включает в себя такие понятия, как деятельность по поддержанию мира (*peace-keeping*)¹ и принуждению к миру (*peace-enforcement*) [4]. Как нам кажется, к этому перечню следует добавить и такую деятельность, которая направлена на предотвращение конфликтов и разграничение сторон силами миротворцев еще до начала активной фазы конфликта.

Концепция «гуманитарной интервенции» является одной из наиболее острых и противоречивых проблем мировой политики. Ее правомерность, содержание и применение в контексте формирующегося современного миропорядка относится к разряду острых и теоретически противоречивых дилемм, не имеющих однозначного решения или ответа. Проблематика вмешательства по гуманитарным соображениям привлекает к себе внимание на протяжении длительного периода времени. Три понятия – миротворчество (*peace-making*), миросохранение (*peace-keeping*)² и миростроительство (*peace-building*) – составляют своеобразную понятийную триаду, которая означает совокупность обобщенных взглядов на состояние отсутствия войны, сопровождающуюся динамикой сотрудничества всех действующих субъектов международных отношений, базируясь на свободе, независимости, уважении прав человека, равенства, честном и равноценном распределении ресурсов и благ, а также вполне конкретных умонастроений и действий в рамках соответствующих процессов, обусловленных всеобщим стремлением масс к миру и необходимостью достижения, а главное, поддержания бесконфликтного положения любыми доступными средствами. Однако эти три понятия имеют функциональные и правовые различия и поэтому требуют определенного подхода в зависимости от особенностей конфликта и вовлеченных сторон. Они охватывают широкий круг процессов урегулирования конфликтов, в который входят и дипломатические компоненты. Но, по сути, каждая деятельность, как компонент миротворческого процесса, заключается в том, чтобы облегчить переход от состояния конфликта к состоянию мира. Чтобы понять, какой вид миротворческой операции будет использован в случае Нагорного Карабаха, нужно прежде всего понять отличительные черты каждого вида миротворческой деятельности.

Современная практика мирного урегулирования, «миростроительства» (*peace-building*) в региональных конфликтах подразумевает вполне конкретный перечень действий, которые в итоге приводят к полному урегулированию ситуации и устранению угрозы международному миру. Наряду с этим, ло-

¹ Первая миссия ООН по поддержанию мира была учреждена в 1948 году, когда Совет Безопасности санкционировал развертывание военных наблюдателей ООН на Ближнем Востоке с целью осуществления контроля за соблюдением Соглашения о перемирии между Израилем и соседними с ним арабскими странами.

² Или деятельность по поддержанию мира.

гично, что самой высокой эффективностью и широкой поддержкой международного сообщества пользуются миротворческие миссии, которые устраняют также первопричины возникновения конфликта. Если суммировать основные подходы наиболее признанных и авторитетных ученых к проблеме права инициирования интервенций, можно выделить 3 основных подхода:

1. Исключительное право СБ ООН инициировать любую интервенцию, в том числе гуманитарную;
2. СБ ООН имеет преимущество над всеми остальными международными организациями, но в отсутствие консенсуса внутри СБ региональная организация, которая несет ответственность за данный регион мира, вправе инициировать интервенцию, если достоверно известно, что миротворчество несет собой большую пользу, чем бездействие;
3. Любое суверенное государство обладает правом гуманитарного вмешательства.

Во всех случаях строгое следование нормам гуманитарного права и подотчетность органам ООН за свои действия является обязательным критерием для того, чтобы миротворчество получило легитимную поддержку ООН хотя бы после начала действий по предотвращению гуманитарного кризиса. В наиболее обобщенном толковании ситуации, первые 2 сценария имеют более легитимный характер (преимущество, конечно, у первого), так как процесс принятия решений – как о начале интервенции, так и в ходе самой операции, – подразумевает коллективное действие/бездействие и принятие решений, тогда как третий вариант несет в себе больше угрозы для международного мира и безопасности. Известный американский философ М.Уолцер (*Michael Walzer*), профессор Института современных исследований (*Institute for Advanced Studies, Princeton University*) является одним из самых известных сторонников гуманитарного вмешательства отдельного государства. Наиболее известен его принцип «Кто может, тот должен» (*«Who can, should»*), который в полной мере описывает его взгляды [5].

В целом, операции по поддержанию мира во всех проблемных регионах мира протекают по налаженной схеме: *размещение войск – разграничение сторон – минимальное гуманитарное содействие – переходный статус региона – легитимизация новых властей – вывод войск*.

Для понимания трансформации исследуемого термина в новую эпоху после Холодной войны, интереснейшим материалом служит доклад Генерального секретаря ООН Бутрос-Бутрос Гали, озаглавленный «*An Agenda for Peace*» [6]. Автор дает определения превентивной дипломатии, миротворчеству (*peace-*

making), операциям по поддержанию мира (*peace-keeping*) и миростроительству (*peace-building*).

Превентивная дипломатия подразумевает действия, «направленные на предупреждение разногласий между сторонами, недопущение перерастания споров в военные конфликты и ограничение масштабов последних, если они все-таки возникли». В функции превентивной дипломатии входит также укрепление доверия между конфликтующими сторонами и превентивное размещение войск в зоне конфликта.

Поддержание мира (*peace-keeping*) отличается от превентивной дипломатии тем, что обладает мандатом использования вооруженных сил или военных наблюдателей с целью прекращения огня и разъединения сил. В документах ООН дано следующее определение операции по поддержанию мира: «Операция по поддержанию мира (ОПМ) – это действия с участием военнослужащих, не имеющих права прибегать к использованию принудительных мер, предпринимаемые Объединенными Нациями с целью поддержания или восстановления международного мира и безопасности в районе конфликта. Для проведения ОПМ требуются добровольное согласие и сотрудничество всех заинтересованных сторон. Задействованный в операции военный персонал выполняет поставленные задачи, не прибегая к силе оружия (кроме как: в целях самообороны; в случае попыток со стороны отдельных лиц/групп помешать миротворцам осуществлять задачи, оговоренные в мандате операции; для защиты гражданского персонала миротворческой миссии или других международных, региональных, общественных и т.п. организаций, действующих в районе конфликта)».

Постконфликтное миростроительство (*post-conflict peace-building*) предполагает постконфликтную деятельность с целью устранения причин конфликта и воссоздания нормальной жизни. Миростроительство включает – но отнюдь не ограничивается этим – разоружение и реинтеграцию бывших комбатантов в гражданское общество, восстановление разрушенных в ходе конфликта экономических, общественно-политических, коммуникационных и иных структур, возвращение беженцев и перемещенных лиц, укрепление правопорядка, обеспечение соблюдения прав человека, оказание технической помощи в демократическом развитии, а также поощрение мирных методов урегулирования конфликтов, ликвидации причин и условий их возобновления.

Содействие миру, или миротворчество (в узком смысле) (*peace-making*) – действия, направленные на то, чтобы привести к согласию враждующие стороны, главным образом с помощью переговоров, посредничества, примирения, добрых услуг, арбитража и других мирных (невоенных) средств, предусмотрен-

ных в главе VI Устава ООН. Осуществляются, как правило, политиками, дипломатами, видными общественными и государственными деятелями, представителями Генерального секретаря ООН [6].

Основой для международных миротворческих миссий служат Главы 6 (мирное урегулирование споров) и 7 (действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии) Устава ООН. Второй Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд высказал мнение, что термин «поддержание мира» должен находиться в «главе шесть с половиной» Устава, поместив его где-то посередине между традиционными методами мирного урегулирования споров (переговоры и посредничество) в соответствии с Главой 6, и мерами, имеющими принудительный характер, как предусмотрено в Главе 7 [7]. Существуют 2 главные категории миротворческих операций. Первая – это операция по поддержанию мира, которая с согласия сторон конфликта, как непредвзятый посредник и участник переговоров, подразумевает некие военные операции в дополнение к дипломатическим акциям для окончательного разрешения конфликта. Второй категорией выступают операции по принуждению к миру, которые из себя представляют военные операции по решению СБ ООН. Хотя иногда такие операции проводятся в обход ООН. В 1994г. генсек ООН Бутрос-Гали сказал, что «миротворчество должно быть заново раскрыто каждый день. Существует столько типов миротворчества, сколько конфликтов. Каждая большая операция провоцирует новый вопрос» [8, pp. 193-194].

Несмотря на множество толкований этих терминов, классификация операций часто становится трудной задачей, во многих случаях субъективной, в зависимости от намерений стран, которые предпринимают решения об интервенции. Для минимизации субъективного фактора в исследовании и сохранении его научной ценности, мы будем исследовать феномен миротворчества в процессе развития, в т.н. «эволюционном» разрезе 1999-2008 гг. Например, С.Ратнер подразделяет операции по поддержанию мира по так называемым «поколениям», отмечая, что «операции первого поколения» (в период первых 40 лет существования ООН вплоть до операции в Намибии в 1989г.) проводились по решению политических органов ООН дислокацией вооруженных сил между двумя (или более) воюющими армиями, с их согласия, и без политического решения конфликта («*in the absence of a political settlement*»). Операции второго поколения («*the new peacekeeping*» по терминологии С.Ратнера) представляют собой «операции ООН, санкционированные политическими органами или Генеральным секретарем, ответственные за контроль и осуществление политического решения внутреннего или межгосударственного конфликта, с согласия сторон» [9, p. 17].

Со временем, естественно, изменялась не только международная «атмосфера» и количество сторонников и противников операций, но также цель и мандат этих миссий. Если до 1990-х гг. операции ООН преследовали цель только «сохранить мир», т.е. фактически заморозить конфликт и закрепить статус-кво между сторонами путем поддержания «временного мира», то теперь все изменилось. Новые операции получили совершенно новое качество: не только военный, но и политический характер, включающий также гражданских лиц в состав миссии для последующего государственного строительства (*state-building*), которая может включать гражданских специалистов по организации и проведению выборов, помощь беженцам, мониторинг прав человека и контроль над порядком (*order*) в целом¹. Однако две подмандатные ООН миссии выпадают из этой характеристики «второго поколения» миротворчества: это миссия на границе Ирака и Кувейта (*Iraq-Kuwait Border Mission – UNIKOM*), дислоцированная туда по окончании войны на Персидском заливе в 1991г., и наблюдательная миссия в Грузии (*Observer Mission in Georgia, UNOMIG*), которая прекратила деятельность 15 июня 2009г. ввиду разногласий членов СБ по вопросу о продлении мандата. [10]

Практика миссий первого поколения подсказывает, что разграничение конфликтующих сторон силами «Голубых касок», фактически, позволяло только выиграть время и даже спасти многие жизни. Однако одно лишь наличие военного контингента не решало проблем, лежащих в основе конфликта. Стороны оставались враждебны по отношению друг к другу, и сам процесс «миростроительства» явно хромал. Отличный пример справедливости такого мнения лежит в деятельности Чрезвычайных сил ООН на египетско-израильской границе: когда враждебность достигла апогея, по требованию президента Египта Г.А.Насера ЧВС были удалены (мае 1967г.), и через месяц началась Шестидневная война.

У операций «второго поколения» тоже огромное количество противников, которые имеют право считать эти акции исключительным поводом для некоторых стран продвигать свои же национальные интересы. Самый противоречивый пример – война в бывшей Югославии. «Гуманитарные бомбардировки» [11, р. 11] югославских городов и сел происходили в основном под лозунгом «борьбы за лучший мир», где не должно быть места диктаторам, истерзывающим свои собственные народы для того, чтобы удержать власть над ними. Премьер-министр Великобритании Т.Блэр – активный сторонник войны в Югославии, тогда говорил: «Мы вступаем в новое тысячелетие, в котором диктаторы будут знать, что им не удастся выйти сухими из воды после подавления собст-

¹ Полный перечень этих операций см.: *Steven R. Ratner, The new UN peacekeeping (google books), 1995, pp. 19-20.*

венного народа» [12]. Но это ярко выраженная политическая сторона вопроса, которая несколько отличается от научных подходов, хотя и представляет собой «направляющую руку» для определенного направления научного развития.

Наверное, самыми важными среди официально декларируемых целей операций второго поколения стали принципы обеспечения универсальных прав и свобод человека, прежде всего права на жизнь, на равный доступ к общественным благам, свободу передвижения и вероисповедания, исключения дискриминации по признакам пола, расы, национальности, языка и религии. По сути и содержанию эти принципы являются базовыми для эффективного функционирования любого правового государства. И если продолжать данную цепочку, получается, что страна, не обеспечивающая эти принципы, не является государством в полной смысле этого понятия, потому что отсутствуют базовые элементы правового порядка¹. Если среди целей гуманитарных интервенций исключить смену правящего режима и переход к демократической форме правления, данная логика, по нашему мнению, претендует на то, чтобы стать общепринятой. Как пишет Г.Киссинджер в книге «Нужна ли Америке внешняя политика?», в условиях, сложившихся в результате беззакония и продолжительной межплеменной и религиозной вражды, когда ни одна из противоборствующих сил не может стать основой стабильной власти, в этнически и религиозно разнородных обществах демократия является силой исключительно деструктивной [13, pp. 224-226].

Известный австралийский ученый и философ, проф. Т.Коади (*Tony Coady*), являясь признанным экспертом в вопросах традиций «справедливой войны», в 2002г. опубликовал достаточно интересное исследование «*Этика вооруженных гуманитарных интервенций*», где ставит перед собой вопросы морального характера в миротворческих операциях по всему миру [14]. Автор обращает особое внимание на то, что «интервенцией» можно назвать только те акции, которые проводятся без согласия «целевой» страны (*target state*). И таким образом, действия НАТО в Югославии для защиты косовских албанцев можно смело назвать «интервенцией», в отличие от действий международных коалиционных сил, которые вошли в Восточный Тимор с согласия индонезийского правительства. Т.Коади дает следующее определение: «Преднамеренное действие одной или нескольких государств или международной организации с целью осуществления управления властью, именуемое внутренней политикой одного или нескольких государств» [14, p. 9]. Другие исследователи не придают фактору «согласованности» столь большое значение. Например, профессор Гарвардского университета С.Хоффман (*Stanley Hoffmann*) в своем эссе «Политика и этика

¹ Конвенция Монтевидео с определениями государства: территория, власть и население.

вооруженных интервенций» (*«The Politics and Ethics of Military Intervention»*) пишет: «...в основном, согласие не всегда является добровольным или искренним. Первоначальное согласие позже может обернуться недовольством и враждебностью» [15, р. 153]. Будучи известным моралистом в теории политики, Т.Коади добавляет очень важную деталь к всеобъемлющей дефиниции гуманитарных вооруженных интервенций, которые «обычно имеют место без согласия целевой страны (*target state*)», что само собой поднимает на первый план сложности морального характера, возникающих посредством таких интервенций. [14, pp. 10-11]. Тем не менее, что подразумевает собой слово «гуманитарный» в понятии вооруженная интервенция? Т.Коади находит ответ в «первичном мотиве для интервенции» (*primary motive for the intervention*), причем оговаривая эту «первичность», автор оставляет место и для других целей смешанного характера, которые всегда присутствуют в международных отношениях или в любой другой области человеческой деятельности. «Было бы лучше назвать это альтруистской интервенцией», – замечает автор с долей иронии. Профессор Т.Коади также предлагает свою точку зрения в определении разницы между «войной» и «интервенцией»: «Я отношусь к интервенции как к акту войны, будь то война [формально] объявлена или нет... Интервенция очень часто имеет все или большинство поведенческих особенностей войны» [14, pp. 15-16]. Обсуждая точку зрения другого автора – профессора Гарвардского университета Б.Хехира (*J. Bryan Hehir*), который выступает за определенное разграничение двух явлений, профессор Т.Коади дает еще одно очень важное определение для гуманитарных интервенций: «Он [Б.Хехир] может быть под влиянием ощущений, что это на самом деле форма полицейских действий, а не войны. Иногда это возможно в операциях с очень низким уровнем действия (*very-low-level actions*), как, например, бескровная французская интервенция с 1800 солдат для свержения диктатора Бокасса в Центральноафриканской Республике в 1979г. Но, как обычно бывает, интервенции требуют воинов, а не полицейских, хотя полиция может быть полезна ... после интервенции» [14, pp. 16-17]. Будучи моралистом в международных отношениях, Т.Коади задается вопросом: «*Может ли агрессивная война быть “гуманитарной”?*» Будучи идеалистом в своих подходах к теории международных отношений, Т.Коади придает огромное значение соблюдению правил *jus in bello*, что в дословном переводе с латыни означает «справедливое ведение войны» (*«just conduct in waging war»*) и может быть представлено в виде военных действий для защиты от угрозы агрессии. Как бы в продолжение этой логики С.Хоффман задается вопросом, в каких именно случаях интервенция во внутренний кризис того или иного государства позволительна и легитимна и можно оставить в стороне принцип суверенитета. Главная

проблема в том, что ООН всегда действовала, ориентируясь на каждое данное кризисное явление, избегая наиболее общих формулировок для «руководства к действию» в последующих кризисах. Однако, по Хоффману, в отличие от вполне понятной осторожности по сути политической структуры ООН, известные специалисты данного вопроса в течение времени выработали такие критерии, которые отражают те самые характеристики, при наличии которых вооруженная гуманитарная интервенция одной или группы стран была бы вполне легитимной. С.Хоффманом даны 2 следующие категории угроз, которые неминуемо должны привести к вмешательству (интервенции) других стран:

Первое: угрозы международному миру. В этой категории стран среди первых С.Хоффман отмечает т.н. «опасные страны», хотя т.н. «недееспособные государства» (*failed states*) тоже могут представлять такую угрозу. По мнению Хоффмана, положение курдов на севере Ирака, свержение военными офицерами президента Гаити Ж.-Б. Аристиды (*Jean-Bertrand Aristide*), и развал государственной системы в Сомали представляли собой такую угрозу международному миру, и интервенция была вполне легитимной. По сути дела, Т.Коади не соглашается с такой трактовкой С.Хоффмана и пишет, что в случаях с Гаити и курдами в Ираке остальные государства мира «принципиально не страдают» (*fundamentally unaffected*) от этих ужасов, далее добавляя, что если эти примеры и вправду представляли угрозу международной безопасности, то аналогичным образом следует обращаться, например, к военным переворотам в Пакистане или в африканском государстве Кот-д'Ивуар [14, pp. 18-20].

Второе: грубые и массовые нарушения прав человека. Под эту категорию подпадают, по Хоффману, угроза геноцида, насильственное изгнание и массовые убийства населения, которые имели место в Косово и Восточном Тиморе. [15, pp. 160-166] С таким утверждением согласен также М.Уолцер, который дает свое определение ситуации, при которой война становится «необходимой»: «...когда человеческие ценности находятся под угрозой, массовые убийства оказались систематизированы и проводятся государством», законы морали временно перестают действовать и война остается единственным выходом из положения [16].

Поскольку Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948) дает только узкое толкование этого явления, С.Хоффман идет дальше и расширяет круг преступлений против человечности, при которых международное сообщество должно выступить с интервенциями во внутренние дела государств. Это массовые нарушения прав человека, этнические чистки, жестокие и крупномасштабные репрессии с целью подчинить себе население, целенаправленная политика варварства, голод, массовые нарушения

законности и порядка, эпидемии, а также налеты из беженцев, которые возникают, когда «недееспособное государство» (*failed state*) рушится [15, pp. 162-163].

Для более корректного понимания, какой прикладной характер имеет развитие науки в процессе принятия политических решений и в целом в мире политики, можно, например, рассмотреть речь Генерального секретаря ООН К.Аннана на 54-ой сессии ГА в сентябре 1999г. Тогда международная обстановка была более чем напряженной: только что закончились так называемые «ковровые бомбардировки» Югославии, и мир снова был разделен на 2 противоположные стороны. В этой речи есть много идей, которые за годы до этого развивались в работах европейских и американских ученых, всячески пытавшихся обосновать, что эпоха государственного суверенитета в рамках прежних понятий изжил себя. «[Понятие] государственный суверенитет... претерпевает изменения силами глобализации и международного сотрудничества. Государство сегодня многими понимается как слуга своего народа, а не наоборот» [17].

Нагорный Карабах

12 мая 2009г. исполнилось 15 лет со дня подписания трехсторонней договоренности о повсеместном прекращении огня в Нагорном Карабахе. Это соглашение, достигнутое в 1994г. в Бишкеке в трехстороннем формате между Арменией, Азербайджаном и, что следует особо подчеркнуть, Нагорным Карабахом, остается единственным позитивным (по нашему мнению) достижением переговорного процесса в рамках ОБСЕ в течение 15 лет. В течение 15 лет переговоров и встреч между президентами и главами МИД Армении и Азербайджана, происходящих при активном участии и содействии представителей 3 стран-посредников, компромисс между сторонами так и не был достигнут. За все эти 15 лет перемирие осуществлялось силами и средствами Армии обороны НКР, и никакие миротворческие контингенты в зону конфликта не входили. Основной гарантией безопасности Нагорно-Карабахской Республики является буферная зона между военными подразделениями конфликтующих стран.

В процессе посредничества Минской группы ОБСЕ были рассмотрены «пакетный», «поэтапный» планы урегулирования, а также проект «общего государства» Нагорного Карабаха и Азербайджана, обмен территориями и другие «интересные», идеи. Последним достижением Минской группы стали Мадридские принципы, которые включают 6 принципов урегулирования конфликта:

1. Возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана.
2. Наделение Нагорного Карабаха промежуточным статусом, обеспечение гарантий безопасности и самоуправления.

3. Обеспечение коридора между Арменией и Нагорным Карабахом.
4. Определение в будущем окончательного правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления.
5. Обеспечение права всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места их прежнего проживания.
6. Международные гарантии безопасности, в том числе и операции по поддержанию мира [18].

Нужно отметить, что развертыванию миротворческого контингента должно предшествовать сдача вышеуказанной зоны, которая *de-facto* обеспечивает безопасность Нагорного Карабаха. Сопредседатель Минской группы ОБСЕ Мэтью Брайза, комментируя обновленные «Мадридские принципы» урегулирования, заявил, что пять районов должно быть возвращены Азербайджану сразу, еще два, Карвачар (Кельбаджар) и Лачин, – спустя пять лет.

Основополагающие документы

Нагорно-Карабахский конфликт отличается по своей сути от других международных конфликтов. Мнение некоторых псевдополитологов о несовместимости принципов права народов на самоопределение и территориальной неприкосновенности в международном праве является ни чем иным, как результатом неграмотности или поверхностного знания теории. В Хельсинском Заключительном акте, который является основным документом, регулирующим безопасность и взаимоотношения в Европе, даны определения различных подходов и принципов, в число которых входят и вышеизложенные два принципа, территориальной неприкосновенности и права народов на самоопределение. Документ призывает все государства, участников договора, неукоснительно следовать изложенным фундаментальным принципам, регулирующим отношения между ними. Основными принципами Заключительного акта являются:

- неприменение силы или угрозы силой (II);
- нерушимость границ (III);
- территориальная целостность государств (IV);
- мирное урегулирование споров (V);
- уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений (VII);
- равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой (VIII);
- добросовестное выполнение обязательств по международному праву (X) [19].

Документ также гласит: «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга... Они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. Они будут соответственно воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника». Из всех вышеперечисленных принципов только две регулируют внутрисоветскую политику по защите прав человека и народов, пункты VII и VIII. Очевидно, что принцип территориальной целостности не имеет никакого отношения к принципу права народов на самоопределение, т.к. первый касается отношений двух или более государств, а принцип народов на самоопределение касается процессов, происходящих внутри одной страны, и обязывает государства уважать права человека и народов, а в случае их попирания народы имеют право распоряжаться своей судьбой. К примеру, конфликт в Косово был внутренним конфликтом Сербии. Албания, всячески поддерживая косоваров, никогда не была представлена стороной конфликта. В результате, урегулирование конфликта не могло основываться на принципе территориальной целостности, а только на принципе народов на самоопределение.

В Грузии ситуация была иная. До начала так называемой Пятидневной войны и грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты были внутренними конфликтами, урегулирование которых предполагалось в рамках права народов на самоопределение. Но августовская война в корне изменила ситуацию. Вовлечение России и ее представление как стороны конфликта Грузией и западными странами изменило основу урегулирования конфликта, который уже основан на принципе территориальной целостности Грузии.

Именно поэтому в Азербайджане упорно и целеустремленно стараются представить конфликт между Азербайджаном и Нагорным Карабахом как конфликт между Азербайджаном и Арменией, что обеспечивает урегулирование конфликта в рамках территориальной целостности Азербайджана.

Следующее отличие Нагорно-карабахского конфликта заключается в его географическом расположении. Здесь сталкиваются интересы не только супердержав, но и региональных игроков, у которых разные отношения с западным миром. Так, Турция, будучи членом Североатлантического альянса, заинтересована в том, чтобы стать инициатором и единоличным лидером в регионе. После августовской войны в регионе образовался вакуум, который тут же был заполнен предложением или инициативой Турции о создании Платформы мира и безопасности. Получив поддержку России (которая *de-facto* потеряла контроль над регионом и пытается вернуть его через дружеские отношения с Турцией), Турция начала играть ключевую роль в регионе. На это указывают и ее актив-

ность в Нагорно-Карабахском вопросе, и ее отношения со странами региона по отдельности. В частности, предложение по открытию границы с Арменией и установление дипломатических отношений нужно рассматривать именно в этом ракурсе.

Иран играет особую роль в регионе. Имея сложные отношения с США и западными странами, Иран стремится обеспечить безопасность своих северных границ, поддерживая дружеские отношения с Арменией и Россией. Последняя является ее *de-facto* опекуном в Совете Безопасности. Иран также не прочь взять узды инициатора и лидера региона, но интересы западных стран не позволяют странам региона в полном объеме сотрудничать с Ираном, и было бы наивно утверждать, что Иран сможет играть лидирующую роль в регионе в ближайшие 20 лет.

Размещение миротворческих контингентов, их состав и расположение являются теми опасными нюансами, о которых много говорится, но детального понятия никто почему-то не дает. Принятие решения о размещении миротворческого контингента принимается Советом Безопасности ООН, а мандат на проведение миротворческой операции может быть дан и какой-нибудь региональной организации в случае детального обоснования. В Уставе Организации Объединенных Наций говорится, что Совет несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Пять постоянных членов Совета – Китай, Российская Федерация, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты и Франция – могут наложить вето на любое решение по операциям по поддержанию мира.

Миротворческие операции ООН традиционно зависели от согласия противоборствующих сторон и предусматривали размещение миротворцев для выполнения соглашения, одобренного обеими сторонами. Классическое миротворчество требует выполнения пяти принципов:

1. Согласие конфликтующих сторон по проведению миротворческой операции,
2. Использование оружия только в случае самозащиты,
3. Участие военных контингентов нейтральных, малых или средних стран,
4. Беспристрастность,
5. Ежедневный контроль над операцией со стороны Генерального Секретаря ООН.

В случае принудительных операций Совет Безопасности дает государствам-членам санкцию принимать все необходимые меры для достижения поставленной цели. При этом не обязательно требуется согласие сторон.

Принятие принудительных мер со стороны Совета Безопасности по Нагорно-Карабахскому конфликту маловероятно и поэтому в данном анализе рассматриваться не будет. Более того, операция по принуждению Армении к миру, как высказался посол Азербайджана в России, также не имеет оснований, так как Армения не является, по крайней мере *de jure*, стороной конфликта. В случае же применения не международными структурами, а именно Азербайджаном подобной операции, она будет означать агрессию против суверенного государства со всеми вытекающими последствиями. А вероятность такого поворота событий приближается к нулю.

Анализируя все вышеупомянутые типы миротворческих процессов можно с уверенностью сказать, что в случае Нагорного Карабаха будет применено постконфликтное миростроительство, которое, как уже упоминалось, включает возвращение беженцев и перемещенных лиц, восстановление разрушенных в ходе конфликта коммуникаций и т.п. Процесс поддержания мира уже идет без какого-либо миротворческого контингента, принимая во внимание наблюдательные и мониторинговые миссии ОБСЕ на линии соприкосновения войск. С другой стороны, по словам сопредседателя Минской Группы ОБСЕ от США Мэтью Брайзы, «миротворцы, размещенные в Нагорном Карабахе, будут безоружны или вооружены дубинками» [20]. А это значит, что миротворческие силы в зоне карабахского конфликта будут скорее выполнять наблюдательные функции. Хотя переговоры по этому вопросу еще продолжаются, основной акцент, как отметил Брайза, будет на наблюдательной функции. «Мы как сопредседатели предлагаем, чтобы они не были вооружены, выполняли функции наблюдателей и не могли принуждать к миру» [20].

Итак, первоочередным условием для проведения любой миротворческой операции является согласие всех конфликтующих сторон. Как и в случае посреднической миссии, стороны конфликта дают согласие на готовность к началу мирного процесса, на состав контингента, их расположение, снаряжение и т.д. Анализ посреднических и миротворческих миссий показывает, что стороны конфликта в конечном итоге выбирают посредников, стран – участников миротворческих операций [21]. Государство не может объявить себя посредником или ввести свой контингент в состав миротворческих сил, о чем любят бессмысленно дискутировать многие политологи в Армении, без согласия конфликтующих сторон. Если нет единого согласия по этому вопросу, то и весь процесс обречен на провал. В этом контексте Армения и Азербайджан имеют свои приоритеты. И эти приоритеты должны соответствовать всем пяти принципам, изложенным выше. Можно констатировать, что среди стран – участниц миротворческой миссии в Карабахе, могут быть европейские страны и страны ОДКБ.

Взамен уступок, в частности сдачи буферной зоны, армянская сторона требует гарантий безопасности, вследствие чего и размещаются миротворческие контингенты. Теперь посмотрим, чего стоят эти гарантии безопасности в виде миротворческих сил по опыту других конфликтов. Еще во времена СССР в Нагорном Карабахе был размещен миротворческий контингент, который, осуществил операцию «Кольцо». Последствием этой операции стала полномасштабная война. Миротворческие операции на Балканах также не принесли желаемого результата, учитывая количество жертв и насилия, а также неспособность миротворцев противостоять разного рода группировкам. До сих пор, несмотря на признание рядом стран независимости, вопрос национальных меньшинств в Косово очень актуален [22]. Принимая во внимание тот факт, что первопричина косовского конфликта лежит именно в проблеме национальных меньшинств, можем констатировать, что проблема так и не решена. Другой пример неэффективности миротворческих операций – Ирак. Только за последние 10 лет погибли более 2 миллионов человек, а проблема становления государственной власти до конца не решена. Эти примеры в очередной раз показывают неэффективность миротворческих операций. Как отметил Виталий Баласанян, экс-министр обороны Нагорного Карабаха, «миссия миротворческих сил ни в одной стране себя не оправдала. Посредством миротворцев сверхдержавы навязывают собственное желание» [23].

Выводы

Миротворческая миссия в Нагорном Карабахе, с функциями миростроительства крайне неэффективна, поскольку те же функции выполняются уже 15 лет наблюдательными и мониторинговыми миссиями ОБСЕ. Размещение миротворческих сил только усугубит ситуацию и приведет к новому витку насилия, который они (миротворцы), как показывает опыт, предотвратить не могут.

Вопрос состава миротворческого контингента будут решать две конфликтующие стороны – Нагорный Карабах (Армения) и Азербайджан. По требованию Устава ООН, контингент миротворческих сил должен состоять из военнослужащих нейтральных стран. Так что вопрос участия военных подразделений Турции уже отпадает.

Эффективность миротворческой миссии во многом зависит от стремления конфликтующих сторон к мирному урегулированию конфликта. В данный момент, учитывая военную риторику Азербайджана, можно с уверенностью сказать, что любая миротворческая миссия обречена на провал. Более того, в Армении и Нагорном Карабахе абсолютное большинство экспертов считает, что международные организации и страны не могут дать полных гарантий безопасно-

сти в Нагорном Карабахе после сдачи буферной зоны, поскольку в любом миротворческом процессе преследуются интересы стран, вовлеченных в процесс. А интересы могут измениться. Как показывает практика миротворческих операций по всему миру, они не дают ощутимых результатов на краткосрочный период. И вполне возможно, именно в этом причина недоверия эффективности «голубых касок» в Нагорном Карабахе и вокруг него. С другой стороны, эффективность подобной операции полностью зависит от ее мандата и готовности сторон к компромиссам. Если последний фактор отсутствует, особенно в вопросе статуса, миссия «голубых касок» обречена, и в случае их дислокации, возобновление военных действий неизбежно. В конечном итоге, как отметил Менахим Бегин во время встречи с Джимми Картером, «нет в мире гарантий, которые бы гарантировали гарантию» [24, р. 197].

Сентябрь, 2009г.

Источники и литература

1. «Взгляд. Деловая Газета» от 5 августа 2009г. <http://vz.ru/politics/2009/8/5/314795.html>
2. Survey of OSCE Long-Term Missions and other OSCE Field Activities, OSCE, http://www.osce.org/documents/cpc/2008/10/3242_en.pdf
3. *Мартirosян С.*, Возможные сценарии миротворческой операции в зоне карабахского конфликта; «21 Век», № 1 (3), 2006г.
4. *Бордачев Т.В.*, «Новый интервенционизм» и современное миротворчество / Моск. обществ. науч. фонд. – М.: МОНФ: ИЦНиУП, 1998. – 158 с. – (Монографии / Моск. обществ. науч. фонд; N 5).
5. *Walzer M.* The Argument about Humanitarian Intervention / M.Walzer // Polylog: Forum for Intercultural Philosophy, 2004.
6. Report of the Secretary-General pursuant to the statement adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992 «An Agenda for Peace. Preventive diplomacy, peacemaking and peace-keeping».
7. Операции ООН по поддержанию мира, <http://www.un.org/Docs/SG/agpeace.html>
8. *Stewart Patrick*, Shepard Forman, Multilateralism and U.S. foreign policy, 2002.
9. *Steven R. Ratner*, The new UN peacekeeping (google books), 1995.
10. Миссия ООН по наблюдению в Грузии, <http://www.un.org/russian/peace/pko/unomig/>
11. *Хомский Н.*, Новый военный гуманизм: Уроки Косова, Изд-во: Праксис, 2002г.
12. *Roger Cohen*, New York Times, May 16, 1999
13. *Киссинджер Г.*, Нужна ли Америке внешняя политика? М. 2002, с. 224–226.
14. *C. A. J. Coady*, The Ethics of Armed Humanitarian Intervention. United States Institute of Peace, Peaceworks No. 45., July 2002; <http://www.usip.org/>
15. *Stanley Hoffmann*, World Disorders: Troubled Peace in the Post-Cold War Era. Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1998.

16. Интервью М.Уолцера испанской газете «La Vanguardia» от 23 июня 2004. (Michael Walzer: 'Hay guerras que deben hacerse').
17. *Kofi Annan*, Secretary-General Presents His Annual Report to General Assembly – стенограмма выступления на 54-ой сессии ГА ООН, 20 сентября, 1999г., пресс-релиз по. SG/SM/7136 /GA/9596, <http://www.un.org/News/Press/docs/1999/19990920.sgsm7136.html>
18. Statement by the OSCE Minsk Group Co-Chair countries <http://www.osce.org/item/38731.html>
19. Conference on Security and Co-operation in Europe Final Act, http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_en.pdf
20. Состав миротворческого контингента в зоне Карабахского конфликта определяют Армения и Азербайджан. – Информационное агентство «Регнум», <http://www.regnum.ru/news/1194204.html>
21. *Movsisyan S.*, Choice of Mediators in the context of Conflicting Parties, «21st Century», N4, 2008, Noravank Foundation.
22. *Гришаева Л.*, Кризис миротворчества ООН, http://www.rau.su/observer/N4_2008/047_058.pdf
23. Кавказский узел, <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/157667>
24. *Quandt W.*, Peace Process: American Diplomacy and the Arab Israeli Conflict since 1967 Peace Talks. University of California Press, 2005.

ON PEACEKEEPERS IN NKR, WITHOUT IGNORING INTERNATIONAL EXPERIENCE

Hovhannes Nikoghosyan, Suren Movsisyan

Resume

Mediators' activities over peaceful resolution of the conflict around Nagorno-Karabakh, which from the perspectives of international law would be properly labeled as an "unresolved problem of legality of de-facto independent sovereignty", have recently attained more practical orientation. In their statements, parties involved in negotiation process, are repeatedly talking about returning territories around NKAO, which are currently under control of Armenian military forces. And the next step, according to the mediators, is a deployment of peacekeeping forces around Nagorno-Karabakh.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Сероб Суджян

Среди имеющих стратегическое значение современных проблем социально-экономического развития НКР особо актуально и значимо выделение и решение проблем расселения. В НКР пока не проводилось комплексное и глубокое исследование демографических проблем и вопросов, связанных с расселением населения, не оценивались предпосылки и условия развития населенных пунктов, не были выявлены особенности населенных пунктов разной величины и с разными функциями, системообразующий характер процессов расселения и тенденции их развития. Для выявления структурных особенностей системы заселения НКР большое значение имеет исследование динамики количественных изменений населения Нагорного Карабаха, а также анализ медленного роста, а подчас и уменьшения армянского населения. Подобные исследования позволят специалистам и государственным органам разработать и реализовать научно обоснованные принципы и основные направления политики заселения НКР.

Территория Арцаха с ее коренным армянским населением издревле составляла органическую часть исторической Армении. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь многочисленные клинописи и архитектурные памятники. В письменных источниках Арцах упоминался в клинописных записях Сардури II (763-734гг. до н.э.), когда земли Уртехе-Арцаха входили в состав Ванского царства. Он упоминается и греческим географом Страбоном («Орхистене») [1] в качестве области Великой Армении. В древнегреческих и древнеримских письменных источниках отмечается, что жителями восточных областей Великого Айка – Арцаха и Утика – были армяне.

До 12 века основное население Арцаха составляли армяне. В период ига арабов, турок-сельджуков, татаро-монголов этническая картина населения Арцаха существенно не менялась. Однако со временем в Арцах стали постепенно проникать тюркоязычные кочевые племена скотоводов. Тем не менее, еще в 1740г. в российских царских документах отмечается, что численность армян в Нагорном Карабахе достигает 100 тысяч домов [2], а в 1798 в Арцахе-Карабахе было 110 тысяч армянских семей [3].

В результате русско-персидской войны с конца 18 века до начала 19 века территория Арцаха за 33 года 6 раз оказывалась в военном положении, что от-

рицательно сказалось на росте населения. С созданием Карабахского ханства активизировалось проникновение тюркских племен в Карабах и, наоборот, эмиграция армян оттуда. Политика хана Ибрагима привела к массовому оттоку армян [4]. В дальнейшем около 11 000 армянских семей переселилось на Северный Кавказ [5]. В начале 19 века, в период существования Карабахского ханства, глава штаба генерального командования на Кавказе С.М. Броневский отмечал, что «ныне в сей богатой провинции, в которой считалось до 60 тысяч дворов жителей, едва пять тысяч дворов жителей осталось» [6]. Вследствие нападений большая часть населения переселилась в труднодоступные предгорные и горные местности и леса. Здесь арцахские армяне снова основали свои поселения, построили крепости и церкви.

После присоединения Арцаха (Карабаха) к царской России начался приток армянского населения в эту область, особенно в ее нагорную часть, который продолжался до падения империи.

В 1823г. население в нагорной части Арцаха состояло из армян – 84,6% (или 30 850 человек) и татар – 14,7% (5370 человек) [7].

В 1833г., несмотря на то, что общее число населения по сравнению с 1823г. убавилось на 28,5%, армяне вновь преобладали – 84% населения. В единственном городе области, Шуше, они составляли 54% населения. В 1868г. была сформирована Елизаветпольская губерния, Карабахскую провинцию разделили на три провинции: Джабраильскую, Джеванширскую и Шушинскую. Согласно расчетам за 1875г., в нагорной части Карабаха проживали 91,3 тыс. человек, среди которых армяне составляли 78,8 тыс. (84,4%), тюркоязычные этнические группы – 14,5 тыс. (15,3%). В Шуши проживало 24,5 тыс. человек, 55% которых были армянами. По данным переписи населения за 1897г. в нагорной части Арцаха проживало 128,6 тыс. человек, 106,4 или 82,7% которых составляли армяне, а 20,4 или 15,9% - татары, а также 1,5 тыс. русских и 300 представителей других этнических групп [8].

В начале XX века абсолютная численность армянского населения Арцаха оставалось стабильным, а относительное резко уменьшалось, а численность мусульман (татар и курдов) увеличивалось. Это объясняется миграцией армянского населения Карабаха в крупные города, особенно Баку. Здесь в начале XX века проживало 30 тыс. арцахских армян [9]. На территории, где впоследствии была образована НКАО, в начале XX века армянское население составляло 94% от общего числа [10]. В 1913г. в пределах нынешних границ НКР проживало примерно 372 тыс. человек (в Шуши – 42 тыс.), а в 1914г. в пределах бывших административных границ НКАО – 167,1 тыс. человек, 81% которых составляли армяне, а 17,8% - тюркоязычные этнические группы или татары [11], которые только после первой проведенной в советское время переписи населения (1926г.) стали называться «азербайджанцы».

Вследствие муссаватистской агрессии 1918-20гг., а также после турецкой интервенции население Карабаха резко уменьшилось: в 1921г. до 131,5 тыс. (94,4% армяне), в 1923г., в период провозглашения НКАО – 127,8 тыс. [11]. В советский период численность армянского и азербайджанского населения росла неравномерно. Так, если в 1923г. удельный вес в общей численности населения НКАО составлял 94,4%, то в 1989г. – 76,9%. За период между переписями населения 1926 и 1989гг. численность армян в НКАО увеличилась на 33,8 тысяч (прирост составил 130,3%), а азербайджанцев – на 28,1 тысяч (323%). Причем численность армян в 1926-39гг. возросла на 22,4 тысяч. Численность азербайджанцев за период между переписями населения 1926 и 1989гг. непрерывно увеличивалась. Постоянно колебалась и общая численность населения НКАО, Так, если в 1926-39гг. численность населения Нагорного Карабаха увеличилась и составила 150,8 тыс., то в 1939-59гг. она уменьшилась и составила 130,4 тысяч. В 1974г. она почти достигла уровня 1939г. – 150,3 тыс. [12]. Затем численность населения возросла и в 1990г. достигла в НКАО максимальной отметки за годы существования СССР – 195,2 тыс. [13], что в основном было обусловлено насильственным выселением армян из Баку и других районов Азербайджана и переселением в Нагорный Карабах. В дальнейшем население НКР до середины 1990-х гг. убывало, а затем очень медленно стало возрастать и в 2008г. достигло 138,8 тыс. [15] (Рис. 1), что обусловлено военным положением и значительной эмиграцией населения.

В советские годы отрицательные колебания численности населения обуславливались армянофобской политикой азербайджанских властей, в результате которой численность армянского населения не только не увеличивалась, но и уменьшалась. Умышленно сокращалось финансирование осуществляемых в НКАО строительных работ, в 44 населенных пунктах было закрыто 52 промышленных предприятия. Только в 1940-60гг. в НКАО полностью обезлюдели 47 села [11] (до 1980г. в общей численности 85 сел, или 35% сел НКАО) [15].

Рис.1

Динамика численности населения Нагорного Карабаха 1823-2008гг.

Взамен создавались деревни, населенные исключительно азербайджанцами. В результате всего этого в области резко изменилась демографическая картина. В результате переписи населения 1989г. выяснилось, что в Шуши не осталось ни одного армянина. В Гадрудской области от 37 138 армян (1913г.) в 1989г. остались 11600. В годы Великой Отечественной войны 35% населения области (45000) было призвано в армию, что в 4-5 раз больше показателей соседних азербайджанских областей. На фронте погибли 22000 арцахцев. После войны, в ночь на 14 июня 1949г. по приказу азербайджанских властей тысячи армянских семей были высланы в Алтайский край России [11].

Значительные изменения и количества, и национального состава населения произошли в бывшей столице Нагорного Карабаха – Шуши. В течение 19 века Шуши стала крупным центром, пятым по величине городом Закавказья. Население города увеличивалось прежде всего за счет армян, которые в середине 19 века составляли в нем большинство. В 1851г. население Шуши составляло 12724 человек, из которых 6357 армян, в 1883г. – 25656 (3282 мужчин, 12374 женщины), из которых 56,5% армян, 43,2% татар, 0,3% русских, евреев. В 1890-ые численность населения составляла 34 тыс., в 1916г. – 43 тыс., 1920 – 60 тыс., из которых 47000 армян [16]. В результате армяно-азербайджанских столкновений 1918-1920гг. и погромов в Шуши население города достигло 9 тысяч, а в конце 1920-х годов – 5 тысяч [17] и больше не поднялось выше отметки в 17 тысяч в 1989 [18].

В 1847г. в ныне столичном Степанакерте было 80 армянских и 52 русских домов [19]. В 1900г. население Степанакерта составляло 3 тыс. [20], в 1939г. – 10 тыс., 1959г. – 19,7 тыс., в 1970г. – 30,3 тыс., 1975г. – 33 тыс., 1979г. – 38,9 тыс., 1989г. – 57 тыс. [21]. По положению на 1 января 2008г. в столице НКР проживали 50984 человека [14].

Частые изменения численности населения, военные действия, нестабильная военно-политическая обстановка, сложные экономические и социальные условия повлияли на демографические показатели. Современная демографическая картина НКР сформировалась в результате длительного процесса.

В свою очередь демографическая ситуация непосредственно влияла на остроту и характер протекания национальных проблем закавказских стран.

В Армении и Азербайджане демографический взрыв достиг своего экстремума в первой половине 60-х годов прошлого века, когда население ежегодно увеличивалось более чем на 3%. В условиях быстрого роста населения увеличивалась плотность населения. В горных странах общая плотность населения не отражает реальной картины данного региона. Более точное представление дают те показатели, которые рассчитываются в соотношении с территориями землепользования, точнее – с учетом площади сельскохозяйственных угодий.

Таблица 1

Плотность населения в ряде республик бывшего СССР в 1987г.¹

Республика	Средняя плотность, чел./ км ²	По сельскохозяйственным землям, чел./км ²
Армянская ССР	115	262
Азербайджанская ССР	79	166
Грузинская ССР	76	165
Украинская ССР	85	122
Молдавская ССР	124	161

Для сравнения отметим, что по положению на 01.01.2008г. средняя плотность населения в НКР составляла 11,9 чел./км², а по сельхоз угодьям – 30,2.

Население НКАО увеличивалось медленнее, чем в Армянской ССР и Азербайджанской ССР, что свидетельствует о том, что здесь постоянно имел место отток населения. Если сравним рост населения с показателями за 1959г., то в Азербайджане он составлял 184% (1987г.), в АрмССР – 194%, в НКАО – только 137% [22].

Таблица 2

Темпы роста населения НКАО, АрмССР и АзССР²

Год	Население НКАО, тыс. чел.	Темпы роста, %		
		НКАО	Армянская ССР	Азербайджанская ССР
1926	125			
1939	151	121	146	131
1959	131	87	138	115
1970	150	115	141	138
1979	161	107	122	118
1987	180	112	112	113

¹ Источник: *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и проблемы развития Нагорного Карабаха // Проблемы горного хозяйства и расселения, Институт географии АН СССР, 1990.

² Там же.

Поскольку в НКАО показатели естественного прироста были не ниже, чем в АрмССР и АзССР, можно примерно оценить потерю населения. Об активном оттоке населения свидетельствуют также особенности возрастной структуры населения НКАО. Доля 15-29-летних в общем населении в НКАО была значительно меньше, чем в АрмССР и АзССР, особенно в сельской местности. Это объясняется тем, что более $\frac{3}{4}$ мигрантов входили в эту возрастную категорию. Одновременно удельный вес пенсионеров в общей численности населения возрос в 1,5 раза, а в сельской местности – в 2 раза.

Таблица 3

Удельный вес молодого и пожилого населения, %, 1979г.¹

	Возраст				Пенсионного возраста
	15-29	в том числе			
		15-19	20-24	25-29	
Все население					
НКАО	26,8	12,2	8,8	5,8	14,6
Азербайджанская ССР	30,5	13,5	10,3	6,7	9,0
Армянская ССР	31,4	12,6	10,9	7,9	9,3
Городское население					
НКАО	31,6	13,5	10,6	7,5	10,2
Азербайджанская ССР	32,6	12,9	11,7	8,0	9,4
Армянская ССР	32,0	1,6	11,4	9,0	8,9
Сельское население					
НКАО	23,2	11,2	7,4	4,6	18,0
Азербайджанская ССР	23,0	14,1	8,7	5,2	8,5
Армянская ССР	30,4	14,5	10,1	5,8	10,1

Изменения численности населения отразились и на гендерном составе населения НКАО (Таблица 4). Изучение населения областей по их гендерному составу показывает, что по состоянию на 01.01.2008г. во всех областях, кроме Шаумянской и Кашатагской, преобладают женщины, причем наибольший удельный вес у женщин в Шушинской области (55%), а в Гадрудском районе практически соблюдается гендерный баланс (женщин 50,5%, мужчин 49,5%)². В

¹ Источник: Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и проблемы развития Нагорного Карабаха // Проблемы горного хозяйства и расселения, Институт географии АН СССР, 1990.

² В 2006г. их было по 50%. – Прим. автора.

Шаумянской области женщины составляют 47,1% от всего населения, а в Кашатаге их представленность ниже всего – 46,5% (Таблица 5). Основные причины этого заключаются в следующем: в Шаумянской и Кашатагской областях отсутствуют многие условия, необходимые для нормальной жизни женщин (работа, элементарные бытовые и гигиенические условия и т.д.), здесь в основном в одиночку селятся мужчины, семьи которых находятся в Республике Армения или других областях НКР.

Миграция армянского населения происходила из АзССР, НКАО, а также Грузии. За период между переписями населения 1926 и 1989гг. численность армян в Азербайджанской и Грузинской ССР даже уменьшилась, а в НКАО практически не увеличилась. Это значит, что здесь миграция количественно совпадала с естественным приростом – примерно 2-3% в год. В этот же период значительно возросла численность азербайджанцев в НКАО.

Таблица 4

Гендерный состав населения НКР¹

Год	Численность населения по положению на 1 января, тыс. чел.	в том числе			
		мужчины		женщины	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1989*	189,1	92,1	48,7	97,0	51,3
2000 [#]	133,3	64,0	48,0	69,3	52,0
2001 [#]	134,4	64,1	47,7	70,3	52,3
2002 [#]	135,7	66,0	48,6	69,7	51,4
2003 [#]	136,6	65,2	47,7	71,4	52,3
2004 [#]	137,0	65,3	47,7	71,7	52,3
2005**	137,7	66,6	48,4	71,1	51,6
2006 [#]	137,7	66,5	48,3	71,2	51,7
2007 [#]	137,7	66,5	48,3	71,2	51,7
2008 [#]	138,8	66,8	48,1	72,0	51,9

¹ Источники: справочники «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության վիճակագրական տարեգիրք 2000-2006» («Статистический ежегодник Нагорно-Карабахской Республики 2000-2006»), «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության մարդահամարի արդյունքները» («Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской Республики»), статистическая брошюра «Լեռնային Ղարաբաղը թվերով, 2007» («Нагорный Карабах в цифрах, 2007») и статистический справочник «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության բնակչության թվարանակը 2008թ. հունվարի 1-ի դրությամբ» («Численность населения Нагорно-Карабахской Республики по положению на 1 января 2008г.»).
Условные обозначения: * – данные переписи, ** – данные переписи 18.10.2005г., # – оценочно.

Рис. 2

Гендерно-возрастная пирамида НКР, 2005г. [23]

Численность населения НКР согласно переписи 2005г. – 137737 человек

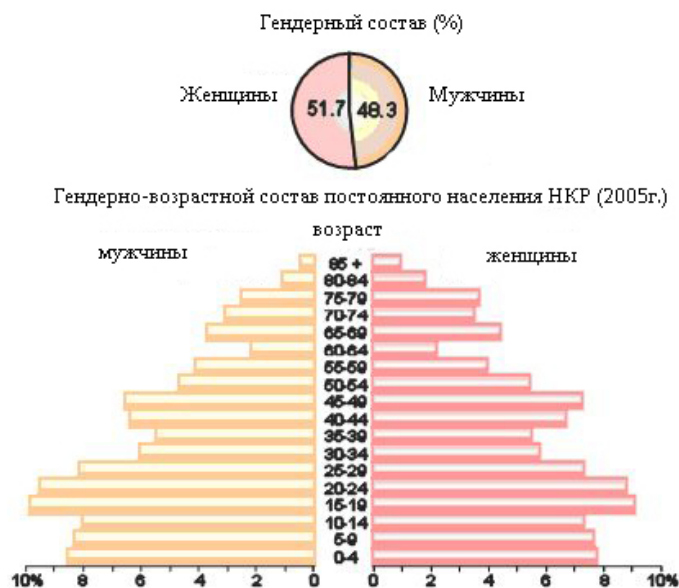

Таблица 5

Гендерная структура населения НКР по областям, по состоянию на 1 января 2008г.¹

№	Области	Численность населения			Удельный вес, %	
		Всего	в том числе		мужчины	женщины
			мужчины	женщины		
1	г.Степанакерт	50984	23672	27312	46,4	53,6
2	Аскеранская	17393	8356	9037	48,0	52,0
3	Гадрутская	12240	6053	6187	49,5	50,5
4	Мартакертская	19042	9347	9695	49,1	50,9
5	Маргунийская	23228	11299	11929	48,6	51,4
6	Шаумянская	2789	1475	1314	52,9	47,1
7	Шушинская	4607	2063	2544	44,8	55,2
8	Кашатагская	8551	4575	3976	53,5	46,5
	Всего	138834	66840	71994	48,1	51,9

¹ По статистическому справочнику «Լեռնային Դարաբաղի Հանրապետության բնակչության թվաքանակը 2008թ. հունվարի 1-ի դրությամբ» («Численность населения Нагорно-Карабахской Республики по положению на 1 января 2008г.»).

За счет иммиграции и сравнительно более высокого темпа естественного роста населения численность азербайджанцев в НКАО увеличилась более чем в два раза при том, что численность армян возросла всего на 12%. В результате в Карабахе национальный состав быстро изменился в пользу азербайджанцев.

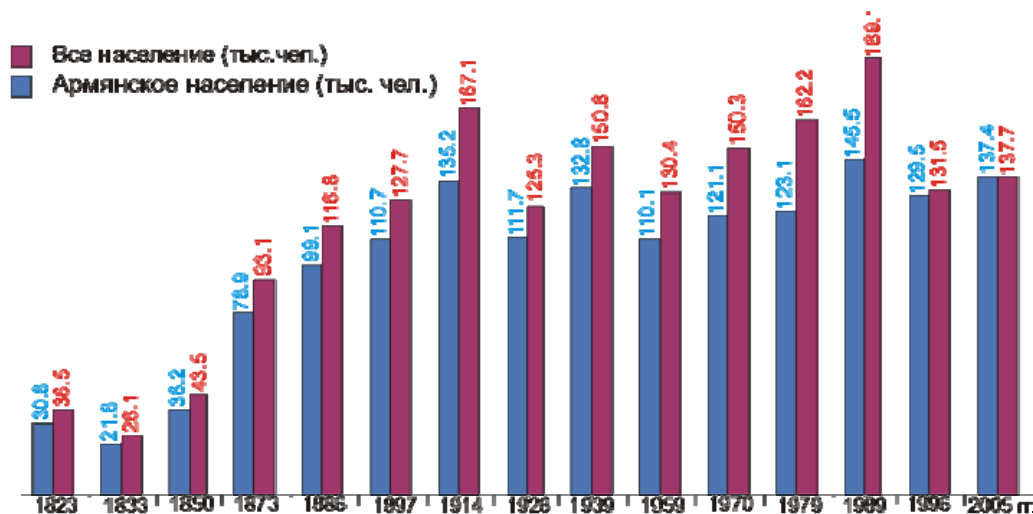
Таблица 6

Национальный состав НКАО, %¹

	1959г.		1970г.		1979г.	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Все население	130,4	100,0	150,3	100,0	162,3	100,0
армяне	110,1	84,4	121,1	80,6	123,1	75,9
азербайджанцы	18,0	13,8	27,2	18,1	37,3	23,0
русские	1,8	1,4	1,3	0,86	1,3	0,78
иные национальности	0,5	0,4	0,7	0,44	0,3	0,32

Рис. 3

Миграция армянского населения Нагорного Карабаха 1823-2005гг. [23]

Картина изменилась после 1989г., когда азербайджанцы ушли из НКАО, и в настоящее время 99,7% населения составляют армяне. Боевые действия, нестабильная военно-политическая обстановка, сложные экономические и социальные условия имели тяжелые последствия. Арцахское армянство одержало

¹ Источник: *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и проблемы развития Нагорного Карабаха // Проблемы горного хозяйства и расселения, Институт географии АН СССР, 1990.

победу в развязанной Азербайджаном войне, однако понесенные армянским народом человеческие потери тяжелы, ухудшилось социальное положение населения, возникла безработица, усилилась эмиграция, как в НКР, так и в РА. В результате всего этого в первой половине 90-х годов произошел резкий спад численности населения (Рис. 1), возникли демографические и социально-экономические проблемы, решение которых актуализировали исследования демографической ситуации и системы расселения в республике.

Несмотря на то, что с первых же послевоенных лет в НКР начались и по сей день продолжают широкомасштабные строительные работы, восстанавливаются образовательные, культурные и другие учреждения, заселяются новые населенные пункты, однако многие вопросы пока не решены. И это прежде всего касается урегулирования демографической ситуации.

Одним их важнейших показателей демографического состояния населения является уровень рождаемости, на который влияют браки, разводы, эмиграция молодых семей, безработица, неудовлетворительные социальные условия, материальная обеспеченность и т.д. По данным переписи 2005г., в Нагорно-Карабахской Республике не женаты 24,04% мужчин 25-39 лет (в городах – 24,73%, в селах – 23,35%), а среди населения старше 15 лет никогда не состояло в браке 25,5% населения НКР, что довольно высокий показатель. Он особенно высок в городах, где среди населения старше 15 лет никогда не состояло в браке 28,9% населения, а в деревнях этот показатель равен 21,7% [24]. Отсюда можно заключить, что в селах сравнительно легче регулировать социальные вопросы – за счет сельскохозяйственных работ. Коэффициент браков в 2000-2006 гг. колебался в пределах 46-7%, а разводов – 0,6% [25].

Таблица 7

Общие коэффициенты браков и разводов¹

Год	В расчете на 1000 человек, %	
	<i>браки</i>	<i>разводы</i>
2000	5,7	0,7
2001	5,2	0,8
2002	4,7	0,7
2003	4,9	0,7
2004	5,8	0,6
2005	5,5	1,0
2006	6,0	0,9
2007	3,8	0,9

¹ По справочнику «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության վիճակագրական տարեգիրք 2000-2006» («Статистический ежегодник Нагорно-Карабахской Республики 2000-2006»).

Как видно из таблицы, коэффициенты разводов колеблются меньше, чем коэффициенты браков.

На изменение численности населения в основном влияют показатели рождаемости и смертности. Как видно из Рис. 4 и Таблицы 8, после 1985г. уровень рождаемости и естественный прирост населения существенно сократились, последний даже снизился до отрицательной отметки. Со второй половины 1990-х рождаемость сравнительно стабилизировалась. Так, в 1995-2007гг. она колебалась в пределах 14,2-17,0%, а показатели смертности составляли 7,9-10,2%. Естественный прирост составлял 4,7-9,1%. Падение уровня рождаемости и естественного прироста и увеличение смертности в первой половине 90-х в первую очередь обусловлено войной. И если в послевоенный период уровень рождаемости определенно возрос, с 14,2% увеличившись до 15,6%, то уровень смертности уменьшился очень незначительно – с 9,5% до 8,9%. Хотя естественный прирост с 4,7% достиг 6,7% [24, 25, 26, 27], тем не менее его уровень чрезвычайно низок, если учитывать, насколько важен для НКР быстрый рост населения.

Таблица 8

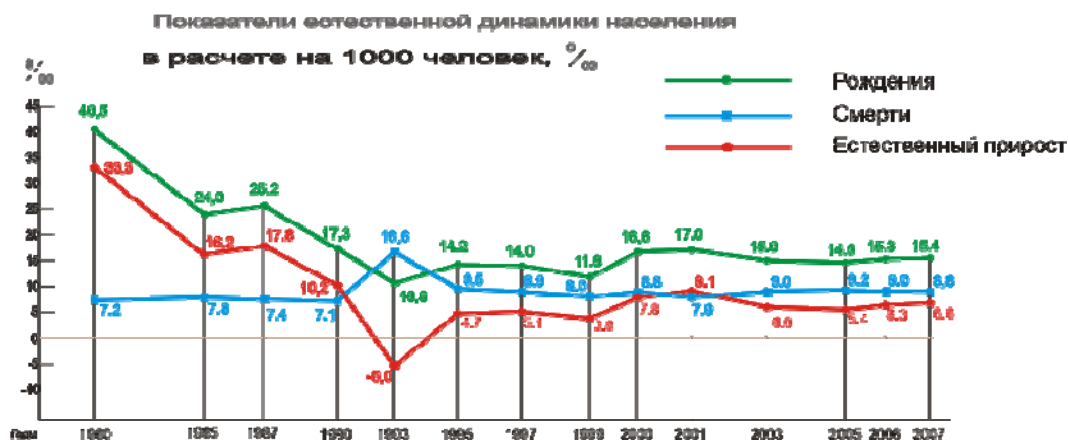
Показатели естественной динамики численности населения 1985-2007гг.¹

Год	В расчете на 1000 человек, %		
	Рожденные	Скончавшиеся	Естественный прирост
1985	24,0	7,8	16,2
1990	17,3	7,1	10,2
1991	21,6	12,2	9,4
1992	11,6	11,2	0,4
1993	10,6	16,6	- 6,0
1994	14,2	15,2	- 1,0
1995	14,2	9,5	4,7
1996	15,2	10,2	5,0
2000	16,6	8,8	7,8
2001	17,0	7,9	9,1
2002	16,0	9,1	6,9
2003	15,0	9,0	6,0
2004	15,3	9,5	5,8
2005	14,6	9,2	5,4
2006	15,3	9,0	6,3
2007	15,4	8,8	6,6

¹ Источники: справочники «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության վիճակագրական տարեգիրք 2000-2006» («Статистический ежегодник Нагорно-Карабахской Республики 2000-2006»), «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության մարդահամարի արդյունքները» («Результаты переписи населения Нагорно-Карабахской Республики»), статистические брошюры «Լեռնային Ղարաբաղը թվերով, 2007» («Нагорный Карабах в цифрах, 2007») и «1985-1996 վիճակագրական ժողովածու» («Статистический сборник 1985-1996»).

Рис. 4

Показатели динамики естественного изменения
численности населения 1960-2007гг.

С 1992г. наиболее высокий показатель рождаемости и естественного прироста и наиболее низкий показатель уровня смертности наблюдался в 2001г. – соответственно 17%, 7,9%, 9,1%. После 2001г. уровень рождаемости стал ниже, чем уровень смертности. В результате существенно уменьшился естественный прирост населения. Высокий уровень смертности обусловлен рядом факторов: с одной стороны, увеличением доли пожилых в возрастной структуре населения, с другой – ухудшением социальных и бытовых условий населения. Демографическая ситуация обострена практически во всех областях НКР. Повсеместно наблюдается спад уровня рождаемости, однако в связи с колебаниями показателей уровня смертности естественный прирост населения в течение последних лет не демонстрировал стабильного роста или спада, хотя во всех областях в целом уменьшился. Наиболее неутешительна ситуация в Аскеранской области (в течение последних 5 лет естественный прирост колебался в пределах -0,2% - 3,3%), Мартунийской (2,6%-4,9%), Мартакертской (3,5%-6,3%) и Гадрутской (2,0%-5,1%) областях, что обусловлено прежде всего вызванным гибелью большего числа молодежи в годы войны или их послевоенной миграцией преобладанием удельного веса пожилых в общей возрастной структуре населения этих областей. Наиболее высокий показатель рождаемости в Шаумянской (10,8% - 18,8%) и Кашатагской (12,4%-16,5%) областях. Здесь живут наиболее молодые переселенцы, а большинство женщин безработные. Это привело к тому, что показатель уровня рождаемости порой поднимался выше отметки 20% (в Шаумянской области в 2001г. – 21,6%, в 2002 и 2005гг. – 20,4%, в Кашатагской области в 2001г. – 20,3%). В этих двух областях также наиболее низкий уровень смертности, колеблющийся в пределах 1,9-3,4%.

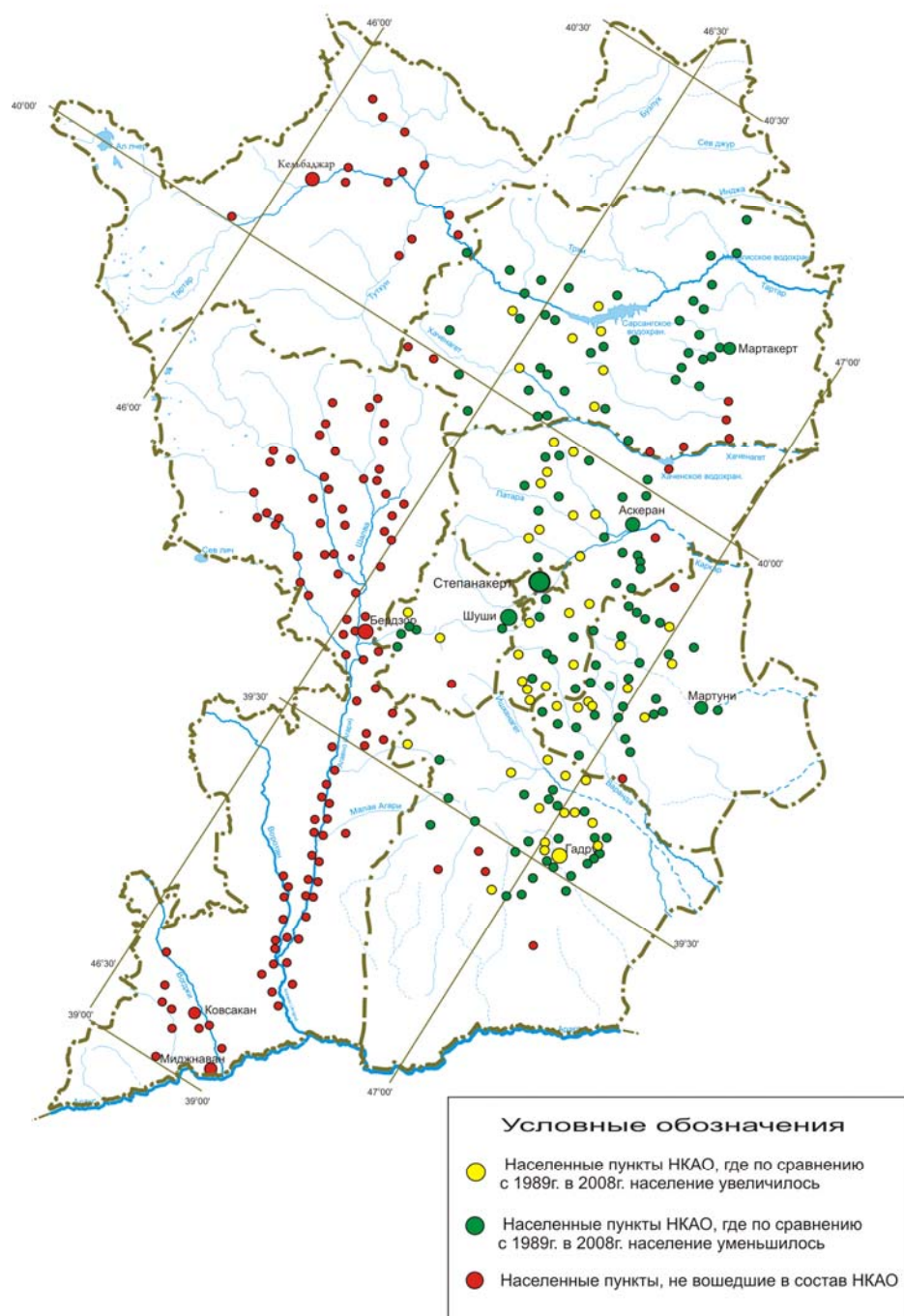

Рис. 5. Демографическая динамика в населенных пунктах НКР в 1989-2008гг.

Изменения численности населения НКР отразились в изменении численности населения конкретных населенных пунктов – в 2008г. по сравнению с 1989г. (Рис. 5). Анализ показывает, что численность населения находящегося на территории бывшей НКАО 121 населенного пункта (70,8%) уменьшилась или не увеличилась и только в 50 (29,2%) населенных пунктах увеличилась. По областям картина следующая: в 84,4% (38 населенных пунктов) от общего числа населенных пунктов Мартакертской области по положению на 1 января 2008г. численность населения была меньше, чем в 1989г., в Мартунийской и Шушинской областях – в 75,0% (соответственно 27 и 6), в Гадрутской области – в 63,2% (24), в Аскеранской области – в 58% (25). Численность населения уменьшилась и в Степанакерте. Увеличение численности населения наблюдается в основном в западных областях страны, а на востоке оно увеличилось только в двух из находящихся на передовой деревень (Ашан, Спитакашен).

Причины этого многочисленны и разнообразны, однако, главными среди них являются следующие: количество погибших на войне, интенсивная эмиграция, низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности. И сегодня, в результате низких показателей демографической динамики, численность населения увеличивается чрезвычайно медленно, и трудно спрогнозировать, когда численность населения достигнет довоенного уровня. Обо всех переселенных населенных пунктах освобожденных и вновь формируемых областей (Шаумян, Кашатаг) можно с уверенностью утверждать, что в них на сегодня меньше жителей, чем в 1989г. в расположенных практически в тех же местах азербайджанских селах, где в целом проживало более 100 тысяч человек вместо нынешних 8,5 тысяч. Не случайно, сегодня в Кашатагской области преобладают очень мелкие, мелкие и небольшие села (Рис. 6), с населением до 300 человек (крупнейшее село Кашатагской области – Цахкаберд с населением 238 человек, а в Шаумянской области – Нор Верин шен (224 жителей)). Деревня Аканаберд с 523 жителями хотя административно входит в состав Шаумянской области, однако фактически расположена в Мартакертской области. В целом, во всем НКР в 244 из 286 сел население меньше 500 человек (т.е. в 85,3% сел), а общая численность их населения составляет 30149 человек (44,9% от общего числа сельского населения НКР), и только в 42 селах 501 и больше жителей (в 14 – больше 1000), а общая численность их населения составляет 37036 человек [14].

Очевидно, что демографические показатели населения влияют на процессы и формы заселения: в частности, в зависимости от возраста населения, пола, вида занятости меняется тип жизнедеятельности населения, его организация во времени и пространстве. Естественная и механическая динамика численности населения выступает в качестве важнейшего фактора, обуславливающего тенденции изменения заселения [28].

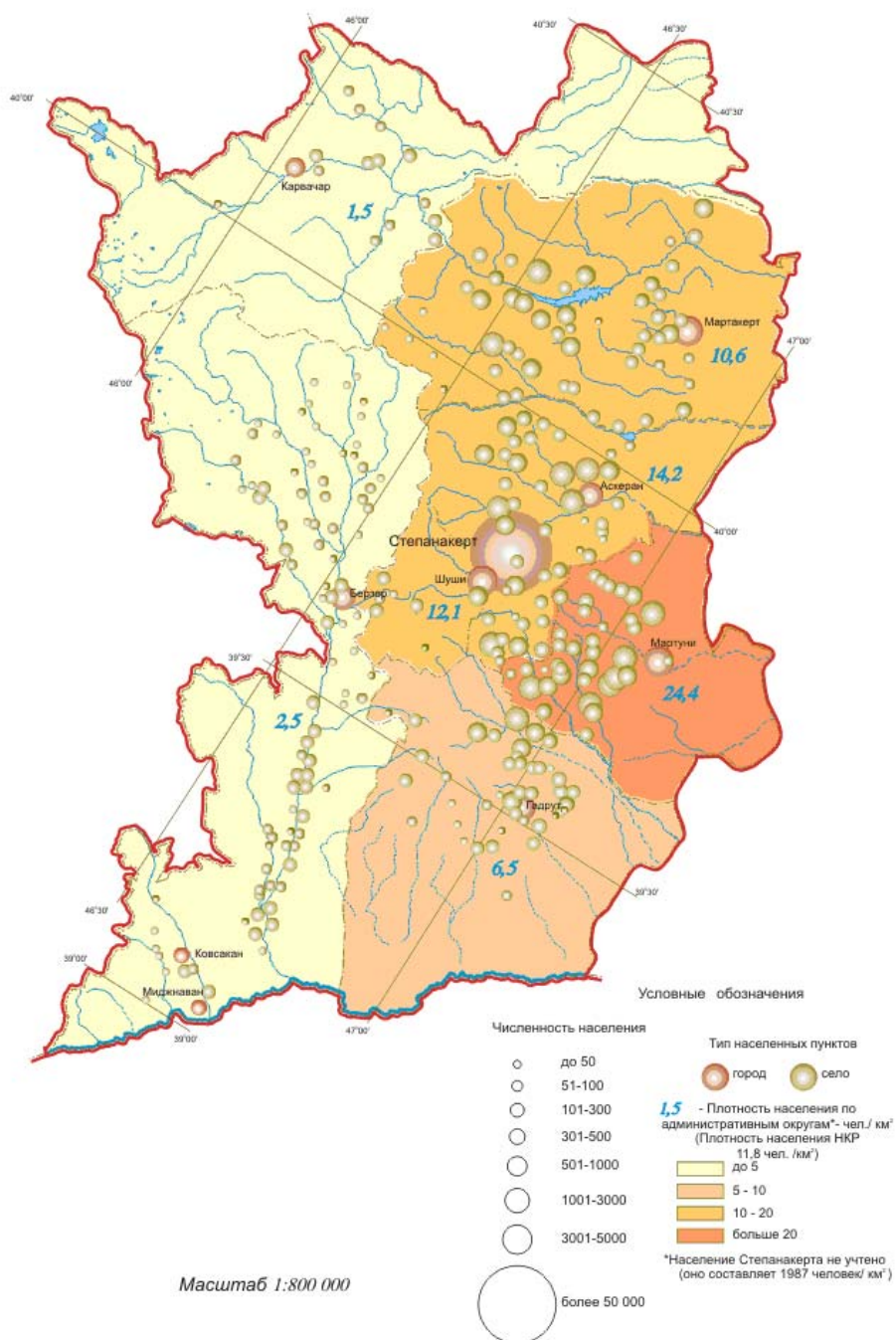

Рис.6 Населенные пункты НКР по численности населения и плотности населения по административным округам по состоянию на 01.01.2008г.

Демографическая ситуация в НКР сегодня обусловила многие социальные и экономические проблемы, основным способом решения которых является развитие местной экономики, увеличение льгот, создание рабочих мест, расширение сети образовательных, медицинских и других объектов. Это способствует снижению социальной напряженности и уровня эмиграции, повышению уровня рождаемости и естественного прироста населения. В результате демографическая ситуация в НКР хотя бы ненамного урегулируется, что, помимо чисто географического значения, очень важно со стратегической точки зрения.

Февраль, 2009г.

Источники и литература

1. *Страбон*. География // Нагорный Карабах. Историческая справка. АН АрмССР, Ереван, 1988г.
2. АВПР, ф. СРА. 1736 г., д. 1, лл. 106—117, 144—165 об. Копия - <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
3. Полный свод законов Российской империи. Том 24, с. 76. <http://www.karabakh-open.com/src/index.php?lang=ru&id=5&nid=8569>.
4. *Шнирельман В.А.* Войны памяти. Часть I, гл. 13. <http://www.karabakh-open.com/src/index.php?lang=ru&id=5&nid=8569>.
5. Живописная Россия. Под редакцией вице-председателя Императорского русского географического общества П. П. Семенова, Санкт-Петербург, 1883. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
6. *Броневский С.М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньне. Эпоха III <http://www.Vostlit.info/Textsrus9Bronevskiytext32.html> - <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
7. Описание Карабахской губернии, Тифлис, 1866г., с. 260. <http://www.karabakh-open.com/src/index.php?lang=ru&id=5&nid=8569>.
8. http://www.litera-ru.ru/html/materials/2003_0608_Per1897.html.
9. http://www.bakuland.com/?page=history&logik=history_supnew.
10. *De Waal, Thomas*. Black garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New York: New York University Press, 2003, p. 130.
11. <http://www.karabakh-open.com/src/index.php?lang=ru&id=5&nid=8569>.
12. Нагорный Карабах. Историческая справка. АН Арм ССР, Ереван, 1988г.
13. Վիճակագրական ժողովածու 1985-1996, Ստեփանակերտ, 1997թ.
14. Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության բնակչության թվաքանակը 2008թ. հունվարի 1-ի դրությամբ՝ վիճակագրական տեղեկագիր, ԼՂՀ ԱՎԾ, Ստեփանակերտ, 2008թ., 8 էջ

15. <http://www.utro.ru/articles/2006/07/04/562296.shtml>
16. <http://www.nkr.am/rus/history/shushi.htm>
17. http://www.nkr.am/rus/mid/bull/text1_00.htm
18. <http://www.thewordbook.com/?suche=Shusha>
19. *Հակոբյան Թ., Մելիք-Քախչյան Ստ., Բարսեղյան Հ.* Հայաստանի և հարակից երկրների տեղանունների բառարան, Երևան, 1986թ., 2-րդ հրատ., Երևան, 1988թ.
20. *Цитович Г.А.* Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913.
21. Согласно данным переписи населения.
22. *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и проблемы развития Нагорного Карабаха // Проблемы горного хозяйства и расселения, Институт географии АН СССР, 1990.
23. ՀՀ Ազգային ատլաս, հատոր Ա, Երևան, 2007թ.
24. «Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության մարդահամարի արդյունքները», ԼՂՀ ԱՎԾ, Ստեփանակերտ, 2006թ.
25. Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության վիճակագրական տարեգիրք 2000-2006, ԼՂՀ ԱՎԾ, Ստեփանակերտ, 2007թ.
26. Վիճակագրական ժողովածու 1985-1996, Ստեփանակերտ, 1997թ.
27. Լեռնային Ղարաբաղը թվերով 2007, ԼՂՀ ԱՎԾ, Ստեփանակերտ, 2007թ.
28. *Մանասյան Մ.Գ.* ՀՀ տարաբնակեցման համակարգը, Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2005.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE NKR

Serob Sudjyan

Resume

In this article, based on historical and statistical data, the demographic changes in Nagorno-Karabakh since the beginning of the 18th century are presented. Among the main factors which favoured the reduction of the Armenian population the military conflicts as well as the policy of the central authorities of Azerbaijan are mentioned. The demographics of Stepanakert and Shushi are presented separately. The ethnic composition, the thickness and natural population upsurge data in the period before 1988 is of particular interest.

Despite the fact that the political and social-economic situation in the NKR influenced the demographic situation positively, there are still many unsolved problems which have an adverse effect on the structure of the settlement system as a factor of the social and economic development of Nagorno-Karabakh.

АРМЯНЕ И ЕВРЕИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ПАРАЛЛЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУДЕБ

Дмитрий Саноян, Алек Д. Эпштейн

Феномен возрождения еврейской и армянской государственности после столетий политического забвения привлекает к себе возрастающее внимание и интерес историков, этнографов, политологов, а также специалистов в других областях гуманитарного знания. Следует отметить, что фактом восстановления политического суверенитета в XX столетии не исчерпывается общность этих двух народов, обнаруживающих множество сходных явлений в истории, культуре, религии и политике. Эта статья представляет собой попытку выявления и сопоставления основных «векторов» политических судеб евреев и армян в XX – начале XXI вв.

XX век стал веком национального возрождения многих народов мира. За период, прошедший с первой половины XX по начало XXI вв., на политической карте мира появилось более ста новых независимых государств. При этом национальный суверенитет обрели как те народы, которые никогда не имели собственной государственности (финны, украинцы и т.д.), так и те, которые утратили свой независимый политический статус в сравнительно недавнем историческом прошлом (ирландцы, поляки). Воссоздание еврейского и армянского государств в XXв. – уникальные исторические феномены, не имеющие других аналогов в мировой истории. В обоих вышеупомянутых случаях национальная государственность была восстановлена народами, утратившими политический суверенитет многие столетия назад (Иудейское царство Хасмонеев подпало под власть римлян в 62г. до н.э.; Армянское Киликийское государство исчезло с политической карты мира в 1375г. вследствие мамелюкского вторжения), оба народа смогли возродиться в политическом плане, несмотря на предпринятые в XX веке попытки полностью стереть их с лица земли.

Очевидно, что в историческом прошлом армянского и еврейского народов прослеживается много общих черт. На протяжении длительного времени армяне и евреи жили как этно-религиозные меньшинства среди враждебно настроенных к ним народов. При этом следует отметить, что религия оказывала огромное влияние на развитие как еврейского, так и армянского национального

самосознания. Формулу еврейского национального единения озвучил философ Филон Александрийский: одна религия – иудаизм, один закон – Моисеев, один город – Иерусалим. Позднее утраченная земля Палестины/Эрец-Исраэль была заменена Книгой Книг, своего рода «передвижным центром», цементирующим национальное единство вне времени и пространства. Как отмечал французско-израильский католический философ и богослов Марсель Дюбуа, «еврейство не является ни смесью, ни сплавом, но неповторимой сущностью, связанной с двумя полюсами – религией и нацией» [1, с. 292].

Изначальное название *иехуди* (еврей и иудей на языке иврит) относилось к потомкам (колену) Иехуды, впоследствии – к жителям Иудейского царства вне зависимости от их племенной принадлежности. После падения Израильского царства название *иехуди* потеряло специфическую связь именно с Иудейским царством и превратилось в термин, обозначающий национально-религиозную принадлежность вне связи с какой-либо территорией или племенными границами. Говорившие на иврите евреи Палестины/Эрец-Исраэль обычно называли себя *Исраэль* (Израиль), и постепенно этот термин почти полностью вытеснил в иврите все остальные названия.

В библейский период евреем являлся всякий, кто принадлежал к еврейскому национально-религиозному сообществу, – даже если он не происходил от одного из колен Израилевых. Положение принципиально изменилось после возвращения из вавилонского пленения (538г. до н.э.). Падение Израильского, а затем и Иудейского царств сопровождалось насильственным выселением завоевателями части еврейского населения и переселением в Палестину/Эрец-Исраэль неевреев. Следствием этого были смешанные браки, угрожавшие дальнейшему существованию еврейского народа как самостоятельной этнической общности, и ослабление национально-религиозного сознания у евреев, оставшихся в стране. В противоположность евреям, которые оставались в период изгнания в Палестину/Эрец-Исраэль, евреи, вернувшиеся из вавилонского пленения, обладали обостренным национально-религиозным самосознанием. Опасаясь ослабления национально-религиозного самосознания и у евреев, вернувшихся из Вавилона, Эзра потребовал от тех из местных евреев, кто желал сохранить верность еврею, развестись с чужеплеменными женами, поскольку, по его мнению, смешанные браки были одним из факторов отхода от иудаизма. Принадлежность к общине определялась теперь, в первую очередь, на основании религиозного критерия, и община признавала своими членами лишь тех, кто принимал на себя религиозные обязательства. Строго религиозный критерий еврея, введенный Эзрой и его соратником Нехемией, привел к культурно-религиозному обособлению евреев от языческого мира.

Армянское национальное самосознание вполне соотносилось с вышеприведенной моделью. В первой половине XXв. в армянских научных и литературных кругах была широко распространена точка зрения, согласно которой армяне представляли и представляют собой прежде всего конфессиональную общность. По мнению известного армянского историка Н.Адонца, религия является определяющим фактором армянского национального самосознания [2, с. 11]. После принятия в 301г. христианства именно Армянская Апостольская Церковь стала единственной объединяющей силой, наиболее действенным средством самосохранения и развития армянского этноса в условиях культурного и политического экспансионизма – сначала Ирана, а затем и Византии. Эту этнозащитную функцию армянская церковь выполняла и в дальнейшем как в самой Армении, так и за ее пределами, выступая по образному выражению бывшего Константинопольского патриарха, Магакии Орманяна, видимой душой отсутствующего государства [3, с. 191]. В XXв. церковь продолжала оставаться важным связующим звеном между армянскими общинами, разбросанными по странам Ближнего и Среднего Востока. На протяжении столетий религия оказывала огромное влияние на все стороны жизни армянского общества. Совершенно очевидно, что аналогичную роль играл иудаизм. Вера в «Бога Израиля и Его Тору» на протяжении почти двух тысячелетий цементировала еврейский народ, несмотря на его разбросанность по странам и континентам.

В начале XXв. армяне в большинстве своем жили на своей исторической родине (до 1915г. около 70% армян проживали на территории исторической Армении), в то время как большинство евреев проживало за пределами Палестины. В начале XXв. как небольшая еврейская община в Палестине, так и армяне имели статус *миллетов*, находясь под правлением переживавшей упадок Османской империи [4, р. 8]. Более того, во второй половине XIX – начале XX вв. у армян и евреев начинается процесс национального возрождения. Армянский вопрос получил официальное дипломатическое признание на Берлинском конгрессе 1878г. Примерно в это же время среди евреев, разбросанных по всему свету, также возникло движение за создание национального государства (в 1881г. Лев Пинскер публикует вызвавшую большой резонанс работу «Автоэмансипация»), лидером которого позднее стал австрийский журналист Теодор Герцль.

В истории армянского и еврейского национальных движений наблюдаются значимые параллельные тенденции. Армянское национальное движение было представлено тремя политическими партиями: «Гнчак», «Дашнакцутюн» и «Рамкавар-Азатакан». Партия «Гнчак» была создана в 1887г. в Женеве. Как отмечает армянский историк и социолог Р.Хуршудян, «опубликованная в 1888 году программа гнчакистов представляла собой эклектическую комбинацию из идей

национального освобождения, народничества и марксизма Плеханова» [5, с. 13]. В 1890г. была основана партия «Дашнакцутюн», во главе ее стояли два брата-студента по фамилии Заварян. В ее программу входило с помощью европейских держав и царской России добиться автономии Западной Армении. Широко поддерживаемые массами и армянской буржуазией, дашнаки превратились во влиятельную партию, далеко оставив позади и рамкаваров и гнчакистов. Они располагали значительными средствами, оружием, имели свои филиалы как в Турции, так и в европейских странах. Что же касается партии «Рамкавар-Азатакан», то она оформилась путем объединения нескольких организаций либерально-демократического, кадетского толка. Следует отметить, что каждая партия, по мере сил и возможностей, пыталась создать собственную сеть общественных организаций и клубов, стремилась привлечь на свою сторону богатых, влиятельных и авторитетных соотечественников. Несмотря на сильную конкуренцию между политическими партиями, их представители сотрудничали друг с другом по ряду ключевых вопросов, имеющих жизненно важное значение для армян. Еврейские политические партии, возникшие в конце XIX – начале XX веков также были весьма разнообразными, варьируясь от поддержки российского революционного народничества (как созданная в 1897г. партия «Бунд») до идеологии религиозно-сионистского возрождения на земле Палестины/Эрец-Исраэль (как основанная в 1901г. «Мизрахи»). При этом созданные евреями в Палестине/Эрец-Исраэль и в странах диаспоры в первом – втором десятилетии XX века политические организации были столь активны в сферах, обычно не вовлеченных в орбиту партийной политики (здравоохранение, система образования, вооруженные отряды борцов за независимость и т.д.), что Израиль позднее называли «государством партий».

Как отмечалось выше, на протяжении столетий армянский народ не имел собственной государственности. При этом важно подчеркнуть, что понятие родной земли у армян начала XX века носит скорее сакральный, мифологический, чем реальный характер. Значение родины у армян было близко, в некотором смысле, к статусу Иерусалима и Эрец-Исраэль у ортодоксальных евреев. Даже такие партии, как «Дашнакцутюн», в начале своей деятельности, считали, что возрождение армянской государственности – процесс крайне длительный, и в качестве задачи номер один видели достижение национально-культурной автономии. Аналогичной была программа т.н. «духовного сионизма», выдвинутая Ахад Ха'амом, считавшим требования скорейшего создания национального государства утопическими, видя главную цель в формировании в Палестине/Эрец-Исраэль центра национальной культуры. Боевые армянские организации на территории Турции действительно существовали, однако, по сути, являлись

отрядами самообороны, защищавшими армянское население от постоянных нападений турецких банд. В некоторой степени аналогом таких отрядов являлись боевые формирования Хаганы в подмандатной Палестине и даже организованные после кишиневского погрома 1903г. группы «Бунда» и «Поалей-Цион».

При всем сходстве событий в истории еврейского и армянского народов – насильственные изгнания, имевшие одинаковые последствия в виде рассеяния вне родины и одинаковое их отражение в сознании (например, повышенная виктимность) и языке, – есть и одно важное различие: отсутствие в период до воссоздания Государства Израиль какого-либо иного государственного образования, в то время как, начиная с 1918г., на части территории бывшей Восточной Армении последовательно существовали первая, вторая (советская), а ныне и третья Республика Армения. В данном случае вопрос этот важен и потому, что сам факт проживания армянского народа (безотносительно его численности) на своей родине – в государстве, обладавшем в различные периоды разной степенью суверенитета, казалось бы, противоречит некоторым критериям выделения армян, как диаспорального меньшинства [6, с. 22].

Поворотными моментами в истории двух народов, предопределившими весь ход их дальнейшего исторического развития в XXв., стали Геноцид армян 1915г. и Холокост. С самого начала Первой мировой войны османское правительство приступило к осуществлению разработанной им и отчасти апробированной в предшествующие годы программы полного уничтожения армян Турции как наиболее эффективного способа достижения своих политических, экономических и других целей [7, р. 18]. Началом Геноцида стало уничтожение уже в феврале 1915г. всех армян, призванных по случаю войны в турецкую армию, а 24 апреля и в последующие дни в Константинополе и в других городах Западной Армении были арестованы, высланы вглубь Анатолии и убиты еще в пути более 800 видных представителей армянской интеллигенции. В мае 1915г. уже по всей территории Турции началась массовая депортация, в ходе которой, а затем и в концентрационных лагерях в пустынях Месопотамии и Сирии, было умышленно около полутора миллиона армян.

Очевидно, что сравнение данных событий с этническими чистками армян в предыдущий исторический период делает очевидным принципиальные различия между ними. В то же время не менее очевидно сходство Геноцида армян с Холокостом европейского еврейства в период Второй мировой войны. В ходе Холокоста (в основном, в 1942-1945гг.) были убиты шесть миллионов евреев, причем речь шла именно о планомерной попытке уничтожения нацистами всего еврейского населения не только в самой Германии, но и во всех поработенных ими странах.

Для самих этих народов геноцид и изгнание означали национальную катастрофу, приведшую к нарушению естественного хода их исторического развития. При этом представляется целесообразным сравнить геноцид армян и с другим трагическим событием в истории еврейского народа – исходом из Палестины в Ив. н.э. Свидетельством осознания самими народами исключительности происшедшего служит факт обозначения его соответствующими терминами. Так, термин *галут*, употребляемый в самых разных еврейских общинах мира, говорящих на разных языках, имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. Он традиционно означает еще и «тяжелую, мучительную жизнь», и «рабское положение»... Изначальное значение термина *галут* [«изгнание»] отражает представления самих евреев о диаспоре как о насильственном и трагическом событии. Тот же термин *галут*, заимствованный из арамейского языка, издавна применялся в армянском языке для обозначения армянского зарубежья, армян-эмигрантов и т.д. Необходимость в подобном термине должна была появиться только после событий 1915г. И уже начиная с середины 1920-х гг. в различных зарубежных армянских изданиях для обозначения новой исторической реальности начинает применяться термин *спуирк* [спюрк], этимологически восходящий к термину «диаспора».

Сходство событий в истории еврейского и армянского народов – геноцид и насильственное изгнание, имевшие одинаковые последствия в виде рассеяния вне родины и одинаковое их отражение в сознании и языке дают основания считать, что сравнение еврейского и армянского общественно-политического опыта не только возможно, но и оправданно.

При всем сходстве средств, направленных на поддержание этнокультурной идентичности у еврейского и армянского меньшинств, все они носили выражено политизированный характер, обусловленный обстоятельствами образования диаспор. В этом смысле история армянского рассеяния неразрывно связана с постоянной работой, направленной на признание мировым сообществом, и прежде всего Турцией, факта Геноцида армян в Османской империи, их права вернуться на свою историческую родину и воссоздать там суверенную государственность. Как известно, сходным целям (и успешно!) следовал сионизм, самое мощное политическое течение внутри еврейства в XX веке.

Один из ключевых элементов жизни в диаспоре – связь с родиной (в случае еврейского рассеяния – с Государством Израиль). Наряду с евреями, и другие диаспоральные сообщества – китайцы, кубинцы, индийцы – поддерживают контакты со страной исхода. В этом отношении они вполне сравнимы с еврейской диаспорой. Однако ни одна из перечисленных групп не пребывала под гнетом постоянного страха не только за судьбу своей родины, но и за саму

жизнь сотен тысяч и даже миллионов своих соплеменников. Да, поляки и албанцы прошли через утрату независимости своей страны, но их братья по крови оставались целы и невредимы. Между 1795 и 1918 годами и даже в более трагический период 1939-1944гг., когда Польша перестала существовать как суверенное государство, жизни большинства поляков ничего не угрожало. Напротив, евреи в эти годы повсеместно уничтожались исключительно в связи с фактом их национального происхождения. После 1948г. вновь созданное еврейское государство оказалось в состоянии перманентного конфликта с арабскими странами. Этот конфликт не урегулирован по сей день и продолжает оказывать определяющее влияние практически на все стороны израильской общественной жизни, являясь постоянным поводом для беспокойства евреев в диаспоре.

Данная ситуация вполне сравнима с историей армянского рассеяния. После падения Киликийского королевства и окончательной утраты государственности в 1375г., армяне становились объектом периодических вспышек враждебности и были вынуждены менять место жительства. Обретение Арменией независимости в 1991г. было ознаменовано кровавым конфликтом в Нагорном Карабахе и резким ухудшением отношений с соседними странами (как с Азербайджаном, так и с Турцией). В данных обстоятельствах армянская диаспора (особенно во Франции и в США) приложила немало усилий для решения этих проблем на международном уровне, что вполне сравнимо с усилиями еврейской общины США по лоббированию национальных интересов Израиля в Конгрессе. В силу причин, речь о которых шла выше, и евреи, и армяне в рассеянии являются носителями своеобразного национализма, связанного с родиной (как, например, многие кубинцы – противники режима Ф.Кастро), чего не скажешь о китайцах и афро-американцах [8, с. 112]. Говоря иначе, у последних нет никакой специальной политической повестки дня, касающейся родины, как, например, у живущих в США поляков и ирландцев (хотя, возможно, кто-то из членов польской диаспоры проявлял активность, пытаясь помочь восстановлению польской государственности в 1918г., а ирландской – поддерживал ИРА). У всех этих диаспор нет оснований беспокоиться о территориальной основе существования их родины. Да, после распада СССР на карте мира появилась независимая Армения, а с 1948г. существует Государство Израиль. Однако интересы евреев и армян на их собственных территориях могут с легкостью предать ради ближневосточной или каспийской нефти. Члены обоих сообществ не торопятся возвращаться на родину, поскольку не уверены в ее безопасности и стабильности. Отсюда продолжающаяся эмиграция евреев из Израиля (*йерида*) – более 600 тысяч человек уехали с момента основания государства, а также армян из Армении, которая потеряла таким образом свыше четверти своего населения. В

настоящее время около 60% евреев мира проживают за пределами Государства Израиль (на данный момент в мире насчитывается примерно тринадцать миллионов евреев, из них 5,7 миллиона проживают в Израиле [9, сс. 59-60]). Аналогичным образом, приблизительно две трети из десяти миллионов армян проживают за пределами Республики Армения.

Отмечая схожесть еврейской и армянской диаспор в конструировании взаимоотношений со странами исхода, нельзя не обратить внимание на одну из характерных черт, присущих лишь еврейскому рассеянию. Речь идет о взаимозависимости родины и диаспоры. Еврейская диаспора рассматривает Израиль как хранилище аутентичной (то есть древнееврейской) культуры, и последний, в лице своих политических и образовательных структур, старается оправдать эти ожидания [10, с. 115]. В свою очередь, Израиль видит в диаспоре источник экономической и политической помощи. Точно так же большие надежды связываются в Армении с соплеменниками, проживающими в США, Франции и других странах. Однако армянская диаспора вряд ли может рассчитывать на серьезную культурную «подпитку» со стороны родины. В данном случае дают о себе знать культурные и лингвистические различия между армянами диаспоры – потомками выходцев из Западной Армении и т.н. *хайстанскими* армянами, жителями современной Армении, территория которой исторически всегда являлась составной частью Восточной Армении. Аналогично и между евреями Израиля и общинами диаспоры существуют в настоящее время существенные противоречия. Достаточно сказать, что только в Израиле языком повседневного общения и культуры является иврит, в то время как во всех странах диаспоры светская еврейская национальная жизнь протекает на других языках.

При сравнении армянской и еврейской диаспор представляется интересным и такой примечательный факт, как «внетерриториальность» символов, имеющих сакральное значение для обоих народов. Так, большая часть армян считает своей «исторической Родиной» территории, входящие ныне в состав Турции, а не собственно Республику Армения. Подобно тому, как святая для армян гора Арарат находится за пределами современной Армении, и место дарования Торы (гора Синай), и могила Моисея (гора Небо) находятся за пределами Израиля – соответственно, в Египте и Иордании. Значит ли это, что эти святые для национального сознания армян и евреев места находятся и за пределами их «духовных Родин»? Представляется, что нет [11, сс. 20-21].

Важным в контексте рассматриваемой темы является вопрос о взаимоотношениях Израиля и Армении в конце XX – начале XXI вв. На протяжении всех 1990-х годов армяно-израильские отношения оставались в зачаточном состоянии. Первая серьезная попытка установить контакты с Иерусалимом была

предпринята Ереваном в мае 1999г. Тогда в армянской столице состоялся первый раунд переговоров представителей внешнеполитических ведомств двух стран. Это событие вызвало чрезвычайное раздражение Анкары и Тегерана. Несмотря на реакцию иранских партнеров, в январе 2000г. армянский президент впервые посетил еврейское государство. В рамках визита состоялись рабочие встречи Роберта Кочаряна с руководителями исполнительной и законодательной ветвей власти Израиля. Однако далее развитие двусторонних отношений было прервано интифадой «Аль-Акса», начавшейся осенью того же года. Освещение событий в зоне конфликта армянскими масс-медиа нередко носило откровенно антиизраильский характер. Это происходило как благодаря усилиям проиранского лобби в деловых кругах республики, так и вследствие действий израильских войск в районах расположения объектов армянской церкви на Западном берегу реки Иордан¹. В ноябре 2002г. Израиль посетил заместитель министра иностранных дел Республики Армения Рубен Шугарян. В следующем году, общаясь с российскими журналистами, он заявил: «Есть проблемы, которые нас время от времени озадачивают, в особенности, касающиеся отношений Израиля с Турцией. Но мы ведем с Израилем политический диалог и имеем возможность поднимать все наболевшие вопросы»². В мае 2005г. Иерусалим посетила крупнейшая в истории двусторонних контактов армянская делегация численностью почти восемьдесят человек. Среди них выделялись: Католикос всех армян Гарегин II, председатель Всемирного армянского конгресса Ара Абрамян, министр обороны Армении Серж Саркисян, глава Центрального банка Тигран Саркисян, ряд высокопоставленных дипломатов и крупных бизнесменов. По итогам визита Католикос провозгласил «начало новой эры отношений между евреями и армянами»³. В ноябре 2005г. по приглашению Католикоса в Ереван прибыл главный раввин Израиля Йона Мецгер. Он посетил мемориал памяти жертв Геноцида армян в Османской империи и встретился с премьер-министром Армении Андраником Маргаряном. Поблагодарив за теплый прием, Йона Мецгер отметил общность судеб армянского и еврейского народов. Согласившись с точкой зрения А.Маргаряна о том, что в Армении нет проявлений антисемитизма, Й.Мецгер выразил уверенность в том, что как армянская община в Израиле, так и еврейская община в Армении продолжают жить в мире и согласии, содействуя дальнейшему укреплению сотрудничества между народами и государствами⁴. В январе 2006года, впервые в истории двусторонних отношений, самолет авиакомпании *Armenian Air Lines* приземлился в израильском аэ-

¹ См. *Сами Розен, Армения и Израиль бросают вызов Ирану и Турции*. Статья размещена на сайте www.axisnews.ru 20 января 2006г. Интернет-сайт: <http://www.axisglobe-ru.com/article.asp?article=108>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Официальная информация сайта правительства Республики Армения от 22 ноября 2005г. Интернет-сайт: http://www.gov.am/ruversion/information_centre.8/official_news_ru.php?date=32603200.

ропорту «Бен-Гурион». Появление самолета армянской авиакомпании в центральном израильском аэропорту имело куда большее политическое, нежели экономическое значение. Это событие стало результатом постепенного потепления в отношениях Армении и Израиля.

Одной из важнейших особенностей политического существования Армении и Израиля как независимых государств в XX – начале XXI вв. является наличие враждебного геополитического окружения. Так, на протяжении всего периода после провозглашения независимости в 1991г. и до настоящего времени Турция проводила последовательный курс поддержки Азербайджана в его противостоянии с Ереваном (как военном – в период с 1991 по 1994гг., так и дипломатическом – с 1994г. до настоящего момента). В 1993г. армяно-турецкая граница была закрыта из-за конфликта вокруг Нагорного Карабаха. При этом Анкара и по сей день отказывается признать факт Геноцида армян в Османской империи в 1915г. (даже несмотря на официальную позицию большинства стран Европы и ряда международных организаций по данному вопросу). Несмотря на это, в последние несколько месяцев активизировались армяно-турецкие контакты на официальном уровне. 6 сентября 2008г. президент Турции Абдулла Гюль впервые посетил Ереван по приглашению президента Армении Сержа Саргсяна для совместного просмотра футбольного матча между сборными Армении и Турции в рамках отборочного цикла чемпионата мира 2010г. Там же состоялась встреча глав двух соседних государств, что в Турции назвали «историческим событием». Этот визит получил название «футбольной дипломатии» и широко освещался в мировой прессе. 23 апреля 2009г. министерства иностранных дел Армении и Турции, а также департамент иностранных дел Швейцарской Конфедерации заявили об установлении «дорожной карты» в переговорном процессе по нормализации армяно-турецких отношений. Следствием «футбольной дипломатии», проводившейся при посредничестве дипломатических представительств США и России, стало подписание 11 октября 2009г. так называемых «Цюрихских соглашений». Главы МИД Армении и Турции Эдвард Налбандян и Ахмет Давутоглу в университете Цюриха подписали «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений». Документы после подписания должны быть одобрены парламентами двух стран. При этом следует отметить, что Турция сделала существенно менее значительные шаги в сторону Армении, чем, например, в свое время Германия в сторону Израиля. В 1952г. тогдашний канцлер ФРГ, выступая в Бундестаге, публично признал ответственность Германии за Холокост, выразив готовность выплатить как Израилю, так и международным еврейским организациям щедрые репарации, причем всевозможные выплаты растянулись на

несколько десятилетий. К сожалению, на публичное покаяние Турция на сегодняшний день так и не отважилась.

Остается надеяться, что постепенный процесс нормализации отношений Израиля и Армении с соседними странами откроет большие перспективы для мирного сосуществования и сотрудничества между ними. Очевидно, что решение обоих «вопросов» (армянского и еврейского) найдется лишь в результате дальнейшего глубокого и сложного взаимного переосмысления обеих национальных идей в их неразрывной связи с трагическим опытом истории XXв.

Ноябрь, 2009г.

Источники и литература

1. *Марсель Дюбуа*, Церковь и евреи // «Евреи и XX век» под ред. Эли Барнави и Саула Фридлендера, Москва: издательство «Текст», 2004г.
2. *Никогайос Адонц*, Политические течения в древней Армении, Париж, 1948г. (на армянском языке).
3. *Магакия Орманян*, Армянская церковь. Ее история, учение, управление, внутренний строй, литургия, литература, ее настоящее. Москва, 1993г.
4. *Yair Oron*, The Banality of Indifference. Jerusalem, The Jerusalem Institute for Israel Studies, 1999.
5. *Рубен Хуршудян*, Партия «Гнчак» в период Великого Октября // «Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне». Москва, 1980г.
6. *Эдуард Мелконян*, Диаспора в системе этнических меньшинств // «Диаспоры», Москва, № 1-2, 2000г.
7. *Dadrian V. N.*, The History of the Armenian Genocide. Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia and to the Caucasus. Providence – Oxford, Berghahn Books, 1995.
8. *Уильям Сафран*, Сравнительный анализ диаспор // «Диаспоры», Москва, №1, 2005г.
9. *Джордж Стейнберг*, Исследование еврейской демографии: через тридцать лет большинство евреев будут жить в Израиле // *ИТА*, 13 февраля 2002 года; переведена на русский язык в книге: «Герцль: личность и деятельность. Сионистская мечта и ее воплощение». Под ред. М. Плэна. Иерусалим, 2004г.
10. *Уильям Сафран*, Сравнительный анализ диаспор // «Диаспоры» (Москва), №4, 2004г.
11. *Алек Эпштейн и Дмитрий Саноян*, Родины слышат, Родины знают? Штрихи к портрету «человека диаспоры» // «Вести» – общественно-политическое приложение (Израиль), 12 мая 2005г.

**ARMENIANS AND JEWS IN THE 20TH AND AT THE
BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES:
PARALLELS OF POLITICAL FORTUNES**

Dmintri Sanoyan, Alek D. Epstein

Resume

The phenomenon of the revival of the Jewish and Armenian statehood after the centuries of the political oblivion attracts the increasing attention and interest of the historians, ethnographers, political scientists and specialist from the other fields of humanities. It should be mentioned that the commonalities of those two nations are not reduced to the revival of the political sovereignty in the 20th century; there are many common features in history, religion and politics. This article is an attempt to reveal and compare the main “vectors” of the political fortune of the Jews and Armenians in 20th and at the beginning of the 21st centuries.

КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАЦИЙ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА ДОСТИЖЕНИИ ЭФФЕКТОВ

Рачья Арзуманян

В статье рассматривается одно из значимых явлений западной военной мысли – концепция ОБДЭ. Она исходит из того, что при планировании и проведении военных операций и кампаний необходимо фокусироваться скорее на оказании влияния на поведение противника, нежели только разгроме его вооруженных сил, и претендует на то, чтобы стать фреймом, в рамках которого достигается максимум эффективности инструментов национальной мощи по достижению стратегических целей нации. Это позволяет говорить о необходимости более внимательного и подробного рассмотрения концепции в рамках этой и последующих работ.

1. Эволюция и развитие концепции ОБДЭ

Концепция «операции, базирующиеся на достижение эффектов (ОБДЭ)» (*effects-based operations*) описывает влиятельное и многогранное явление западной военной мысли. В настоящее время имеется множество трактовок и интерпретаций ОБДЭ, что отражает сложность процессов, которые призвана отразить данная концепция. Сама идея, лежащая в основании ОБДЭ, достаточно проста. Концепция ОБДЭ исходит из того, что при планировании и проведении военных операций и кампаний необходимо фокусироваться скорее на оказании влияния на поведение противника, нежели только разгроме его вооруженных сил. Какие последствия и эффекты окажут наши действия и шаги на противника, союзников и нейтральных наблюдателей? Как они воспримут те или иные шаги не только на военной, но и других аренах. Такая постановка проблемы требует от военного руководства чего-то большего, чем одержание военной победы. В концепции ОБДЭ военная кампания и физический разгром противника становятся только одним из возможных методов и инструментов достижения цели любой войны – принудить противника следовать определенному курсу действий в рамках реализуемой нами политики [55, pp. 103-104].

Таким образом, концепция ОБДЭ явно выходит за рамки тактики и требует стратегического мышления, способности мыслить не только театром воен-

ных действий, военной кампании, но всеми аренами, на которых разворачивается противостояние. Такой подход, безусловно, является вызовом и требует изменений в западном военном мышлении. Согласно Институту военного анализа (*Institute for Defense Analyses (IDA)*), мышление, ориентированное на планирование и проведение ОБДЭ (БДЭ-мышление) [29, р. 6] предполагает в числе прочего понимание важности соединения оперативных и стратегических результатов боевых действий с прочими элементами национальной мощи – политической, информационной, экономической¹. Это требует непрерывной оценки тех эффектов, которые оказывают наши действия, и, при необходимости, адаптации планов и действий для приведения их в соответствие с реальностью разворачивающегося конфликта. Такое понимание возможно, если командующий обладает стратегическим видением и в состоянии ясно и четко представлять, какие эффекты он должен обеспечить и при помощи каких средств, что предполагает взаимопонимание между лицами, принимающими политические и стратегические решения (высшее руководство страны) и военными [1, р. 23]. Это, в свою очередь, требует создания общего пространства терминов, понятий, смыслов – того языка, на котором говорят и понимают друг друга все элементы национальной мощи нации. Концепция ОБДЭ претендует на разработку такого общего универсального языка.

Тем самым ОБДЭ является скорее типом военного мышления, нежели новой формой войны, предполагающей способность мыслить категориями сферы национальной безопасности, и, следовательно, требует выхода за пределы военной сферы [14, р. 34]. БДЭ-мышление не является чем-то новым, и успешные военачальники всех времен всегда выходили за пределы военной кампании, стараясь, в том числе, постигнуть противника, оценить и принять во внимание его намерения. Ответственный командующий никогда не позволит себе планирование и проведение операций, опирающихся на надежду и веру в то или иное поведение противника, но не его знание [29, pp. 17-18]. Аналогичный подход к военному искусству мы находим у классиков стратегической мысли Сунь-Цзы, Клаузевица, которые считали, что гораздо важнее сфокусироваться на оказании влияния, оформлении мышления и поведения противника, нежели только на разгроме его сил. Они прекрасно понимали, что важным является не тактический уровень войны, но стратегический. Военное искусство заключается не только и не столько в том, чтобы уничтожить физические возможности

¹ Современная военная доктрина США различает четыре категории мощи, имеющиеся в распоряжении нации: дипломатическую, информационную, военную и экономическую (часто используется аббревиатура *DIME* (*diplomatic, informational, military, and economic power*). До последнего времени в качестве отдельной категории использовалась и социально/психологическая мощь, а также политическая, которые объединены в настоящее время с информационной и дипломатической, что не совсем правомерно. См. [4, р. 84].

противника вести боевые действия, но заставить его следовать желательному для нас курсу действий. Тем не менее, такой подход к войне является редкостью, и современное западное военное мышление остается ориентированным на цели и физическое уничтожение противника [74, pp. 35-77]. Концепция ОБДЭ претендует на иное, более широкое видение.

Как уже отмечалось, на сегодняшний день существует множество трактовок концепции ОБДЭ. В такой ситуации рассмотрение концепции целесообразно начать с истории ее эволюции, что, помимо всего прочего, позволит показать, что идеи, лежащие в основе ОБДЭ не новы [51, p. 10]. Историки и военные теоретики могут легко показать, что эффективная война на протяжении всей истории так или иначе использовала основные принципы ОБДЭ. «Однако подходы к боевым действиям, базирующиеся на эффектах, применялись в истории только спорадически, и в силу множества причин приводили к непоследовательному успеху» [59, p. 1].

Принципы ОБДЭ в мировой военной истории и наследии военной мысли

Одна из первых ОБДЭ, отраженных в истории, была проведена фараоном Тутмосом III во 2 тысячелетии до н.э., результатом которой стала стремительная победа над численно превосходящей коалицией ханаанитян. «Стратегическая цель» фараона заключалась в обеспечении полного контроля над Египтом и расширении его территориальных владений, «операционная» – в разрушении армий восставших царей Ханаана, возглавляемых царем Кадеша и поддерживаемых Митаннией. Во время сражения под Мегиддо в 1454г. до н.э. Тутмос III использовал комбинацию военных рейдов, информационных операций и военного обмана, позволивших ему достичь поставленных целей.

Армия коалиции заняла высоты вокруг крепости Мегиддо, контролировавшей три главных караванных пути, ведущих в Малую Азию и Месопотамию. Тутмос III послал в восставшие города письма, призванные вызвать в них панику, и развернул свою армию таким образом, чтобы получить позиционное преимущество и пресекать маневры ханаанитян, стремящихся получить контроль над караванными путями. Чтобы поднять боевой дух своей неопытной армии и вызвать панику у ханаанитян, Тутмос III перед генеральным сражением и на виду врага провел парад с полной парадной выправкой. Коалиция ханаанитян оказалась не готова к такой стратегии и методам войны. Ее быстрая и хорошо организованная атака была отбита, и войска были вынуждены бежать в город. Армия Тутмоса в течение семи месяцев осаждала Мегиддо и, в конечном счете, захватила его и руководителей восстания [1, pp. 10-11].

Одно из требований фараона к покоренным царям заключалось в том, чтобы каждый из побежденных правителей на время отправил к египетскому двору одного из своих сыновей для получения образования, знакомства с египетскими обычаями и традициями. Конечным эффектом кампании стали стабильность и спокойствие северных провинций Египта во время всего периода правления Тутмоса III. Египет усилился, его границы «расширились на севере до Сирии и на востоке до Евфрата», и он «пробудил страх в Хеттской и Вавилонской империях», что создало условия для последующего их поражения [9, р. 10].

Начиная с военных кампаний, проводимых Тутмосом III, одаренные полководцы, с тем или иным успехом, пытались придерживаться подхода, базирующегося на достижении эффектов (БДЭ-подхода), когда военные цели подчиняются задаче достижения желаемых политических результатов. В военной истории можно найти примеры как блестящих побед, так и полных поражений и крайней неэффективности ОБДЭ. Именно поэтому выстраивание концепции ОБДЭ с опорой на историческую науку сопряжено с объективными трудностями. История не в состоянии обеспечить понимание закономерностей проведения такого рода операций, что вынуждает при рассмотрении эволюции ОБДЭ обратиться непосредственно к наследию стратегической военной мысли, в частности Клаузевицу. В своей работе «На войне» Клаузевиц говорит: «Даже конечная цель наших войн – политическая цель – не всегда бывает совершенно проста; но хотя бы она и была простой, действие остается связанным с таким множеством условий и соображений, что цель не может быть достигнута посредством одного большого акта, но достигается лишь рядом более или менее крупных и мелких актов, соединенных в одно целое. Каждый из этих отдельных актов есть, следовательно, часть целого, имеющая поэтому свою особую цель; при посредстве последней она и связывается с этим целым» [77, р. 318].

Очевидно, что реализация такой формы ведения войны, является более чем сложной, так как требует оркестровки и гармонизации всех элементов национальной мощи перед лицом сложного противника, обладающего способностью адаптироваться к предпринимаемым действиям. Армии и нация, способная вести такую войну должна уметь проводить быстрые оценки действий и эффектов, которые они вызывают, – все те проблемы, которые мы видим при рассмотрении концепции ОБДЭ [1, р. 15].

Развитие принципов ОБДЭ в начале XX века

Самыми ранними защитниками БДЭ-подхода начала XX века являются итальянский военный теоретик генерал Джулио Дуэ (*Giulio Douhet*) и американский генерал ВВС Уильям Митчелл (*William Mitchell*), которого называют отцом ВВС США [47, pp. 27-33].

Генерал Дуэ развил свою теорию широкого применения ВВС на фоне безвыходного положения на фронтах Первой мировой войны и тупиковости войны на истощение (*attrition warfare*). В своей работе «Командование воздухом» [25] в 1921г. Дуэ апеллировал к ряду простых и ясных доводов и суждений:

1. современная война не позволяет провести различие между военными и гражданским населением;
2. успешные наступления сухопутными силами более невозможны;
3. преимущества скорости и высоты на трехмерной арене воздушной войны лишают возможности принимать защитные меры против наступательной воздушной стратегии;
4. следовательно, нация должна быть готова к началу массивных бомбардировок вражеских центров населения, правительства и промышленности – ударить первыми и ударить сильно, чтобы разрушить дух гражданского населения противника, не оставляя правительству противника никакого другого выбора, кроме как просить мира;
5. чтобы этого добиться, в первую очередь необходимы независимые воздушные силы, вооруженные бомбардировщиками дальнего действия, находящимися в постоянной боевой готовности [38, р. 630].

Дуэ писал: «Людам, которых бомбят сегодня, поскольку их бомбили вчера, и которые знают, что их снова будут бомбить завтра и нет конца их мучениям, в конце концов воззовут к миру» [25, р. 276], и «...не может произойти полного разрушения социальной структуры страны, подвергшейся такому безжалостному уничтожению с воздуха. Довольно скоро наступит время, когда, чтобы положить конец ужасу и страданиям, сам народ, ведомый инстинктом самосохранения, восстанет и потребует положить конец войне – еще до того, как армия и флот смогут полностью отомобилизоваться!» [25, р. 58].

В США наиболее ранним и горячим сторонником ВВС стал Уильям Митчелл, адаптировавший взгляды Дуэ к американским условиям. Митчелл один из первых понял, что авиация несет с собой революционные изменения и новые возможности, которые фундаментальным образом изменят формы войны и будущие военные кампании.

«Пришествие ВВС, которые могут прямо достичь жизненных центров и полностью нейтрализовать или разрушить их, придали совершенно новый характер старой системе проведения войны. Теперь уже стало реальностью то, что уже развернутые основные силы противника, являются ложной целью, и реальными целями являются жизненные центры. Старая теория, когда победа означает разрушение основных сил противника, уже несостоятельна» [41, р. 255].

Как и Дуэ, Митчелл говорил о тотальной войне будущего, которая будет

охватывать всю нацию. Во время войны атакам будут подвергаться «все жизненно важные цели враждебной нации, позволяющие ей вести войну, включая, как гражданские (города, аграрная, производственная, транспортная инфраструктуры), так и военные (авиационные заводы, военные учебные заведения, военное производство, средства коммуникации, нефтяная промышленность и производство ГСМ)» [42, pp. 10, 126-127].

Как и Дуэ, Митчелл верил, что задача ВВС в будущей войне заключается в обеспечении господства в воздухе, которое должно стать прелюдией любых сухопутных или морских операций. Если оно будет потеряно, то противник сможет диктовать условия мира «в любом месте территории США, где только пожелает» [40, pp. xix, xxi]. Как следствие, Митчелл делает вывод, что ВВС должны доминировать над сухопутными и военно-морскими силами и иметь статус отдельного рода войск со своей централизованной системой командования и управления. Независимость ВВС представлялась Митчеллу ключевым элементом эффективности воздушных сил в будущих войнах – «централизованная координация всех воздушных возможностей автономным командованием воздушных сил, освобожденным от своей зависимости от армии. Он чувствовал, – если бы эта цель могла бы быть достигнута, все остальное встало бы на свои места» [37, p. 631].

Таким образом, военные теории генералов Дуэ и Митчелла, делающие акцент на проводимые независимыми ВВС стратегические атаки, призванные сломить волю к борьбе противника, – идеи, которые до сих пор являются элементами действующей доктрины ВВС США [60], – позволяют рассматривать их как основоположников БДЭ-подхода в XX веке. Творчество генералов недвусмысленно показывает, что принципы БДЭ-подхода нельзя связывать только с технологическими прорывами конца XX и начала XXI века [15, pp. 76-77].

Развитие и применение принципов ОБДЭ до и во время Второй мировой войны

Довоенный этап

Дальнейшее развитие идей генералов Дуэ и Митчелла происходит незадолго до начала Второй мировой войны в рамках школы тактической подготовки авиации сухопутных войск США (*Air Corps Tactical School (ACTS)*), осуществивших «тонкое, но очень важное изменение доктрины Дуэ и Митчелла. Последние защищали разрушение заводов и промышленных центров и центров населения. Школа же предпочитала разрушение или паралич национальных

органических систем, от которых зависят множество заводов и большое количество населения...» [32, р. 12].

Речь идет о теориях стратегических воздушных кампаний и «промышленной сети» (*industrial web*) или ключевых промышленных звеньев, оказавших большое влияние на воздушные кампании США во время Второй мировой войны, которые можно рассматривать в качестве прообразов ОБДЭ. Преподаватели школы тактической подготовки рассматривали национальную экономику в виде взаимодействующих между собой секторов, связанных друг с другом транспортными и прочими сетями, в совокупности формирующими общую национальную сеть экономики. Предполагалось, что в данной сети существуют узкие места (горловины), удар по которым приведет к ее распаду и, следовательно, неизбежному параличу экономики.

«...современная война ведет к огромной нагрузке на экономическую систему нации, что увеличивает ее чувствительность к атаке магистрали (манифолди – *manifold*). Несомненно, выход из строя какой-либо части этой сложной взаимосвязанной организации должен серьезно повлиять на способность нации проводить войну и наносить существенный вред социальному благополучию и морали его граждан» [27, pp. 8-9].

Горловины имеют специфические характеристики, – они критически важны для других секторов экономики. Их тяжело заменить или восстановить, а разрушение приводит к параличу или коллапсу всей индустрии. Тем самым разрушение сетей противника рассматривалось как первоочередная цель войны: «Вследствие этого принимается, что современные индустриальные нации чувствительны к поражению от появления разрывов в этой сети, которая построена, чтобы сделать возможной зависимость одного сектора от многих или всех других секторов. Более того, осуществление таких разрывов является первоочередной задачей военно-воздушных сил. Возможно, что наступающий вследствие разрушения этой плотно связанной сети моральный коллапс будет достаточен, но с данной сетью тесно связана и промышленная структура, которая абсолютно необходима для современной войны» [2, р. 3].

Особый статус имеют электрические и транспортные сети – два наиболее важных сектора, паралич которых должен ударить как по социальному климату в обществе, так и военно-промышленному комплексу нации. Таким образом, доктрина школы тактической подготовки авиации сухопутных войск США исходила из того, что разрушение сетей будет приводить не только к параличу военно-промышленного комплекса противника, но и к деморализации гражданского населения, вынуждая его капитулировать.

Опыт нацистской Германии

Попытки реализации вооруженной борьбы на принципах, которые сегодня могли бы быть отнесены к ОБДЭ, предпринимались и нацистской Германией. Чтобы выиграть «Сражение за Атлантику»¹, Германия должна была выявлять и поражать критические точки в обороне Великобритании, стараясь при этом сохранить нейтралитет США. Это означало:

- координированную разведывательную кампанию, позволяющую выявлять точки скопления материальных и человеческих ресурсов, по которым наносились бы удары;
- скоординированные и сбалансированные воздушные и морские (минные) кампании, охватывающие территорию Великобритании и ее воды;
- точно сбалансированную морскую кампанию в международных водах, позволяющую сохранить нейтралитет США;
- развертывание соответствующей политической кампании, которая сделала бы невозможной или минимизировала бы помощь со стороны США [3, pp. 78-79].

Реализация такой стратегии требовала не только оценки непосредственно военного ущерба, но и точных политических, дипломатических и экономических оценок «эффекта» предпринимаемых шагов и усилий, что позволило бы наиболее продуктивным образом определять последующие шаги политического руководства нацистской Германии. Чтобы обеспечить такие оценки, необходимо было не только сведение воедино большой стратегии, стратегического, операционного и тактического уровней ведения войны, но и политического, дипломатического, экономического и пр. уровней активности германского государства. Только при таком подходе можно было сократить время принятия эффективных решений, которые, в конечном счете, помогли бы переиграть Великобританию [3, p. 79].

Иногда предполагается, что немцы имели худшую организацию сбора разведанных и систему анализа, нежели Великобритания. Однако факты говорят о том, что Германия имела превосходство практически во всех сферах военного дела: операционном искусстве, тактике, подготовке личного состава, военном производстве, системах вооружения и пр., и Черчилль знал об этом. Единственное преимущество, которым обладала Великобритания, была гибкость и креативность британского правительства, его способность создавать самоорганизующие-

¹ Термин, введенный в оборот Уинстоном Черчиллем в 1941г. для описания серии сложных военных и гражданских кампаний, распределенных во времени и пространстве. См. [52, pp. 122-127; 16].

ся структуры оргкомитетов, позволяющие оркестрировать проведение войны на всех ее уровнях [3, pp. 79-87]. В то же время сама структура и отправление власти в нацистской Германии исключала такой всеобъемлющий подход, что сводило на нет вероятность одержания победы в «Сражении за Атлантику».

Опыт западных союзников по антигитлеровской коалиции

Теория промышленных сетей школы тактической подготовки авиации сухопутных войск США, во многом благодаря усилиям военных летчиков и аналитиков, прошедших данную школу, легла в основу воздушных кампаний западных союзников во Второй мировой войне. Немецкая экономика была разделена на ряд секторов: электроэнергетика, производство стали, ГСМ, авиационная промышленность, транспорт, цветная металлургия, машиностроение, пищевая промышленность, – изучение которых позволило выделить цели воздушных атак и объемы бомбометания [31, pp. 49-51]. Также была определена приоритетность целей, которая выглядела следующим образом:

- ВВС Германии, включая авиационные, алюминиевые, магниевые и двигателестроительные заводы;
- Электроэнергетика, включая электростанции и подстанции;
- Транспорт, с основным фокусом на железнодорожный и водный;
- ГСМ, включая нефтеперерабатывающие заводы и заводы по производству синтетического горючего;
- Моральный дух немецкого народа [31, pp. 49-51].

Далее планировщиками¹ была выделена сеть взаимосвязей: «Множество факторов формировали жизненные связи в германской индустриальной и военной мощи. Важнейшим вопросом являлось то, какие из связей наиболее важны? И какие из них наиболее уязвимы для воздушных атак? Какие связи внутри данной категории наиболее трудно заменить, или они «тяжелы» для рассредоточения или перемещения под землю? Каждая связь в цепи имела свои пересекающиеся связи, и поиск мог проводиться как для одного или множества ключевых точек, так и всей структуры» [31, p. 79].

Мансур Олсон (*Mancur Olson*) обращает внимание на то, что планировщики воздушных кампаний союзников смогли справиться с тактическими вызовами, но не стратегическими [46, pp. 308-314]. Атака узких мест сетей решала тактические задачи, но была не в состоянии повлиять на способность германской экономики осуществлять стратегические сдвиги и восстанавливать свою функ-

¹Офицеры по оперативному планированию, специалисты штабов по вопросам планирования, органы военного планирования.

циональность, адаптируясь к последствиям стратегических бомбардировок: «...современная экономика, в конце концов, не похожа на хорошие часы на камнях: она может потерять какую-то часть и продолжать функционировать. Общеизвестно, что современная экономика «запутана и взаимозависима», как дорогие часы, но аналогия здесь должна быть остановлена. В то время как часы не могут заменить одну из своих деталей, экономика может <...> в современной экономике изменение является законом жизни, а адаптация к изменениям общим местом, – и в мирное время, и военное. Будет правильнее сравнивать экономику с деревом, которое может отрастить новые ветки, если срезаются старые, нежели со зданием, которой рухнет, если разрушить часть его фундамента» [46, р. 312].

Хотя массированные бомбардировки сыграли свою роль в поражении Германии, они имели частичный успех. Даже когда весной 1944г. авиация западных союзников достигла господства в небе Оси, точность бомбометания требовала тысячи самолетовылетов на каждую цель. На протяжении всей войны только приблизительно 20% бомб достигала целей [58, р. 13]. Для достижения успеха в стратегической воздушной кампании требовалось одновременное участие такого количества самолетов, которое не в состоянии была обеспечить ни одна экономика того времени. Как следствие, для создания необходимой плотности огня стратегические цели атаковались последовательно. Например, атаки производственных мощностей по производству шарикоподшипников и авиационной промышленности заняли семь месяцев. Даже с достижением господства в воздухе атака транспортной системы Германии заняла пять месяцев, а воздушная кампания против нефтяных месторождений в Румынии – шесть. Такие относительно длительные периоды сосредоточения сил против одной цели давали противнику время оправиться и восстановить парализованные системы. Как следствие, ВВС западных союзников удавалось парализовать не более чем одну систему в конкретный промежуток времени [23, pp. 8-9].

Пять лет стратегических бомбардировок Второй мировой войны произвели большой эффект. Они унесли сотни тысяч жизней гражданских лиц, разрушили города, сократили объем промышленного производства и нанесли урон транспортным коммуникациям. Тем не менее, вопреки широко распространенному мнению, к концу войны более 90% производственных мощностей Германии оставались неповрежденными, создавая стартовую площадку для послевоенного «экономического чуда» [49]. Более того, массированные бомбардировки не смогли оказать существенного влияния на стратегические решения Германии, не говоря о том, чтобы их оформлять [15, р. 81]. Вермахт должен был быть побежден на земле, и решающую роль в разгроме нацистской Германии сыграли не новые теории и концепции, но СССР и Красная армия [49].

Таким образом, хотя стратегические бомбардировки сыграли важную роль в поражении нацистской Германии, многие довоенные предположения и положения теории оказались некорректными. Инфраструктура промышленности оказалась эластичной и гибкой «перед лицом невероятных затруднений и трудностей», а дух гражданского населения оказался неуловимой целью, которая так и не была поражена [15, р. 81]. Массированные бомбардировки, даже такие, как бомбежка Дрездена, оказывали скорее противоположный эффект на гражданское население. В отличие от предсказаний теории, вместо паники и коллапса можно было наблюдать единение и возрастание моральной поддержки общества военных усилий вермахта. Вторая мировая война показала, что политические режимы – как демократические, так тоталитарные, оказались в состоянии обеспечить поддержание политической стабильности и добиться поддержки со стороны общества [44, р. 93].

Испытания реальной войной сделали необходимым пересмотр ряда положений теории стратегических бомбардировок, на основе которой планировались воздушные кампании западных союзников. «Требую так много для авиации до и после войны, пилоты создали ложное восприятие, не поддерживаемое ни документальными доказательствами, ни историческими фактами. Наступательные стратегические бомбардировки внесли свой вклад в победу постольку, поскольку поддерживали усилия сухопутных и военно-морских сил Союзников» [44, р. 92].

Послевоенный анализ показал, что «...удары по одной индустрии с оружием, доступным в 1943г. и начале 1944г., было огромным предприятием, требующим непрерывных атак для достижения окончательных результатов» [58, р. 18]. Во Второй мировой войне командующие ВВС были «вынуждены заменять точность огромным тоннажем...» [22, р. 283]. Проблема, которая сделала необходимым развитие новых военных технологий и высокоточного оружия. Уже во время Второй мировой войны началось первое боевое использование высокоточных боеприпасов [19, р. 259]. В последний год Вьетнамской войны можно было наблюдать первое крупномасштабное использование бомб с лазерным наведением [34, р. 226]. Развитие высокоточного оружия позволило во время войны в Персидском заливе (операции «Буря в пустыне») отойти от массовых авиационных ударов. Было использовано более 9000 бомб с лазерным наведением из приблизительно 220 000 авиационных бомб. В ряде случаев один самолет с высокоточным боеприпасом позволял достичь такого же эффекта, что и рейд 1000 самолетов с более чем 9000 бомбами во время Второй мировой войны [34, р. 226].

Таким образом, попытки проведения ОБДЭ во Второй мировой войне, возможно, потерпели неудачу, однако без апробаций положений теории невоз-

можно ее улучшать. Эффективность стратегических бомбардировок оказалась низкой благодаря как отсутствию соответствующих систем вооружения, позволяющих таким операциям быть эффективными, так и непроработанности ряда концептуальных положений, которые уточнялись и развивались уже после Второй мировой войны.

Развитие и применение теоретических основ ОБДЭ во второй половине XX века

Операция «Буря в пустыне»

Джон Варден. Дальнейшая эволюция идей, легших в основу концепции ОБДЭ, рядом исследователей связывается с военным опытом американских летчиков, которые были потрясены порой бессмысленным и неэффективным использованием ВВС во Вьетнаме, и их желанием повысить эффективность воздушных кампаний [6, pp. 38-57]. Операция «Буря в пустыне» стала первой серьезной возможностью реализовать подход, когда атакуются не цели противника, но его системы [45]. Основы данного мышления были, фактически, заложены полковником ВВС США Джоном Варденом (*John Warden*) в начале 90-ых, когда он проходил службу в составе группы «Черная дыра» (*«Black Hole»*), входившей в состав планировщиков Объединённого Центрального Командования (ОЦК) США (*U.S. Central Command (USCENTCOM)*) во время проведения операции «Буря в пустыне». Группа занималась планированием боевого применения ВВС. Стратегическая цель разработанной воздушной кампании заключалась в проведении ударов по ряду систем Ирака, с целью достижения «эффекта», заключавшегося в выводе атакуемых систем из-под иракского контроля [1, p. 14].

Идеи Джона Вардена, предложившего описание противника как системы, а будущей войны – как параллельной войны, заложили интеллектуальный базис концепции ОБДЭ в конце XX века [26]. Анализ систем противника проводился на основе пяти концентрических «колец» влияния», существующих вокруг высшего и военного руководства противника. Варден утверждал, что быстрое развитие военных технологий предоставляет вооруженным силам США новые инструменты и возможности, позволяющие выявлять стратегические цели противника, воздействовать на них и достигать желаемых эффектов, поддающихся измерению. Соединенные Штаты в состоянии на стратегическом уровне осуществлять параллельную атаку жизненно важных целей, вызывающих «шок и трепет»¹ в системах противника и приводящих к их быстрому коллапсу. Тем

¹Термин восходит к известному философу С.Кьеркегору, но в данном значении впервые использован в работе [71].

самым, новые возможности «делают очень реальным то, что Клаузевиц назвал идеальной формой войны» [72, р. 54].

Дэвид Дептула. Дальнейшее развитие концепции ОБДЭ связывается с бригадным генералом Дэвидом Дептула (*David A. Deptula*), – одним из ведущих планировщиков группы «Черная дыра», и его анализом планирования воздушной кампании во время операции «Буря в пустыне». Генерал Дептула в значительной степени основывался на базисных понятиях параллельной войны и модели пяти колец полковника Вардена, в которой разрушение вооруженных сил противника представляется менее важным, нежели достижение эффектов, приводящих к параличу его организационных структур. Однако в отличие от Джона Вардена, ориентировавшегося на боевое применение военно-воздушных сил, Дэвид Дептула экстраполирует данный подход на все элементы национальной мощи: дипломатическую, информационную и экономическую мощь [51, pp. 14-15]. При этом важное значение придается системному подходу к рассмотрению противника. Взгляды Дэвида Дептула впервые были изложены в монографии «Операции, базирующиеся на достижении эффектов: изменение в природе войны» [23, pp. 8-9], в которой он утверждал, что прорыв в области военных технологий (в первую очередь – стелс-технологий и высокоточного оружия) привел к появлению новой формы войны.

«Военные колледжи преподают две основных формы войны – изнурение и уничтожение (*attrition and annihilation*). Война в Заливе продемонстрировала другую – контроль через применение параллельной войны. Стратегии уничтожения и истощения полагаются на последовательное, индивидуальное уничтожение целей как окончательный метод достижения успеха и меры прогресса, обычно измеряемого в терминах применяемых сил, то есть оценки входов. При использовании ОБДЭ, детерминантом успеха становится эффективный контроль систем, полагаясь на которые противник намерен реализовать свое влияние, – то есть оценка выходов. Изменение способа нашего мышления относительно применения сил может привести к более эффективному их использованию. <...> Комбинация стелс-технологий и точности пересматривает принцип массирования. Масса, в смысле скопления большого количества сил, уже не является обязательным требованием для достижения разрушительного эффекта на систему сил, инфраструктуры, правительства или промышленности. Для достижения доминирующих эффектов над противников более не нужны предварительные перемещение, диспозиция и всесторонняя подготовка больших сухопутных сил. <...> Сухопутные силы всегда будут основной частью вооруженных сил, но массирование сухопутных сил с целью сокрушить противника

больше не является абсолютной предпосылкой для установления контроля над ним» [23, р. 18].

Расширив ОБДЭ до способа мышления, генерал Дептула, фактически, говорит о новой форме войны, основанной на контроле, а не традиционных концепциях уничтожения и изнурения. Он предлагает применить системный подход для нанесения поражения противнику, сосредотачиваясь на целеполагании не с целью уничтожения систем противника, но скорее пресечения возможности их должного использования. Дэвид Дептула считает, что желательные эффекты могут быть достигнуты как через успешное применение принуждения, силы, в частности вооруженных сил, так и невоенными методами, позволяющими получить контроль над системами, на которые полагается противник: «При использовании ОБДЭ, определяющий успех сводится к эффективному контролю систем, на которые полагается противник для приведения в действие своего влияния...» [23, р. 11]. Это означает, что для достижения необходимых эффектов в ряде случаев можно ограничиться проецированием силы, а не ее присутствием или прямым применением в требуемом районе [23, р. 19].

Таким образом, Дэвид Дептула предложил холистический подход к планированию, выполнению и оценке результатов военной кампании, что создавало широкий базис для нахождения эффективных способов достижения национальных целей. Его монография изменила статус ОБДЭ, которая стала рассматриваться как военная концепция, обладающая серьезным потенциалом, выходящим за пределы теории ВВС. Это, в свою очередь, вынуждало других теоретиков, военные исследовательские центры и организации серьезнее относиться к ней и инициировать проекты, призванные оценить ее потенциал [51, pp. 15-16].

Операция «Союзная сила» (Allied Force), Косово

Эффективность косовской воздушной кампании 1999г. была оценена как низкая. Военный ущерб, нанесенный сербской армии, оказался несущественным, и она в значительной степени сохранила свою боеспособность [3, р. 146]. Военный истеблишмент США, в особенности в ВВС, был расстроен и оценивал вероятность того, что предпринимаемые военные действия приведут к капитуляции Милошевича, как очень низкую. Другими словами, несмотря на то, что интенсивная воздушная кампания привела к значительным разрушениям инфраструктуры Сербии, она оказалась не в состоянии достичь поставленных политических целей. Тем не менее, Милошевич сдался, создавая парадоксальную проблему и продемонстрировав западным политическим лидерам отсутствие у них модели конфликта, которая была бы в состоянии прогнозировать развитие ситуации, извлекать из нее уроки и тем более следовать им [17, р. 417].

Сторонники концепции ОБДЭ считают, что такой анализ и рекомендации наиболее эффективным образом реализуются на основе БДЭ-подхода [21, pp. 2-3]. Одни из первых выводов и требований к будущим кампаниям заключались в необходимости включать в процесс планирования достижение не только исключительно военных целей, но и желательных политических. Если ранее военные планировщики ограничивались только военной кампанией, теперь появилось понимание, что для достижения политических целей воздействие только на вооруженные силы противника является недостаточным. Необходимо атаковать, в том числе, и информационные, дипломатические и экономические ресурсы противника. Ограничение военной кампании только процессами в военной сфере является неправильным и не позволяет достичь желаемых эффектов. Одна только воздушная кампания в Косове не принудила Сербию к капитуляции. Как следствие, возникла необходимость в уточнении списка государственных структур в военной, экономической информационной и дипломатической сферах, взаимодействие которых является обязательным для достижения требуемых эффектов. Появилось понимание, что ОБДЭ возможны только через создание высокоинтерактивных сложных адаптивных систем и сетей, не только на стратегическом и тактическом уровнях, но также внутри и между государственными и политическими структурами, так или иначе участвующими в проведении военной кампании [3, pp. 148-151].

Командование Объединенных сил США

Дальнейшее развитие концепции ОБДЭ происходит в рамках Командования Объединенных сил (КОС) США (*U.S. Joint Forces Command (USJFCOM)*), которое рассматривало ее, в том числе, как способ мышления, позволяющий обеспечить целостный и системный подход к войне, применимый на всем спектре конфликта. Такое расширение концепции предполагает явное соединение принимаемых действий с желательными стратегическими результатами и ориентацию не только и не столько на физическое разрушение целей противника, но на достижение желаемых эффектов. Это, в свою очередь, требует изменения военного мышления, которое теперь должно сосредотачиваться не только на решении традиционных боевых задач и ведении боевых действий, но и на более широких контекстах. Концепция ОБДЭ принимает во внимание и рассматривает весь континуум конфликта, включая предкризисную фазу, кризис, горячую войну и постконфликтное урегулирование [76].

Такое широкое видение приводит к появлению глубокой проблемы: существует ли в рамках концепции ОБДЭ состояние мира хотя бы в концах рассматриваемого континуума, или общество рассматривается находящимся в состоянии той или иной степени напряженности, а вооруженные силы постоянно

участвуют в создании среды безопасности, тем самым непрерывно участвуя в определении условий и состояния будущих конфликтов [51, р. 16]. В настоящее время в западном военном истеблишменте и интеллектуальной среде идут дебаты о правомерности такого широкого трактования состояния войны и такого расширения диапазона ответственности вооруженных сил и военной сферы.

БДЭ-подход как метод военного мышления

Усилия Программы объединенных передовых методов ведения боевых действий (*Joint Advanced Warfighting Program*), Института военного анализа США позволили расширить концепцию ОБДЭ, распространив ее на сферу стратегического планирования [15, р. 72]. Это в свою очередь заставило говорить не просто о концепции и методологии планирования операций, но способе мышления, базирующемся на достижении эффектов (БДЭ-мышлении), опирающимся на следующие четыре постулата:

1. важность соединения всех предпринимаемых действий и шагов (политических, дипломатических, экономических и военных) для достижения оперативных и стратегических результатов;
2. непрерывная оценка производимых эффектов и, при необходимости, адаптация планов и действий к складывающейся боевой обстановке и реальности конфликта;
3. необходимость обдумывания действий и операций не только в терминах эффектов первого, но также второго, третьего и *n*-го порядка;
4. продумывание и оценка эффектов и их последствий на протяжении длительного периода времени [29, р. 6].

Таким образом, ОБДЭ по своей природе оказывается аналитической формой войны, старающейся не только планировать, проводить и оценивать свои действия, но также предугадывать процессы, события и возможную реакцию противника на системной основе. Такое видение военной операции напоминает шахматную партию гроссмейстеров, когда методически и тщательно продумываются и планируются все ходы будущей партии, которая затем разворачивается в конкретные ходы реальной партии. Как и гроссмейстер, те, кто проводит ОБДЭ, должны стремиться не только просчитать множество ходов вперед, но также уметь оценивать события в едином контексте, когда учитываются не только свои шаги и состояние своих войск, но и противника, дружественных сил и нейтральных наблюдателей.

Однако такая концепция проведения операций становится трудноосуществимой, как только мы переходим со стратегического уровня войны к опера-

тивному и тактическому. На тактическом уровне война напоминает скорее матч по боксу, нежели игру в шахматы, когда решающей становится быстрота реакций, опирающаяся на выработанные долгой тренировкой инстинкты и интуицию. Боксер не имеет права размышлять, каким образом он должен реагировать на тот или иной выпад противника, но должен действовать – стремительно и решительно. Полуудары и половинчатые решения в данном случае равносильны поражению. Между раундами имеется небольшой перерыв, во время которого есть возможность в некоторой степени адаптировать свою тактику к реалиям боя, но в целом как рисунок боя, так и его результаты есть следствие воли к борьбе, физической подготовки и тех наработок, которые были сделаны в ходе длительных тренировок. Когда звучит гонг, боксер обязан использовать в своих интересах все предоставляющиеся во время поединка возможности, меняя, при необходимости, тактический рисунок боя. В противном случае эффективность его ударов и боя в целом будет низкой [15, р. 91].

На тактическом уровне боя мы должны опираться на сплав инстинкта и интуиции, обучения и боевой подготовки, анализа и адаптации. Только такой подход позволяет сохранять инициативу в бою, – принцип, который «Боевой устав 3.0» (*Field Manual 3-0 (FM 3-0)*) Армии США определяет следующим образом: «Инициатива устанавливает или диктует условия боевых действий в течение боя или операции. Инициатива подразумевает наступательный дух во всех операциях. Диктуя условия боя, командиры исключают или уменьшают количество опций противника. Они принуждают противника согласовываться со своими оперативными целями и темпом, сохраняя свободу действий. <...> Во время наступления инициатива включает в себя расстраивание обороны противника мощными неожиданными ударами. Это означает не давать противнику возможности восстановиться от первоначального шока атаки. Делая это, командиры массируют эффекты боевой мощи и действуют быстро, с отвагой и применением силы. Они непрерывно ищут уязвимые точки и изменяют ведение своей решающей операции, если создается благоприятная возможность. Чтобы удержать инициативу, командиры развивают наступление цепко и агрессивно. Они идут на риск и заставляют рядовой состав и системы работать на пределе» [62, pp. 4-15]¹.

Таким образом, на тактическом уровне операции протекают в атмосфере, которая не прощает сомнений, размышлений, и таковой на данном уровне должна быть и концепция ОБДЭ, то есть она должна опираться на ясную и четкую доктрину, отшлифованные тактические приемы, методы и процедуры.

Казалось бы, императив инициативы на тактическом уровне и базисные

¹ Выделено в оригинале.

принципы концепции ОБДЭ на стратегическом уровнях вступают в противоречие, создавая парадокс. Инициатива опирается на инстинкты и интуицию, что позволяет оставаться адекватными быстро меняющейся обстановке тактического боя, в то время как ОБДЭ на высших уровнях войны применяет интеллектуальный анализ и оценку, стремясь достичь более эффективного применения национальной мощи. Действительно, неадекватное и непродуманное применение принципов ОБДЭ на тактическом уровне может привести к подавлению инициативы и выбору в пользу более осторожного поведения. В этом случае благие пожелания как можно более эффективного использования боевых и прочих возможностей могут парализовать проведение операции, когда поиск интеллектуального совершенства в ущерб достаточно хорошему решению приводит к потере времени и инициативы. С другой стороны, бездумная опора на укоренившиеся инстинкты, являющиеся результатом длительной и некорректной боевой подготовки в довоенный период, в руках адаптивного противника могут стать смертельным оружием [15, р. 92]. Как должен отвечать офицер среднего звена на вопрос: «Каким образом вы проводите войну?» Должен ли его ответ отражать доктрину, тактику, оружие и системы XX столетия, или же он должен быть готов отвечать на вопрос, исходя из понимания современных реалий войны? «Если боевая подготовка личного состава в мирное время направлена на обучение пользованию молотком, то любая боевая ситуация в будущем будет восприниматься им как гвозди» [48, pp. 20-31].

Кроме того, БДЭ-мышление требует, чтобы при планировании операции исключалось так называемое «зеркальное отражение». Зеркальное отражение интерпретирует действия противника на основе концепции «разумной» личности и предполагает, что ваш противник рассуждает таким же образом, как и вы. Такое видение несет с собой серьезную угрозу, так как может заставить вооруженные силы противостоять действиям, к которым противник никогда не намеревался прибегать, тем самым предоставляя ему возможность использовать вашу уязвимость. Природа человека стремится распространить на противника свою систему моральных, культурных и духовных ценностей, однако высшему и военному руководству страны, планировщикам военных кампаний необходимо развивать безусловное понимание того, что противник может иметь другой взгляд на мир и общество. Такой подход требует глубоких знаний о противнике – его культуре, верованиях, религии и пр. – всех тех социальных систем, которые оказывают влияние на его действия в бою [1, р. 22].

Таким образом, среда БДЭ-мышления позволяет сформировать соответствующую методологию, учитывающую инициативу на тактическом уровне и

анализ на стратегическом, если имеется четкое понимание разницы между тактическим и стратегическим уровнями войны и, как следствие, наличие качественной разницы между БДЭ-мышлением и подходами на каждом из этих уровней. Концепция ОБДЭ – это новый способ мышления о средствах, которыми вооруженные силы могут достигать своих целей на всех уровнях войны. Концепция ОБДЭ не может исключить боевые потери и жестокость реального боевого столкновения, но она, возможно, поможет «уменьшить необходимость в ближнем бое» [7, pp. 52-59]. Такое стремление вполне уместно и должно приветствоваться, если имеется понимание того, что боевые действия, разворачивающиеся сегодня на Кавказе, в Афганистане и Ираке на операционном и тактическом уровнях не очень отличаются от боевых действий XX века и даже на полеоновских войн. Без такого понимания концепция ОБДЭ будет иметь ограниченный успех [1, p. 21].

Проблема общей терминологии и понятий концепции ОБДЭ

Развитие ОБДЭ последние десятилетия привело к появлению шести теорий или аспектов того, что это концепция означает.

1. ОБДЭ является методом планирования операций, который связывает общие стратегические цели с боевыми задачами, которые должны быть выполнены. Термин «планирование, базирующееся на достижение эффектов» (БДЭ-планирование) (*Effects-based Planning*) призван отразить данный подход.
2. ОБДЭ есть метод анализа альтернативных целей на базе эффекта, который будет произведен в результате атаки данных целей противника. Во время анализа противник рассматривается как полностью взаимосвязанная и сетевая система. Термин «целеполагание, базирующееся на достижение эффектов» (*Effects-based Targeting*) отражает данный взгляд.
3. ОБДЭ есть применение всех уровней национальной мощи, включая дипломатическую, военную и экономическую, обращенное ко всем элементам национальной мощи противника.
4. ОБДЭ есть использование быстрых, одновременных и параллельных атак для достижения быстрого коллапса системы противника. Подход, охватываемый термином «Шок и трепет».
5. ОБДЭ фокусируется на взаимодействии между оперативным командующим и другими ключевыми акторами с целью справиться со сложным и адаптивным противником.

6. ОБДЭ является рассмотрением войны как столкновения сложных адаптивных систем с нелинейными взаимодействиями между наличными средствами, волей и каскадами эффектов в физическом и психологическом доменах [3, pp. 138-140].

Такая многоликость концепции ОБДЭ, отсутствие единого видения затрудняет ее понимание, а быстрое распространение терминологии и ее проникновение, в том числе, и в военные доктрины сделала ее еще более проблематичной и даже опасной [15, p. 95]. Потенциал ОБДЭ ограничивает нехватка общего словаря, а также сложность координации различных элементов национальной мощи, не дающие сформироваться холистическому пониманию себя, противника и среды безопасности [20, pp. 50-51]. Критической точкой в процессе разворачивания ОБДЭ в эффективную концепцию является разработка кодифицированных определений и методологии. Это вынуждает нас перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению самой концепции в рамках последующих работ, провести обзор наиболее широко используемых определения, понятий и терминов концепции ОБДЭ.

2. Понятия, определения и терминология концепции ОБДЭ

На сегодняшний день имеется множество версий и определений ОБДЭ, покрывающих диапазон от оформления когнитивной сферы до военного инструмента оперативного и тактического уровней. Концепция ОБДЭ до сих пор не имеет доктрины, что несет в себе серьезный риск двусмысленности и неопределенности. На сегодняшний день диапазон интересов БДЭ-подхода охватывает как еще несистематизированные операции вооруженных сил США в Ираке и Афганистане, так и эксперименты и боевые тренировки¹.

Вопрос, почему западный военный истеблишмент пошел на внедрение концепции, предполагающей множество интерпретаций, достаточно интересен. Однако в данном случае мы просто должны констатировать, что существует, как минимум, лексическая проблема, связанная с ОБДЭ [20, p. 47]. На сегодняшний день БДЭ-подход не имеет общего словаря, списка согласованных понятий, определений, терминов. Многие доктринальные публикации МО США не дают определения ключевых терминов ОБДЭ или эти определения разнятся. Например, ни «Словарь военных и связанных военной тематикой тер-

¹ В частности, Командование Объединенными силами США инициировало проведение экспериментов «Вызов тысячелетия 02 (*Millennium Challenge 02*) и опубликовало ряд «белых книг» («*white papers*» – правительственный информационный документ) под названием «Влияние ОБДЭ на решение оперативных вопросов» [68].

минов Министерства обороны» [66] (*Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms Joint Publication 1-02*), ни «Энциклопедия Объединенной доктрины начальника объединенного комитета начальников штабов» [65] (*Chairman of Joint Chiefs of Staff (CJCS) Joint Doctrine Encyclopedia*) не дают определения «эффектов» или ОБДЭ. «Совместная публикация 3-0, Доктрина для объединенных операций» [67] (*Joint Pub 3-0, Doctrine for Joint Operations*) множество раз использует термин «эффекты», когда говорится об «эффектах операций» (*effects of operations*), «эффектах массирования» (*mass effects*), и «эффектах» летального или нелетального оружия (*effects of lethal or non-lethal weapons*).

Базисные понятия и определения БДЭ-подхода

КОС США определяет эффект следующим образом: «Эффект – это физическое или поведенческое **состояние** системы, являющееся результатом действия или множества действий или другого эффекта» [67, р. IV-9] (выделено в оригинале). В документах КОС США также можно найти следующие определения терминов, используемых в концепции ОБДЭ [1, pp. 26-27].

Узел – личность, место или физический объект, являющийся фундаментальным компонентом системы.

Действие – активность, направленная на определенный узел.

Конечное состояние – какой хотят, чтобы была ситуация президент и министр обороны США после того, как операции будут завершены, – как военные так и те, в которых военные поддерживают другие инструменты национальной мощи. Множество требуемых условий, которые определяют достижение командующими поставленных задач.

Система – функционально, физически и/или поведенчески связанная группа элементов, которые взаимодействуют друг с другом как единое целое. Чтобы содействовать анализу *системы систем* (*system-of-systems analysis*). ОБДЭ в настоящее время исходит из того, что операционная среда состоит из политических, военных, экономических, социальных, инфраструктурных и информационных систем (ПВЭСИИ-систем). Анализ данных систем и их внутренняя взаимосвязь обеспечивают «холистическое понимание», упоминаемое в определении.

Система систем (*System of Systems*) – группирование организованных ансамблей ресурсов (банковская система или система производства) и процедур, регулирующихся через взаимодействие или независимо для выполнения множества специфичных функций.

Операционная среда – композиция элементов, условий и влияний, которые воздействуют на применение ресурсов и возможностей и имеют отношение к решению командующего [68, р. 2].

Дальнейшее рассмотрение концепции ОБДЭ требует введения соответствующей таксономии, позволяющей описать и классифицировать природу эффектов и способы их проявления. Задача решается через введение трех базисных классов – видов, признаков и типов [38, pp. 30-36].

Виды эффектов. Эффекты могут быть прямыми и непрямыми.

Прямые эффекты – это непосредственные следствия/результаты действия, которые не могут быть изменены побочными событиями или механизмами. Они легко распознаются и обычно немедленно проявляются. Примером прямых эффектов может быть уничтожение военной техники прямым попаданием. Непрямые эффекты трудно распознаются, часто смещены во времени и пространстве и проявляются на фоне других событий. Обычно они являются следствиями второго и третьего порядка от предпринятых действий и могут быть по своей природе как физическими, так и психологическими. Примером как психологических, так и физических не прямых эффектов может служить паралич воли экипажей и остановка танковой группы вследствие уничтожения танка командира группы.

Признаки эффектов характеризуют воздействие, которое оказывают прямые и не прямые эффекты на возможности противника. Они могут быть кумулятивными, каскадными или сопутствующими.

Кумулятивные эффекты – это «агрегированный результат воздействия множества прямых и не прямых эффектов на противника» [38, p. 96]. Они обычно распространяются от нижних уровней войны к верхним и имеют тенденцию становиться сложными и целостными, проявляясь на высших уровнях. Примером кумулятивных эффектов может служить паралич воли высшего политического руководства и решение капитулировать как следствие военного поражения на тактическом уровне, принявшего характер военной, а затем и политической катастрофы.

Каскадные эффекты – это «не прямые эффекты, которые проходят зыбью по системе противника, часто оказывая воздействие на другие системы» [38, p. 95]. Они обычно распространяются от верхних уровней войны к нижним, пульсируя в системах противника и воздействуя по мере распространения на другие узлы системы. Примером каскадных эффектов могут служить последствия от уничтожения главного штаба противника, каскадом спускающиеся на нижние уровни управления и подчиненные штабы, жестко сказываясь на их способности осуществлять управление войсками.

Сопутствующие эффекты – это результаты, не предусмотренные предпринимаемыми действиями. Сопутствующие эффекты могут быть положительными или отрицательными и чаще всего проявляют себя через урон объектам, уз-

лам систем противника, поражение которых не являлось целью проводимой операции. Примером могут служить потери среди гражданского населения при проведении боев в населенных пунктах.

Типы эффектов. Эффекты могут быть физическими, функциональными, системными и психологическими.

«**Физические эффекты** создаются через прямое воздействие, физическое изменение объекта или системы посредством применения военных ресурсов» [38, р. 37]. Они концентрируются на разрушении и поражении сил и возможностей противника и проявляются в рамках операционной кампании.

Функциональные эффекты могут быть прямыми и косвенными и являются следствием воздействия (боевые действия, атака или операция) на определенные цели/объекты, узлы и системы противника с целью повлиять на их правильное функционирование [38, р. 37, 97].

Системные эффекты – это «косвенные эффекты, имеющие целью оказать воздействие или нарушить работу определенной системы или множества систем» [38, р. 38]. Примером системных эффектов может служить разрушение энергетической системы противника.

Психологические эффекты являются «результатом действий, влияющих на мотивацию, психологию, мышление, и, в конечном счете, поведение лидеров, правительств, организаций, социальных групп и отдельных личностей» [38, р. 98]. Это очень важные и трудные для планирования и предсказания эффекты [38, pp. 38-39].

Прямые эффекты имеют тенденцию формировать каскады переключающихся косвенных физических и психологических эффектов. Физические эффекты могут приводить к эффекту падающего домино, а психологические имеют тенденцию вести себя взрывообразно и быть ограниченными только скоростью и размахом коммуникаций [55, pp. xiv-xviii]. Такая взаимосвязь и взаимовлияние делает планирование и предсказание эффектов сложной задачей.

ОБДЭ-подход в вооруженных силах, исследовательских и военных центрах и организациях США

Следующим шагом в рассмотрении концепции ОБДЭ должен стать обзор идей, базовых принципов и определений, используемых в различных документах родов войск, исследовательских и военных центрах и организациях.

Военно-морские силы

Доктрина ВМС США не дает определения ОБДЭ, но полагается на концепции маневренной войны (*maneuver warfare*) и войны на изнурение для создания эффектов. Маневренная война рассматривается скорее как философия, ассоциирующаяся с искусством войны Сунь-Цзы и подчеркивающая необходимость предоставления командующему свободы при принятии решений, чтобы успешно справляться с боевой обстановкой. «Маневренная война является философией противоборства, которая пытается расстроить единство и сплоченность (*cohesion*) противника через серию быстрых, интенсивных и неожиданных действий, которые создают турбулентную и быстро ухудшающуюся ситуацию, с которой он не может справиться» [28, р. 59]. Ключевым моментом концепции, таким образом, является фокусирование на слабостях и уязвимости противника с целью разрушить серией сильных, быстрых и неожиданных действий его способность вести кампанию. Также говорится о способности ВМС «быстро атаковать критические уязвимости противника, обходя его сильные позиции и разрушая его центры гравитации. ВМС будет атаковать не только физические возможности противника, но и проводить ОБДЭ для поражения перспективы, воли и структуры веры потенциального противника» [64, р. 13].

Военно-воздушные силы

Чтобы достичь желаемых эффектов на всех уровнях войны, ВВС используют сочетание имеющихся в распоряжении сил и средств против ключевых узлов систем противника, опираясь при этом на маневренность и аэрокосмическое превосходство. Доктрина ВВС говорит о том, что использование военной мощи должно быть базирующимся на эффектах с широким применением параллельных операций. При этом важное место в проведении военной кампании занимают инфооперации. «ВВС убеждены, что инфооперации как элемент боевой мощи сводят вместе разнообразную информационную активность и службы, профессиональные дисциплины, ресурсы, возможности и средства с целью оказания помощи в проведении ОБДЭ. Инфооперации – это способность к «круглосуточному» противоборству, которая порождает эффекты, проводящиеся ежедневно и по всему спектру конфликта» [61].

Сухопутные силы

Концепция ОБДЭ Армии США рассматривается в рамках разворачивания Целевых Сил (*Objective Force*), которые определяются как подвижные (*agile*), развертываемые (*deployable*), многоцелевые, живучие, летальные и устойчивые силы быстрого реагирования, способные производить различные эффекты. «ОБДЭ

создают фрейм, внутри которого «мы создаем условия (*эффекты*. – Прим. автора), которые хотим видеть по окончанию военных действий» [11]. «Психологические эффекты, производимые мощью и точностью подразделений целевых сил, будут обеспечивать сдерживание враждебных действий как до развертывания, так и в течение стабилизационных фаз операций» [63]. «Эволюционная, уточненная и расширенная концепция ОБДЭ имеет большой потенциал для улучшения способов применения Армии и использования военной мощи» [5, р. 129].

Корпус морской пехоты

Доктрина Корпуса морской пехоты США говорит об «эффектах» в терминах достижения политических целей при помощи стратегий уничтожения и изнурения, каждая из которых предполагает свой набор действий, в зависимости от того, какие эффекты желательно достигнуть. Уничтожение предполагает устранение военных возможностей, в то время как изнурение может фокусироваться на интеллектуальной сфере и воле руководства противника, причем определенные действия могут иметь ограниченную военную, но критическую экономическую или психологическую ценность. Экспедиционная маневренная война (*expeditionary maneuver warfare*) Корпуса морской пехоты является средством достижения решающих эффектов через «концентрацию сил на критических точках для достижения внезапности, психологического шока и темпа» [70, р. 22]. Конечной целью действий является подавление воли противника к сопротивлению, его способности эффективно бороться, через создание паники и достижение паралича.

Командование Объединенных сил

Командование Объединенных сил США в рамках разработки концептуального базиса ОБДЭ провело большой объем работы по уточнению параметров новой концепции и определению ее релевантности относительно каждого уровня войны. В настоящее время в военных кругах идет активная дискуссия вокруг способности ОБДЭ стать операционным фреймом для вооруженных сил США в 21 веке [12, pp. 82-86]. Не вызывает сомнений, что новые концепции должны воспринимать войну холистически, предполагая использование всех инструментов национальной мощи, и ОБДЭ на сегодняшний день являются наиболее предпочтительным базисом, позволяющим решить данную задачу. Концепция ОБДЭ обладает необходимым потенциалом, чтобы стать общим фреймом для высшего и военного руководства страны при принятии решений на политическом, стратегическом, операционном и тактическом уровнях войны [51, р. 35].

На сегодняшний день КОС США дает несколько определений ОБДЭ, отра-

жающих различные его аспекты применительно к уровням войны и сфере национальной безопасности НБ в целом. В первую очередь, ОБДЭ рассматривается как концепция, использующая все инструменты национальной мощи для оказания желаемого эффекта на противника на всем спектре конфликта. ОБДЭ – это «операции, которые планируются, выполняются, оцениваются и адаптируются, базируясь на холистическом понимании операционной среды с целью воздействовать или изменить поведение системы или ее возможности достигать непосредственных целей политики на основе интегрированного применения выбранных инструментов мощи» [1, р. 26].

ОБДЭ также определяется как «процесс достижения желаемого стратегического результата или «эффекта» на противника через синергетическое, мультипликативное и кумулятивное применение полного диапазона военных и невоенных возможностей на тактическом, операционном и стратегическом уровнях» [51, р. 17].

Синергия определяется как «интегрированные и синхронизированные действия <...> в объединенных операциях и многомерных пространствах, позволяющие командующему объединенными силами проецировать фокусированные возможности без стыков или уязвимости, которые мог бы использовать противник» [67, р. IV-9].

Противник рассматривается как динамичный, адаптивный враг, который соединяет свою волю и возможности для проведения операций в интегрированной ПВЭСИИ-системе, в которой имеются ключевые узлы и уязвимости, а воздействие на них генерируют эффекты, позволяющие достичь целей кампании. «ОБДЭ старается постоянно фокусировать полный спектр наших военных и межведомственных асимметричных преимуществ против точек разрыва системы противника для разрушения его связности» [10, р. 11].

В статье «В поисках синергии: Операции, базирующиеся на достижении эффектов» отмечается, что «Объединенные ОБДЭ имеют сходство с блицкригом в своем желании использовать движение, темп и человеческий фактор (страх, утомление и неопределенность) для достижения быстрого успеха в наземной операции» [7, pp. 52-59].

Таким образом, ОБДЭ определяется КОС США как концептуальный процесс, и «так как от практикующих ОБДЭ требуется изменение навыков концептуального мышления, то будут изменяться способы, при помощи которых военные должны развивать и тренировать лидеров» [5, р. 125]. ОБДЭ требует многих лет обучения и тренировки, а также интенсивного концептуального развития на протяжении всей карьеры. «Без интеллектуальных способностей к синтезу, холистическому видению среды, креативности и пытливости большой потенциал ОБДЭ останется нереализованным» [30, р. 12].

ОБДЭ в исследовательских и военных центрах и организациях США

Исследовательская программа по командованию и управлению МО США

Согласно «Исследовательской программе по командованию и управлению» (ИПКиУ) Управления помощника МО США по сети, информации и интеграции (*Command and Control Research Program (CCRP) within the Office of the Assistant Secretary of Defense Networks, Information and Integration (NII)*), ОБДЭ не есть новая форма военных действий, и она не заменяет какую-либо из существующих форм ведения войны. «ОБДЭ – это координированное множество действий, направляющих и оформляющих поведение друзей, врагов и нейтралов (нейтральных государств) во время мира, кризиса и войны» [54, р. 95]. В течение всей истории лица, принимающие решения, старались создать условия, которые помогли бы им решить поставленные задачи и достичь целей политики, – подход, который в современной терминологии может рассматриваться как «базирующийся на достижении эффектов» [13, р. 4]. ОБДЭ в XXI веке, поддержанные сетевыми силами (*networked force*)¹, является методологией для планирования, выполнения и оценки военных операций, позволяющей достичь необходимых эффектов и желаемых результатов в сфере национальной безопасности.

Научное общество исследований в области военных операций

Симпозиум, проведенный научным обществом исследований в области военных операций МО США (*Military Operations Research Society (MORS)*) в 2002г., фокусировался на «очень важном вопросе – действительно ли ОБДЭ является полезной концепцией» [50, р. 117]. Отвечая на вопрос, симпозиум сформулировал два базовых принципа ОБДЭ:

1. война включает все инструменты национальной мощи;
2. каждый инструмент должен быть применен таким образом, чтобы сделать максимальным желательные воздействия, минимальными нежелательные и дополнительные действия, предпринимаемые на других аренах [8].

ОБДЭ – это вызов, заставляющий военных двигаться из эры возрастающей объединенности к эре «мета-объединенности», в которой действия министерства обороны интегрируются с другими элементами национальной мощи, партнерами

¹ О концепции сетевых сил см. [75].

по коалиции, международными и неправительственными организациями. Вызов, требующий как бо́льших знаний, так и бо́льших возможностей, чтобы справиться с возрастающей неопределенностью традиционных военных операций [8, р. 23]. «Появление ОБДЭ как широкой организованной концепции – многообещающий подход, который поможет лицам, принимающим решение в министерстве обороны и других организациях на арене национальной безопасности, защитить национальные интересы США и достичь целей США» [8, р. 25].

Корпорация РЭНД

В исследованиях корпорации РЭНД (*RAND Corporation*) ОБДЭ определяется как «операции, понимаемые и планируемые в системном фрейме, которые рассматривают весь диапазон прямых, не прямых и каскадных эффектов – эффектов, которые могут с различной степенью вероятности быть достигнуты через применение военных, дипломатических, психологических и экономических инструментов» [21, р. 7].

3. Компоненты концепции ОБДЭ

Рассмотренные выше определения ОБДЭ позволяют выделить наиболее характерные черты и оснополагающие принципы новой концепции, развитие которых представляется многообещающим для вооруженных сил и военной организации Армении. С данной точки зрения, наиболее перспективным представляются принципы, которые исходят из необходимости оркестровки использования всех элементов национальной мощи для достижения желательных эффектов при решении задач в сфере национальной безопасности. Как следствие, в дальнейшем наши усилия сосредоточатся, в первую очередь, на рассмотрении концепции ОБДЭ сквозь призму КОС США и ИПКиУ МО США, развивающих данные аспекты БДЭ-подхода.

Для более полного понимания того, каким образом концепция ОБДЭ предлагает решать проблему оркестровки элементов национальной мощи, необходимо перейти к рассмотрению трех главных компонент БДЭ-подхода – БДЭ-планирования (*effects-based planning (EBP)*), БДЭ-исполнения (*effects-based execution (EBE)*) и БДЭ-оценки (*effects-based assessment (EBA)*) [20, pp. 26-27].

БДЭ-планирование

Фундаментально БДЭ-планирование (БДЭП) решает проблему интеграции всех инструментов национальной мощи «внутри пространства боя во времени и пространстве, преследуя цель создать желаемые эффекты для решения

задач Командующего Объединенными силами (*Joint Force Commander*)» [69, р. 11] На сегодняшний день БДЭП фокусируется на стратегическом и операционном уровнях и «придает особое значение соединению задач ТВД с тактическими задачами посредством достижения желаемых эффектов внутри операционной среды» [69, р. 11]. «В БДЭП планировщики стараются достичь единства усилий: гармонизировать объединенные, комбинированные и межведомственные действия, ассоциирующиеся с инструментами национальной мощи, в интегрированный, всесторонний план достижения желаемых эффектов» [69, р. 11]. И если определение задач и выбор типа военных действий является важным элементом тактического уровня планирования, то «на операционном и ТВД-стратегическом уровнях задачи фокусируются больше на цели и предназначении операции, а не только на военных действиях» [69, р. 12].

В рамках БДЭП термин «эффект» получает более широкую интерпретацию. Если на тактическом уровне эффекты имеют тенденцию «описывать результаты применения оружия и действий подразделений» [69, р. 12], то на операционном и стратегическом уровне «эффект» описывает множество желательных и нежелательных условий, обычно в форме поведения (*behavioral state*) или возможных состояний операционной среды, являющихся результатом воздействия инструментов национальной мощи. Тем самым эффекты от действия инструментов национальной мощи становятся «мостом, соединяющим цели (стратегию, задачи ТВД, операционные задачи) с боевыми задачами (операционный и тактический уровень)» [69, р. 12].

В БДЭП процесс планирования начинается с осмысления командующим и его штабом поставленной боевой задачи, приобретения знаний об операционной среде, необходимых для выработки намерения командующего и определения множества эффектов, позволяющих добиться решения поставленных задач [69, р. 16]. «Происходит сравнение данных эффектов с текущим состоянием ПВЭСИИ-систем. Точная идентификация эффектов и их связь с последующими действиями требует активной интеграции всех инструментов национальной мощи и, соответственно, участия экспертов в конкретных областях с самого начала процесса планирования» [69, р. 12]. Далее «планировщики идентифицируют действия, которые, будучи предпринятые против определенных ключевых узлов, позволяют достичь желаемых эффектов. Затем они связывают действия с определенными ресурсами или силами, завершая построение связок «эффекты-узлы-действия-ресурсы» [69, р. 12]. Понимание взаимосвязей в таких связках позволяет планировщикам рассматривать и оценивать альтернативные способы действий, «что гармонизирует и определяет последовательность действий инструментов национальной мощи против ключевых узлов во времени и пространстве, позволяя достичь желаемых эффектов» [69, р. 12].

Процесс БДЭ-планирования состоит из шести этапов [1, pp. 69-75]:

1. Основные распоряжения Командующего (получение задачи) (*Commander's Guidance (Receipt of Mission)*).
2. Анализ задачи и оценка эффектов (*Mission Analysis & Effects Assessment*).
3. Разработка эффектов (*Effects Development*).
4. Анализ возможностей (*Capabilities Analysis*).
5. Решение командующего и назначение ресурсов (*Commander's Decision & Resource Assignment*).
6. Уточнение боевой задачи и исполнение эффектов (*Mission Refinement & Effects Execution*).

Основные распоряжения Командующего (получение задачи)

Стратегическое, ТВД или операционное планирование начинается после получения командующим указания от президента и/или министра обороны приступить к планированию новой или уточнению уже проводимой военной кампании по региональному кризису. Командующий формулирует боевые задачи по операции и готовит указание для штаба в форме решения на карте. Указание командующего включает в себя краткое описание стратегического указания высшего руководства и намерение командующего, описывающее желаемые результаты операции и то, каким образом он намерен их достичь. Наиболее важная часть намерения командующего – формулировка замысла операции. БДЭП требует от командующего произвести также оценку эффектов, которые желательно обеспечить.

Анализ задачи и оценка эффектов

Анализ задачи и оценка эффектов позволяет штабу выявить проблемы и приступить к процессу поиска возможных решений. Вопросы, который штаб задает себе при этом, звучат следующим образом: какие условия должны быть обеспечены для достижения желаемых результатов, какие средства должно использовать командование для прямой или непрямой атаки систем противника?

Разработка эффектов

Третий шаг БДЭ-планирования это разработка (проработка) эффектов и определение приоритетов в их обеспечении. Решение данной задачи позволяет планировщикам выявить наиболее важные связи внутри систем противника и гармонизировать элементы национальной мощи для достижения желаемых эффектов. Определение приоритетов позволяет идентифицировать системы, которые долж-

ны быть атакованы в первую очередь для достижения необходимой последовательности каскадных и кумулятивных эффектов, согласованных во времени и пространстве. Это необходимый шаг, так как силы и средства, находящиеся в распоряжении командующего, конечны, и эффекты должны фокусироваться на достижении наиболее благоприятных из возможных результатов. Завершение данного шага позволяет планировщикам выявить связки «эффекты-узлы-действия» (*effects-node-actions linkage*) и приступить к анализу необходимых сил и средств, направляемых на ключевые узлы противника.

Анализ возможностей

Анализ возможностей рассматривает имеющиеся в распоряжении командующего ресурсы инструментов национальной мощи и отвечает на вопросы: какие ресурсы должны быть использованы, чтобы сделать возможным планируемую последовательность действий и каковы возможная цена и риски данных действий, какие ресурсы и последовательность действий вероятнее всего обеспечат нужные условия и произведут желаемые эффекты? Если имеющиеся в распоряжении силы и средства недостаточны, чтобы достичь желаемых эффектов и/или результатов, то определяются тип и объем ресурсов, которые необходимо привлечь.

Решение командующего и назначение ресурсов

На этом этапе командующий представляет план действий, базирующийся на достижении эффектов (*effects-based courses of action*), который по его убеждению обеспечивает выполнение поставленных задач. Затем он подписывает решение на планирование операции, которое может включать уточненные: намерение командующего, новые данные по разведке и наблюдению и приоритеты для назначения ресурсов.

Уточнение боевой задачи и исполнение эффектов

Данный этап включает уточнение плана боевых действий, позволяющих достигнуть желаемых эффектов. Исполнение эффектов сопровождается соответствующим приказом на применение сил и средств, который является для подчиненных командиров указанием по выполнению намерений командующего.

Согласно КОС США, БДЭ-планирование довольно точно отражает существующий процесс объединенного планирования (*joint planning process*), фокусируясь на создании связок «действия-эффекты-задачи», позволяя связать стратегию с боевыми задачами.

БДЭ-исполнение

Второй компонент ОБДЭ процесса – БДЭ-исполнение [20, pp. 36-37]. Понимание возможностей и ограничений инструментов национальной мощи и их изначальное интегрирование в процесс БДЭ-планирования позволяют достичь их эффективного использования. На этапе БДЭ-исполнения, после подписания приказа на операцию, штаб командующего объединенными силами разрабатывает приказы подчиненным войскам, запускающие процесс подготовки войск к выполнению частных боевых задач, исполнение которых постоянно отслеживается командующим и его штабом, непрерывно оценивающими процесс достижения желаемых эффектов. «Они перенаправляют боевые действия, если этого требует ситуация, интегрируют альтернативные невоенные действия и перераспределяют ресурсы, чтобы использовать представившиеся возможности и смягчить недостатки» [68, p. 16].

Критичным для достижения желаемых эффектов на этапе БДЭ-исполнения является синхронизация и правильная последовательность применения элементов национальной мощи на всем пространстве боя – основной вызов, с которым сталкиваются командующий и его штаб [68, p. 16]. Атака противника возможностями только одного инструмента национальной мощи понижает эффективность проводимой кампании, однако также близоруко и неприемлемо требование об обязательном использовании всех инструментов, которое не должно становиться самоцелью. БДЭ-подход использует требуемые элементы национальной мощи и корректирует данный выбор, базируясь на знаниях о противнике и динамике проведения кампании.

Хотя может сложиться впечатление, что большая часть усилий фокусируется на физическом домене, в рамках ОБДЭ атакуется и когнитивный домен противника. Это предполагает, в том числе, знание различных групп интересов (*communities of interest*) противника, позволяющее оказывать воздействие на семейные связи, лидеров групп, национальных и региональных лидеров и пр. с целью парализовать волю противника, его способность действовать. Чтобы успешно использовать БДЭ-подход, президент и министр обороны США, председатель Объединённого комитета начальников штабов и подчиненные командиры должны иметь в своем распоряжении соответствующие механизмы, позволяющие им понять и оценить последствия предпринимаемых действий и при необходимости адаптироваться, связывая действия в рамках национальной стратегии с действиями на операционном и тактическом уровнях [1, p. 33].

БДЭ-оценка

Третий компонент ОБДЭ – БДЭ-оценка [20, pp. 36-37], определяющая «показатели успеха кампании» (*measures of campaign success*), расширяя существующий процесс оценки боевых действий. В рамках БДЭ-оценки вводятся показатели выполнения (*measures of performance*) для оценки выполнения боевой задачи и показатели эффективности (*measures of effectiveness*) для оценки достигнутых эффектов. Также периодически проводится оценка всей военной кампании [68, p. 16]. Показатели выполнения, фокусирующиеся на оценке точности выполнения боевой задачи, аналогичны классическим показателям оценки эффективности боя и отвечают на вопрос: была ли боевая задача выполнена в соответствии с намерениями командующего? Показатели эффективности фокусируются на эффектах, достигаемых посредством выполнения частных боевых задач, помогая командующему и его штабу ответить на вопросы: правильно ли идет кампания, насколько ход кампании согласуется с намерениями командующего? Тем самым показатели эффективности выполняют функции обратной связи, позволяющей внести необходимые изменения в план кампании [68, p. 16].

Таким образом, БДЭ-оценка, опираясь на показатели выполнения и эффективности, оценивает процесс выполнения боевых задач и выявляет тренды, потенциально воздействующие на проведение операции. Получающаяся картина военной кампании сравнивается с планировавшейся, а выявленные различия, или «дельта», позволяют провести необходимые уточнения и обеспечить успешное достижение целей кампании.

4. Концепция ОБДЭ на различных уровнях войны

Предыдущий дискурс показывает, что наиболее значительный вклад, который может внести БДЭ-мышление в проведение войны в XXI веке, лежит в стратегической и операционной реальности. Даже если исходить из того, что ОБДЭ могут быть эффективны на тактическом уровне, на сегодняшний день нет каких-либо гарантий, что без значительных интеллектуальных усилий можно разработать методологии, связывающие потенциальные эффекты политических и стратегических решений с тактической картиной боя, и, наоборот, проследить, каким образом тактические решения влияют на политические и стратегические эффекты [43, p. 2]. Проблема выбора желаемых эффектов и результатов, отражающих политические цели и влияющие, в том числе, на поведение противника, появляется на стратегическом уровне действий. Именно на стыках политики, стратегии и операционного искусства БДЭ-подход обладает наибольшим потенциалом [51, pp. 21-22].

ОБДЭ на стратегическом уровне войны

Военная история недвусмысленно говорит о том, что войны выигрываются или проигрываются на политическом и стратегическом уровнях, редко – на операционном и никогда – на тактическом.

«Никакое количество операционной виртуозности <...> не может спасти фундаментальные тренды в политическом (и стратегическом) суждении, если стратегия, оформляющая политику, или стратегические императивы,двигающие политику, были нерелевантными. Просчет в обоих случаях ведет к поражению и любая комбинация политико-стратегической ошибки имела разрушающие результаты, даже для наций, которые закончили войну как члены победившей коалиции. Даже эффективная мобилизация национальной воли, живой силы, индустриальной мощи, национального богатства и технологических ноу-хау не может спасти воюющую сторону от пожинания горьких плодов (стратегических) ошибок. Именно поэтому гораздо важнее иметь корректные решения на политическом и стратегическом уровнях, чем на операционном и тактическом. Ошибки в операциях и тактике могут быть скорректированы, но политические и стратегические ошибки живут в веках» [39, pp. 83-85].

Таким образом, ОБДЭ-подход исходит из того, что высшее руководство страны, обладает ясным видением политических целей, которое транслируется в задачи национальной безопасности, стратегические и операционные задачи. Лен Хаули (*Len Hawley*) в основном докладе «Видение полисмейкерами ОБДЭ» пишет: «...на стратегическом уровне наиболее важной обязанностью полисмейкеров является поддержание согласованности между желаемыми конечными результатами, желаемыми эффектами и инструментами действия: интегрировать межведомственные и многонациональные действия в единую слаженную кампанию» [33, pp. 21-22].

Так как политические и стратегические решения являются критичным элементом в использовании военной мощи, то необходимо ответить на вопрос о том, каким образом высшее руководство страны может использовать ОБДЭ-подход при артикуляции и концептуализации разрабатываемой стратегии. Как оно намеревается реализовать свои политические замыслы, проводить войну, каким образом проведение военных операций будет изменять политический контекст [43, p. 8]. Должно существовать согласованное видение стратегических результатов планируемой кампании, позволяющее осмысленно развернуть и «нацелить» требуемый военный и другой инструментарий национальной мощи. Другими словами, должен быть разработан стратегический фрейм, в рамках которого работает высшее руководство страны и операционный командующий,

ответственный за разработку БДЭ-кампании. Неотъемлемой частью такого фрейма являются стратегические дискурсы¹, рассматриваемые ниже.

Дискурсы и трансляция стратегических целей в операционные эффекты

Важнейшим элементом стратегического фрейма являются дискурсы, протекающие между высшим и военным руководством страны. Они позволяют оформить отношения между политическими и стратегическими целями, возможностями национальной мощи и эффектами военных действий, через которые планируется достигать намеченных целей. Такие дискурсы никогда не были легкими и безболезненными, и нет каких-либо причин думать, что они станут таковыми в будущем [18]. Более того, история говорит не только о сложной и бурной природе дискурсов, но и о критической роли времени, в течение которого происходит обоюдное уточнение видения ситуации его участниками. Тем не менее, это единственный путь соединения политики, стратегии с военными эффектами, которые должны обеспечить военная мощь. Помимо дискурсов, протекающих между высшим и военным руководством страны, также инициируются дискурсы: между командующим и его штабом, помогающие оформить намерение командующего; внутри коалиции союзников, разъясняющие цели будущей кампании; воздействующие на общественное мнение как внутри страны, так и на международной арене и подготавливающие его к проведению будущей кампании [43, р. 17].

Помимо дискурсов, стратегический фрейм включает в себя реалистическое понимание природы противника. Каковы его цели? Какова политическая, экономическая, военная и совокупная национальная мощь? В каких сферах и на каких направлениях он уязвим? Каким образом его культура, политическая система влияют на выбор высшим руководством предпринимаемых шагов? Чем противник готов пожертвовать? Что говорит история о потенциальном множестве возможных действий противника? Какова будет его реакция на предпринимаемые против него действия? И самым сложным и неосязаемым в такого рода оценках и расчетах была и остается воля противника.

Как показывает исторический опыт, выводы, базирующиеся только на

¹ Программа объединенных передовых методов ведения боевых действий (*Joint Advanced Warfighting Program*), Института военного анализа США определяет дискурсы как «постоянный обмен идеями или мнениями (с обратной связью): 1) по частным темам, 2) поиска ясности и 3) с точки зрения достижения динамического понимания». Дискурсы командующего объединенными силами должны «принимать множество форм», «происходить на многих уровнях», «быть развивающимися (ситуация и обстановка могут измениться, и достигнутые соглашения постоянно меняются, в отличие от конечных целей, которые меняются редко (или не меняются вообще)). <...> Они (дискурсы) должны быть интеллектуально жесткими (поддерживать дебаты, требовать честности от всех участников дискуссии, создавать эффективные цепи обратной связи» [24].

оценках количества вооружения и военной техники, технологических возможностях противника и пр., которые в состоянии обеспечить разведсообщество, зачастую оказываются неадекватными. Высшее и военное руководство страны должны сфокусироваться на понимании противника, как сложной адаптивной системы, неотъемлемым элементом которой является его воля [43, pp. 8-9].

Таким образом, стратегический фрейм в определенной степени формализует сложный процесс трансляции политических и стратегических целей в военные действия, позволяя БДЭ-подходу обеспечить постановку и ответы на следующие вопросы:

- Каковы стратегически цели страны в планируемой военной кампании. Каковы должны быть ее результаты?
- Какие виды политических и военных эффектов могут обеспечить достижение стратегических целей? Каким образом военные эффекты могут способствовать достижению политических целей?
- Каковы возможности противника? Как планируется реагировать на возможные действия противника?
- Каким образом будет происходить адаптация, если политический, стратегический, операционный или тактический контекст проводимой кампании начнет сопротивляться предпринимаемым усилиям? [43, p. 24]

Работа в рамках стратегического фрейма требует, чтобы высшее и военное руководство страны постоянно находилось в поле напряженности, формируемом триединством:

- того, что должно достигаться (стратегические цели), при помощи чего (методы и инструменты национальной мощи) и каким образом (через достижение каких эффектов);
- дискурсов, позволяющих понять намерения других и четко сформулировать и прояснить свою точку зрения на то, что может быть достигнуто, при помощи каких сил и средств, каким образом; и
- решительных и стремительных действий по достижению поставленных целей и стратегических результатов [43, p. 17].

ОБДЭ на операционном уровне войны

Именно на операционном уровне выстраивается военный инструмент национальной мощи внутри широкой национальной или многонациональной кампании. При этом первичной проблемой становится разделение задачи по оценке эффектов между уровнем командующего объединенными силами и командира-

ми подчиненных подразделений внутри объединённого оперативного соединения. Командующий и его штаб, подчиненные командиры и начальники родов войск и служб должны ответить на ряд вопросов, позволяющих им ясно представить, какие эффекты и каким образом будут обеспечиваться. Вопросы могут звучать следующим образом:

- Посредством каких сил и средств предполагается достижения стратегических эффектов? Какие из них доступны немедленно, а какие требуют времени для своего разворачивания?
- Какова потенциальная цена планируемых военных действий на операционном и стратегическом уровнях? Не является ли цена достижения определенных эффектов слишком высокой с политической или военной точек зрения?
- Каковы потенциально негативные эффекты планируемых военных действий?
- Обеспечен ли реалистический баланс между целями и средствами, необходимыми для достижения планируемых эффектов, позволяющих достичь стратегических целей? [56, pp. 147-173].

Выводы

Потенциал концепции ОБДЭ по оркестровке элементов национальной мощи для достижения целей национальной политики является многообещающим, однако многоликость концепции ОБДЭ, отсутствие единого видения, затрудняет ее понимание. В то же время быстрое распространение БДЭ-терминологии, ее проникновение, в том числе, и в военные доктрины резко уменьшают эффективность ОБДЭ, делая концепцию еще более проблематичной и даже опасной [20, pp. 52-53]. Сообщество, занимающееся проблемами НБ, вполне обоснованно говорит о том, что необходимо ясное понимание того, как концепция ОБДЭ намерена обеспечивать решение соответствующих задач, относящихся к сфере национальной безопасности страны. И если уже в рамках военной сферы имеются проблемы даже с общей лексикой, то опрометчиво надеяться, что другие агентства и ведомства, работающие в данной сфере, будут готовы принять идеи и смыслы, которые несет с собой ОБДЭ. Это тем более актуально, если принять во внимание, что тот же Государственный департамент США, другие ведомства и организации имеют свою уникальную культуру, что в прошлом становилось препятствием по созданию общей, универсальной среды и языка национальной безопасности [20, p. 48]. Вышеназванные проблемы недвусмысленно приводят к выводу, что БДЭ-подход не может рассматриваться как сугубо военная концепция, разрабатываемая военными и в интересах военных, но должен стать частью стратегии НБ. В противном случае говорить об эффективности ОБДЭ – как кон-

цепции по оркестровке элементов национальной мощи – является некорректным [20, р. 52].

ОБДЭ, безусловно, ужесточает требования к высшему и военному руководству страны. Будущие командующие должны одновременно действовать локально, регионально и глобально, что требует разработки фрейма, в рамках которого можно было бы обеспечить такое целостное понимание [48, р. 30]. Концепция ОБДЭ претендует на эту роль. Превращение БДЭ-подхода в фрейм, в рамках которого организации и ведомства, занятые в сфере НБ, интегрируют свои усилия при решении задач национальной политики, может стать своего рода прорывом. Военные операции никогда не существуют отдельно от реальностей политики, и, хотя военные непосредственно не определяют национальную политику, они должны быть уверены, что их действия находятся в русле стратегии НБ и дополняют политические, дипломатические и экономические усилия страны [1, pp. 24-25]. Концепция ОБДЭ как фрейм должна помочь высшему руководству страны определить, каким образом используются различные элементы национальной мощи при реализации национальной политики и решении задач НБ на всем спектре мира, кризиса и конфликта. В «Единой перспективе-2020» (*Joint Vision 2020*) данный процесс описывается как «Домирование на всем спектре» [53, р. 3].

Концепция ОБДЭ также может помочь понять важность четкого определения целей национальной политики, конечных результатов реализуемой стратегии НБ и помочь в их оформлении. Благодаря БДЭ-мышлению появляется шанс, что со временем станет нормой осознание того, что предпринимаемые действия могут приводить к кумулятивным или каскадным эффектам, распространяющимися по всем уровням и аренам, на которых реализуется национальная политика. Более того, как действия, так и вызванные ими эффекты чаще всего не могут быть отыграны. Это означает, что БДЭ-подход требует появления новых лидеров, способных фокусироваться на результатах проводимой политики и способных интегрировать все элементы национальной мощи для достижения желаемых эффектов [5, р. 18].

Таким образом, концепция ОБДЭ не является новой формой войны, и она не призвана заменить какую-либо из существующих и признанных ее форм. ОБДЭ это, скорее, новый способ мышления, вокруг старых как мир проблем стратегии – каким образом достичь желаемых политических результатов и нанести поражение противнику с минимальными затратами ресурсов и наименьшими потерями. На протяжении всей истории лица, принимающие военные решения, стремились создать условия, которые помогли бы политическому руководству в достижении целей национальной политики, Успешные командующие всегда преступали пределы чисто военных операций и через понимание

противника, его намерений, процесс анализа, оценки, адаптации своих сил, проводили операции, основанные на эффектах и действительности, а не надежде и вере [29, pp. 17-18]

Византийский генерал Велисарий (*Belisarius*) сказал: «Самой полной и счастливой победой является следующая: принудить врага отказаться от своих целей, не понеся самому какого-либо ущерба» [35, p. xii]. Однако такой подход к войне в рамках западной культуры все еще находится в эмбриональном состоянии. В настоящее время западное военное мышление продолжает оставаться ориентированным на достижение целей, но не эффектов, которые вызовут их достижение. Исторически западная военная культура и ее доктрины вращались вокруг классических понятий изнурения и уничтожения, сосредотачиваясь на разрушении живой силы противника, ее материальной части и инфраструктуры. Однако применение концепции беспредельной и неограниченной войны в условиях среды безопасности XXI века достаточно проблематично, и у высшего и военного руководства страны должны быть планы военных кампаний, которые принимают во внимание не только чисто военные последствия проводимых боевых действий, но более широкий контекст, что, в свою очередь, требует учета более широкого диапазона эффектов, которые могут повлиять на противника или изменить его действия и/или поведение [1, p. 11].

Цель войны состоит в том, чтобы заставить противника действовать согласно нашим стратегическим интересам. Причем в идеальном случае желательно, чтобы сделать это так, чтобы противник не догадался, что на него воздействуют. Если относиться к проведению войны, исходя из этой перспективы, традиционные методы военного воздействия и применения силы становятся только одними из методов в спектре возможных вариантов и эффектов. Сосредоточение скорее на эффектах – цели стратегии, нежели традиционных военных средствах их достижения, позволяет нам рассматривать другие и подчас более эффективные способы достижения тех же целей с меньшим количеством ресурсов [23, p. 26].

Военные технологии XXI века, в том числе и появление высокоточного оружия, повышение возможностей наблюдения и разведки на качественно новый уровень, создают предпосылки для получения качественного превосходства в точности, диапазоне, скорости и объеме применяемого огня. Это, в свою очередь, расширяет диапазон возможностей для более тонкой работы и воздействия уже на ментальную и психологическую реальность противника. Появляется возможность создания операционной среды, характеристикой которой становится вездесущее и непрерывное влияние на мышление и намерения противника, схожее с ролью гравитации в физической реальности [48, p. 24]. Тем самым, цели национальной политики достигаются через обеспечение непрерыв-

ного присутствия на нео-кортикальном уровне духа противника [57, pp. 41-55] (*neo-cortical layer of an adversary's psyche*). В этом случае враждебность наций, негосударственных акторов может быть нейтрализована без вызывания социальных, экономических или физических разрушений. Действуя быстро и решительно, широко используя возможности всех инструментов национальной мощи, можно добиться глобального доступа, давления и паралича способности противника действовать согласованно. Однако вооружение высшего и военного руководства страны такого рода возможностями подразумевает его готовность использовать данный инструментарий [48, p. 26]. Аспекты концепции ОБДЭ, связанные с ментальной и пси-реальностью пространства боя и процессов принятия решений, развиваются, в том числе, в рамках исследовательских программ ИПКиУ, и им будет уделено соответствующее внимание.

Таким образом, ОБДЭ – эволюционная концепция, которая не отвергает и не аннулирует традиционные военные концепции, но расширяет боевые и не только возможности командующего по применению всех или некоторых элементов национальной мощи для достижения оперативных и стратегических результатов. Изнурение и уничтожение против эффектов – это ложная дихотомия, и ОБДЭ необходимо считать расширением, а не заменой традиционных военных операций [21, pp. 15-16].

Уходящим в традиции, парадигмы и стратегическое наследие прошлого вызовом для военных было, есть и остается распознавание происходящих в военной сфере и стратегии, обществе в целом изменений, их схватывание и использование, прежде чем это сделает противник. Макиавелли сказал: «Нет ничего более трудного для исполнения, ни более сомнительного для успеха, ни более опасного для управления, чем инициирование нового порядка вещей» [36, p. 21]. Концепция ОБДЭ претендует на то, чтобы стать тем самым новым порядком вещей, и ее потенциал практически неограничен. Она может стать фреймом, в рамках которого через оркестрирование и оптимизацию достигается максимум эффективности инструментов национальной мощи по достижению стратегических целей нации [20, p. 39]. Это позволяет говорить о необходимости более внимательного и подробного рассмотрения концепции в рамках последующих работ.

«Мы должны постоянно быть начеку и сохранять восприимчивость к пока еще не вполне прояснившимся методам и вооружениям. Следующая война будет выиграна в будущем, а не в прошлом. Мы должны идти вперед, иначе пойдем на дно».

Генерал Дуглас МакАртур

Июнь, 2009г.

Источники и литература

1. *Kevin D. Admiral*, Effects-Based Operations: Enhancing Operational Art and Design in the 21st Century. Norfolk, VA: National Defense University, Joint Forces Staff College, 2005. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA436609>
2. Air Corps Tactical School Lecture Text. Principles of War Applied to Air Force Action, Maxwell Field, AL: ACTS Course "Air Force," 1934-1935.
3. *Atkinson Simon R. and James Moffat*, The Agile Organization: From Informal Networks to Complex Effects and Agility. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2005. 29 may 2009. <http://www.dodccrp.org/files/Atkinson_Agile.pdf>
4. *J. Boone Jr. Bartholomees*, A Survey of Strategic Thought // *Bartholomees, J. Boone Jr. (ed.)*, U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy Revisited, Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 29 may 2009. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB708.pdf>
5. *Allen W. Batschelet*, Effects-Based Operations: A new Operational Model, Strategic Studies Institute "Transformation Concepts for National Security in the 21st Century," Advanced Strategic Art Program (ASAP), 2002. 29 may 2009. <http://carlisle-www.army.mil/ssi/pubs/2002/transon/transcon.htm>
6. *T.W. Beagle*, Effects-Based Targeting: Another Empty Promise? Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 2000. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA391749>
7. *Price T. Bingham*, Seeking Synergy: Joint Effects-Based Operations, Joint Force Quarterly: JFQ, #30, Spring 2002. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/jfq_pubs/
8. *Allen Hamilton Booz*, Summary of the MORS Workshop: Analyzing Effects-Based Operations. Military Operations Research Society (MORS).McLean, VA: Jan. 2002. 29 may 2009. http://www.mors.org/meetings/oa_nco/nco_pres/Iwanski.pdf
9. *Richard Brooks* (ed.), Atlas of World Military History. London: Harpers Collins Publishers, 2000.
10. *Wendy H. Burkett*, Assessing the Results of Effects-Based Operations (EBO): The Relationship Between Effects-Based Operations and the Psychological Dimension of Warfare. Carlisle Barracks, PA: Army War College, 2003. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA414951>
11. *Jim Caldwell*, MC02 experiment extends C4ISR to all services. Virginia: TRADOC News Services, 26 June 2002.
12. *Carpenter Paul M. and William F. Andrews*, Effects-based Operations: Combat Proven, Joint Force Quarterly (JFQ), #52, Winter 2009, pp. 78-82; *Paul K. Van Riper*, EBO: There Was No Baby in the Bathwater, Joint Force Quarterly (JFQ), # 52, Winter 2009. 29 may 2009. http://www.ndu.edu/inss/Press/jfq_pages/i52.htm
13. *Arthur K.Cebrowski*, The Implementation of Network-Centric Warfare. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense. 29 may 2009. http://www.oft.osd.mil/library/library_files/document_387_NCW_Book_LowRes.pdf
14. *Arthur K.Cebrowski*, Military Transformation. A Strategic Approach, DOD, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, Fall 2003, p. 34. 29 may 2009. <http://>

- www.iwar.org.uk/rma/resources/transformation/military-transformation-a-strategic-approach.pdf
15. *Gary H. Cheek*, *Effects-Based Operations: The End of Dominant Maneuver?* Carlisle Barracks, PA: Army War College, 2002. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA401019>
 16. *Winston Churchill*, *Winston Churchill Addresses A Joint Session Of Congress*, December 26, 1941. 29 may 2009. <http://rightwingnews.com/speeches/churchdec.php>
 17. *Wesley Clark*, *Waging Modern War*. New York, NY: PublicAffairs, LLC, 2001.
 18. *Eliot A. Cohen*, *Supreme Command: Soldiers, Statesman, and Leadership in Wartime*. New York, NY: Free Press, 2002.
 19. *Craven, Wesley, F. and James L. Cate, eds.*, *The Army Air Forces In World War II*, vol. 6, *Men and Planes*. Chicago: University of Chicago Press, 1955; new imprint, Washington, D.C.: Office of Air Force History, 1983.
 20. *Michael L. Davidson*, *Culture and Effects-Based Operations in an Insurgency*. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, Army Command and General Staff College, 2005. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA437568>
 21. *Paul K. Davis*, *Effects-Based Operations: A Grand Challenge for the Analytical Community*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2001. 29 may 2009. <http://www.rand.org/publications/MR/MR1477>
 22. *Richard G. Davis*, *Carl A. Spaatz and the Air War in Europe*. Washington, DC: Center for Air Force History, 1983.
 23. *David A. Deptula*, *Effects-Based Operations: Change in the Nature of Warfare*. Arlington VA: Aerospace Education Foundation, Defense and Airpower Series, 2001. 29 may 2009. <http://www.aef.org/pub/psbook.pdf>
 24. *Discourses and the Joint Force Commander*, Joint Advanced Warfighting Project, Alexandria, VA: Institute for Defense Analyses Brief, December 2001.
 25. *Giulio Douhet*, *The Command of the Air*. New York: Coward-McCann, 1942; Reprint, Washington, DC: Office of Air Force History, U.S.AF, 1983 <1921, 1927>.
 26. *David S. Fadok*, *John Boyd and John Warden: Airpower's Quest for Strategic Paralysis*, in *The Paths of Heaven: The Evolution of Airpower Theory*, Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 1997. 29 may 2009. http://aupress.maxwell.af.mil/saas_Theses/Fadok/fadok.pdf
 27. *Muir S. Fairchild*, *National Economic Structures*, Maxwell Field, AL: Air Corps Tactical School Lecture, 5 April 1939.
 28. *Fleet Marine Force Manual 1 (FMFM1), Warfighting*, Washington, DC: Department of the Navy, Headquarters United States Marine Corps, 20 June 1997. 29 may 2009. <http://www.marines.cc/downloads/FMFM1/FMFM1-1.pdf>
 29. *Dennis J. Gleeson et al.*, *New Perspectives on Effects-Based Operations: Annotated Briefing*, Alexandria, VA: Joint Advanced Warfighting Program, Institute for Defense Analyses, 2001. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA395129>
 30. *Wayne M. Hall*, *Notes, The Pieces of Information Superiority // United States Joint Forces Command, Millennium Challenge 2002, Joint Integrating Experiment, 2002.*

31. *Haywood S. Jr. Hansell*, The Air Plan that Defeated Hitler. Atlanta: Higgins-McArthur/Longino & Porter, Inc., 1972.
32. *Haywood S. Hansell*, The Strategic Air War against Germany and Japan. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1986.
33. *Len Hawley*, A Policy-makers Perspective on Effects Based Operations, MORS keynote address // Workshop Summary, The Bulletin of Military Operations Research (MORS), March 2002.
34. *Keaney, Thomas A. and Eliot A. Cohen*, Gulf War Air Power Survey, Summary Report. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993.
35. *Basil H. Liddell Hart*, Strategy, 2nd edition, 1954, reprint, New York: Frederick A. Praeger, 1967.
36. *Niccolò Machiavelli*, The Prince and The Discourses. The Modern Library, Random House, Inc., 1950.
37. *David MacIsaac*, Voices from the Central Blue: Air Power Theorists, // *Peter Paret, ed.*, Makers of Modern Strategy, Princeton, NJ, 1986, p. 630.
38. *Edward C. III Mann et al.*, Thinking Effects: Effects-Based Methodology for Joint Operations, CADRE Paper No. 15. Maxwell Air Force Base, AL, Air University Press, October 2002. 29 may 2009. http://www.maxwell.af.mil/au/aul/aupress/CADRE_Papers/PDF_Bin/mann.pdf
39. *Millett, Allan R. and Williamson Murray*, The Lessons of War, The National Interest, #14, Winter 1988/1989.
40. *William Mitchell*, Our Air Force: The Keystone of National Defense. New York: E. P. Dutton & Company, 1921. 29 may 2009. <http://ia341040.us.archive.org/2/items/ourairforcekeyst00mitcrich/ourairforcekeyst00mitcrich.pdf>
41. *William Mitchell*, Skyways: A Book on Modern Aeronautics. Philadelphia: J. B. Lippincott Company.
42. *William Mitchell*, Winged Defense: The Development and Possibilities of Modern Air Power - Economic and Military. New York: Dover Publications Inc., 1988, reprint of 1928 original publication.
43. *Murray, Williamson and Kevin Woods*, Thoughts on Effects-Based Operations, Strategy, and the Conduct of War. Joint Advanced Warfighting Project, Alexandria, VA: Institute for Defense Analyses, IDA Paper P-3869, October 2004. 29 may 2009. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ada428069>>
44. *Williamson Murray*, Reflections on the Combined Bomber Offensive, Militargeschichtliche Mitteilungen, 51, 1992.
45. *Williamson Murray*, Gulf War Air Power Survey (GWAP), Vol. 2, Part I, *Operations*, Department of the Air Force, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993.
46. *Mancur Jr. Olson*, The Economics of Target Selection for the Combined Bomber Offensive, RUSI Journal, vol. CVII, November 1962.
47. *William J Ott*, Maj Gen William "Billy" Mitchell: A Pyrrhic Promotion, Air & Space Power Journal, December 1, 2006. 29 may 2009. <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj06/win06/ott.html>

48. *David W. Pendall*, Effects-Based Operations and the Exercise of National Power, *Military Review*, vol. 34, no. 1, Jan./Feb. 2004. 29 may 2009. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/milreview/pendall.pdf>
49. *Ralph Peters*, Bloodless Theories, Bloody Wars: Easy-win concepts crumble in combat, *Armed Forces Journal*, 143, # 9, April 2006. 29 may 2009. <http://www.armedforcesjournal.com/2006/04/1813800>
50. *Hayes, Richard Dr. and Sue Iwanski, Ms.*, Analyzing Effects Based Operations (EBO) Workshop Summary, PHALANX: The Bulletin of Military Operations Research (MORS), Vol. 35, No. 1, March 2002. 29 may 2009. http://www.mors.org/meetings/ebo/ebo_phalanx.pdf
51. *Leonard D. Rickerman*, Effects-Based Operations: A New Way of Thinking and Fighting. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, Army Command and General Staff College, 2003. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA416050>
52. *Max Schoenfeld*, Winston Churchill as War Manager: The Battle of the Atlantic Committee, 1941, *Military Affairs*, Vol. 52, #3, Jul., 1988.
53. *Henry H. Shelton*, Joint Vision 2020 America's Military: Preparing for Tomorrow. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, June, 2000.
54. *Edward A. Smith*, Complexity, Networking, and Effects-Based Approaches to Operations. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2006. 29 may 2009. http://www.dodccrp.org/files/Smith_Complexity.pdf
55. *Edward A. Smith*, Effects Based Operations: Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2002. 29 may 2009. http://www.dodccrp.org/files/Smith_EBO.pdf
56. *Richard M. Swain*, Filling the Void: The Operational Art and the U.S. Army // *McKercher B. J. C. and Michael A. Hennessy* (eds.), *The Operational Art: Developments in the Theories of War*, Westport, CT: Praeger, 1996.
57. *Richard Szafranski*, Neocortical Warfare? The Acme of Skill, *Military Review*, Vol. 74, Issue 11, November 1994. 29 may 2009. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/milreview/neocortical.pdf>
58. *The United States Strategic Bombing Survey Report (European War)*. September 30, 1945, reprinted in *The United States Strategic Bombing Surveys (European War) (Pacific War)*. Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 1987. 29 may 2009. <http://www.anesi.com/ussbs02.htm>
59. *U.S. Air Combat Command*, Effects Based Operations. White Paper. Washington, D.C.: Government Printing Office, May 2002.
60. *U.S. Department of the Air Force*. Air Force Basic Doctrine, Air Force Doctrine Document 1, Washington, D.C.: Department of the Air Force, 17 November 2003. 29 may 2009. <http://www.docstoc.com/docs/896768/AFDD-1-Air-Force-Basic-Doctrine>
61. *U.S. Department of the Air Force*. Information Operations. Air Force Doctrine Document 2-5. Air Force Doctrine Center, Washington, D.C.: Department of the Air Force, 11 January 2005. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/service_pubs/afd2_5.pdf

62. *U.S. Department of the Army*, Operations, Field Manual 3-0, Washington, D.C.: Department of the Army, June 14, 2001. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/service_pubs/fm3_0a.pdf
63. *U.S. Department of the Army*, Concepts for the Objective Force. White Paper. Washington, DC: Department of the Army, 2001. 29 may 2009. <<http://www.army.mil/features/WhitePaper/ObjectiveForceWhitePaper.pdf>>
64. *U.S. Department of the Navy*. Vision...Presence...Power: A Guide to U.S. Navy Programs, Washington, DC: Department of the Navy, 2002 ed. 29 may 2009. <<http://www.chinfo.navy.mil/navpalib/policy/vision/vis02/top-v02.html>>
65. *U.S. Joint Chiefs of Staff*, Joint Doctrine Encyclopedia. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 16 July 1997b. 29 may 2009. <http://www.dtic.mil/doctrine/jrm/encyclop.pdf>
66. *U.S. Joint Chiefs of Staff*. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Publication 1-02. Washington, D.C.: JCS, 12 April 2001 (As Amended Through 17 March 2009). 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp1_02.pdf
67. *U.S. Joint Chiefs Staff*. Joint Operations. Joint Publication 3-0. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 17 September 2006, Incorporating Change 1, 13 February 2008. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf
68. *U.S. Joint Forces Command*. Operational Implications of Effects-based Operations (EBO), Joint Doctrine Series: Pamphlet 7, Suffolk, VA: Joint Warfighting Center, Nov. 17, 2004. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/other_pubs/jwfc pam7.pdf
69. *U.S. Joint Forces Command*. A Concept Paper for Operational Net Assessment (ONA) *Version 2.0*. Norfolk, VA: 3 May 2004
70. *U.S. Marine Corps*. Concepts & Programs 2002. Washington D.C.: Headquarters, U.S. Marine Corps Programs and Resources Department, 2002.
71. *Ullman, Harlan and James Wade*. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 1996. 29 may 2009. http://www.dodccrp.org/files/Ullman_Shock.pdf
72. *John A. III Warden*, The Enemy as a System, *Airpower Journal*, Spring 1995, p. 54. 29 may 2009. http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/warden.htm
73. *Watts, Barry D. and Thomas A. Keaney*. Gulf War Air Power Survey (GWAP), Volume 2, Part 2, *Effects and Effectiveness*, Department of the Air Force, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993. 29 may 2009. <<http://www.fas.org/sgp/library/gwapsv2.doc>>
74. *Рачья Арзуманян*, «Континуум войны и западная военная культура», Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», # 2 (4), Ереван, 2006, сс. 35-77. 29 may 2009. http://www.noravank.am/file/article/19_ru.pdf
75. *Рачья Арзуманян*, «Теория и принципы сетцентричных войн и операций», Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», # 2 (8), 2008, сс. 66-127. 29 may 2009. http://noravank.am/file/article/361_ru.pdf

76. *Рачья Арзуманян*, «Трансформация военной сферы Армении и императивы новой эпохи», Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», № 1(7), 2008, сс. 25-70. 29 may 2009. http://www.noravank.am/file/article/328_ru.pdf
77. *Карл фон Клаузевиц*, О войне. М., ООО «Изд-во АСТ»; Спб.: «Terra Fantastica»,(в 2т.), Т.1, 2002.

CONCEPT OF THE EFFECTS-BASED OPERATIONS

Hrachya Arzumanian

Resume

The concept of the “effects-based operations” (EBO) describes the influential and versatile phenomenon of the western military thought. The EBO concept proceeds from the fact that during the planning and realization of the military operations and campaigns it is necessary to focus more attention on the influencing the behavior of the enemy rather than on the destruction of his armed forces. The EBO concept lays a claim to become that very new order and its potential is almost not restricted. It may become the framework within which through the arrangement and optimization maximum efficiency of the national power instruments used for the achievements of the strategic goals is attained. This allows speaking about the necessity of the more attentive and detailed examination of the concept within the framework of the following works.

Памятка автору

Журнал «21 Дар» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены в виде распечатки и в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтом «*Sylfaen*» размером 11 и не превышать 15 страниц.
2. Со статьей обязательно представляется автобиография (*CV*) автора.
3. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля – по 2 см слева, справа, сверху и снизу. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие аннотации (на языке статьи) и резюме (на языке, отличном от языка самой статьи).
4. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье, с указанием страниц(ы) после номера источника. Страница указывается на языке оригинала: «Էջ» (на армянском), с. (на русском), р. (на английском, французском и т.д.). Например: [1], [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература», приводится список использованных источников по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом 10-ого размера, например:
 1. *Մարգարյան Ա.*, Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը սնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ դար», # 1, էջ 5, 2003:
 2. *Шарипова Р.*, Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, с. 15, М., 1986.
 3. *Yasha Lange*, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
5. Ссылки на интернет-источники желательно давать в сносках.
6. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արար.).

Редакция

«21-й ВЕК» информационно-аналитический журнал
Редакционный совет

Учредитель – научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»
Свидетельство № 221 Государственного регистра
Министерства юстиции РА, выданное 17.05.2001г.
Адрес: РА, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1
Сайт: www.noravank.am
e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am
Телефон: + (374 10) 44 38 46
Факс: + (374 10) 44 04 73

Ответственная за номер – Лусине Баграмян

Подписано к печати 22.01.2010г.
Номер 1 (13), 2009г.
Тираж 300

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16
Усл. п. л. 15. Шрифт: Sylfaen
Издательство ООО «Гаспринт»